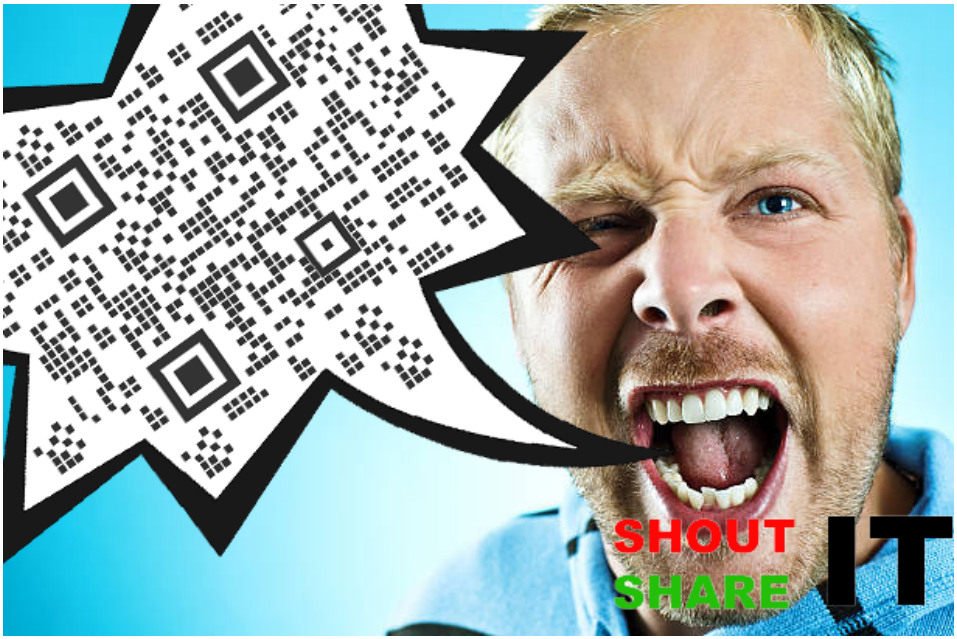
400-ЛЕТИЕ ДОМА РОМАНОВЫХ

НИКОЛАЙ II

БЕЗ РЕТУШИ

издательство
амфора


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книгу, посвященную российскому императору Николаю II, вошли воспоминания людей из его ближайшего окружения – родственников, доверенных лиц, министров, военачальников, а также фрагменты переписки, дневники, редкие документы. Антология воссоздает наиболее значимые эпизоды последнего царствования.

- Николай II без ретуши
  - Расстрелянный император
  - Часть I
    - Цесаревич
    - Первая любовь и покушение во время путешествия на Восток
    - Смерть отца и свадьба
    - Александра Федоровна
    - Достойный молодой человек
    - Ходынка
    - Серафим Саровский и Кишиневский погром. 1903
    - Анатолий Алексеевич Клопов
  - Часть II
    - Русско-Японская война
    - Первая революция
    - Витте и Столыпин
    - Государственная Дума и Распутин
    - Семейное счастье
  - Часть III
    - Первая мировая война
    - Революция
    - Конец
    - Основные даты жизни императора Николая II
    - Библиография
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25

Николай II без ретуши
сост. Н. Л. Елисеев

Расстрелянный император

Греми, моя лира!
Я гимны слагаю
Апостолу мира,
Царю Николаю!

Демьян Бедный

Здесь кедр топором перетроган,
Зарубки у самой коры.
У самого корня дорога,
И в ней император зарыт.

Владимир Маяковский

Была эпоха возобновленных исторических дискуссий, а Нина Берберова не могла жить без политики, и разговор, не в первый раз, зашел у нас с ней о расстрелянном императоре. «Ходынка, Цусима, девятое января, 14-й год, и все-таки никто не заслужил той смерти, которой умер он, с сыном на руках!» – сказал я. «Он заслужил! Он заслужил свою смерть! Десять таких смертей!»

Омри Ронен «Берберова (1901–2001)»

А после – хлопцы-косари
С таким усердьем размахнулись,
Что все кровавые цари
В своих гробах перевернулись.

Он был непостижим. Всякий человек непостижим. Он мечтал вернуться в XVII век. Его любимым царем был «тишайший» царь, Алексей Михайлович, не любимым – европеизатор, «революционер на троне» Петр I. И именно при нем, при Николае II, Россия стала более европейской страной, чем при каком бы то ни было другом русском царе. Именно при нем, при Николае II, в стране разразились революции.

Он исповедовал принцип самодержавия: царь ответственен за страну перед Богом и только. Между царем и народом не может быть никакого средостения в виде парламента, прессы, общественного мнения, партий. Царь и народ. Царь и Бог. Непосредственным, мистическим чудом царь так же связан с народом, как связан с Богом. Никто из русских императоров не исповедовал этот принцип с такой неистовой последовательностью, как император Николай II. И именно при нем в России возникли первый настоящий парламент, первые настоящие партии, настоящие общественно-политические журналы. При нем Россия глотнула настоящей европейской свободы. При нем был взорван последний остаток традиционного общества в России, крестьянская община в деревне. Он все делал, чтобы оставаться самодержавным властителем, ответственным перед Богом, а обстоятельства раз за разом заставляли его двигаться в сторону конституционной монархии, Запада, вестернизации и модернизации.

Во время коронационных торжеств он объяснил представителям местного российского самоуправления, земства, что все их расчеты на серьезное участие в управлении страной – не более чем бессмысленные или беспочвенные мечтания. Их дело – школы, больницы, дороги, а управлять бесконтрольно и безгранично будет он и только он. Спустя десять лет он подпишет указ о созыве первого российского парламента, Государственной думы. В опросном листе Первой всеобщей переписи населения в графе «профессия» он с гордостью напишет: «Хозяин земли Русской», чуть позже будет с той же гордостью рассуждать о том, что от его слова и настроения будет зависеть – пошлет дядя Вили (Вильгельм II) войска в Китай или не пошлет: «Как приятно чувствовать себя человеком, от слова которого зависят судьбы мира», – и кончит свои дни бесправным пленником, зависимым от конвоиров, не способным спасти не то что страну – свою семью.

Он был православным, истово верующим, соблюдающим все обряды. В его царствование было канонизировано больше святых,

чем за все послепетровские царствования. И именно при нем православная церковь чаще всего ссорилась с царствующим императором. Начиная с трудной канонизации самого любимого, самого дорогого для него святого – Серафима Саровского и кончая распутинскими скандалами, Николай II постоянно конфликтовал с той церковью, которой хотел быть верен.

Он был инициатором созыва мирных конференций в Гааге и Женеве. Он и в самом деле хотел быть «апостолом мира». И именно он втянул Россию в две кровопролитнейшие войны.

Он хотел, чтобы народ полюбил его. Не буржуазия, не дворянство, не образованное сословие, парламентарии и журналисты, но простой народ, землепашцы и мелкие чиновники. Для этого он дружил и переписывался со служащим железнодорожного ведомства, Анатолием Клоповым, для этого советовался с сибирским мужиком, Григорием Распутиным (Новых). И именно при нем в центре столицы стреляли в народную демонстрацию. Именно о нем говорили в народе так, что журналист Василий Розанов вздрагивал, но старательно, впрочем, записывал: «…старик лет 60-ти, „и такой серьезный“, Новгородской губернии, выразился: „из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть“. Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи, ленточка за ленточкой».

Его прокляли как Кровавого и канонизировали как святого. О нем говорили, что хорошо бы ему быть частным лицом, гвардейским полковником, а не руководителем великой страны, но сам-то он вовсе не хотел быть частным лицом. Сам-то он гордился тем, что Провидение вручило ему власть над Российской империей. Он был фантастический неудачник. Он проиграл все, что только можно проиграть. В конце жизни он увидел, как его страна ввергается в любимое им время, в тот самый, чаемый им XVII век, с бунтами, бесконтрольной верховной властью, неистовой, фанатичной властью, ненавистью к Европе, к Западу. Только ввергают страну в этот самый, оказывается, очень страшный, куда уж как неуютный век его враги, крайние западники, марксисты, революционеры, экстремисты, мечтающие о свободе для всех и справедливости для всех. Великая тщета всех человеческих усилий – вот что должно было поразить Николая Александровича Романова, перед тем как пули расстрельной команды изрешетили его и его семью в подвале ипатьевского дома.

Он был вовсе не одинок в своей судьбе. Его проблема – проблема традиционного монарха в модернизирующейся стране,

проблема, широко распространенная – от Китая до Германии. В сущности, монархи всех модернизирующихся стран каждый по-своему решили эту проблему или были решены ею. Легче всех отделался австро-венгерский император Франц Иосиф. Он умер незадолго до социального взрыва, разнесшего на национальные клочки его империю. Он не увидел, как погибла та империя, которую он сохранил в 1848–1849-х.

Удивительнее всех история обошлась с японским императором Хирохито, военным преступником, инициировавшим опыты по производству бактериологического оружия на военнопленных. Он сдался на милость американских победителей, был пощажен, оставлен, пусть и совсем номинально, на троне, а после смерти удостоился уважительного фильма от русского гениального режиссера. Китайский император не избежал суда революционеров-победителей, но был не расстрелян, а «перевоспитан», сделался садовником, написал мемуары, каковые экранизировал знаменитый итальянский режиссер.

Больше всех повезло Вильгельму II, «дяде Вили» дневника Николая II. «Дядя Вили» не стал тянуть с эмиграцией. Эмигрировал сразу же после своего отречения. Жил в Голландии. Приумножил свои капиталы, вкладывал деньги в растущую германскую промышленность. С 1923 года стал получать пенсию от республиканского германского правительства как государственный служащий высокого ранга. Это было одно из немногих распоряжений Веймарской республики, которое не отменили нацисты. «Дядя Вили» дожил до 1941 года и успел увидеть немецкие танки в Голландии.

Таковы сценарии судеб монархов, не сумевших модернизировать свои страны, не сумевших приспособить себя и свои страны к новым временам. Невозможно приложить ни один из этих сценариев к Николаю II. По прошествии многих лет его обреченность становится все очевиднее. В самый разгар «перестройки», когда пошли речи о канонизации Николая II, скандально известный телеведущий пошутил: «Святой… с папироской…» Далась ведь всем эта папироска, запечатленная на уничтоженном во время захвата Зимнего дворца полотне Серова. Матросы вырезали в углу рта нарисованного Николая дырку и вставили зажженную папиросу.

Чем-то она раздражает, цепляет. И то: святой не должен быть с папиросой, самодержавный монарх не должен быть с папиросой – разные жанры. Но Николай II только то и делал, что смешивал жанры. Не по постмодернистскому кокетству (да тогда и не было постмодернизма), а просто

по слабохарактерности.

Телеведущий был талантлив и, как всякий талантливый человек, даже оскорбляя, обозначил что-то очень важное в характере и ситуации оскорбляемого человека. Святой с папироской – именно так. Святой с папироской – неуместен. Прежде всего неуместен. Вот это было самое важное в Николае II. Его неуместность. Он постоянно попадал в ситуацию неуместности, неловкости, неправильности… Конокрада держал за святого и прислушивался к его советам. Через неделю после смерти отца устраивал свадьбу. В день гибели сотен людей неподалеку от места катастрофы устраивал бал. В самый разгар войны отрекался от престола и отходил в сторону от управления страной. Самых талантливых министров отодвигал в сторону. Не сворачивая, прямою дорогой шел к гибели, святой с папироской. Самый неуместный монарх из всех когда-либо бывших на русском троне.

Только тогда становится понятна основная, главная сложность для всех его биографов. Он был закрыт. Зарешечен. «Помянет потомство еще не раз византийское вероломство Ваших ясных глаз», – писала о нем Марина Цветаева в том же стихотворении, в котором призывала: «За Русь против Советов! За Софью на Петра!» Вероломство – сильно сказано. Здесь было другое. Фантастическая воспитанность. Невероятная сдержанность. Немыслимая воля в том, что касается проявления каких бы то ни было сильных чувств. Он не любил интеллигенцию, именно потому, что сам был интеллигентом. Не принято, неприлично, не этикетно – самые важные для него слова. Это был человек, для которого подошли бы писатели вроде Хемингуэя или Чехова.

Абсолютное, ледяное спокойствие. Вежливая улыбка. Смех в ответ на удачно рассказанный анекдот. Согласный кивок в ответ на неглупое предложение. Никто и догадаться не сможет, что только что этот монарх получил известие о гибели своего любимого детища, военно-морского флота. НЕ ПОЛОЖЕНО об этом кому бы то ни было догадываться. Такая же закрытость в самом открытом жанре – в его дневнике. Маяковский по схожему поводу писал: «И там, где кому-нибудь пришлось бы самоубийством оправдать чье-нибудь фланирование по сцене, Чехов дает драму обыкновенными, будничными словами: „Астров: А должно быть, в этой Африке жарища сейчас – страшное дело!“»

Это характеристика не только чеховской драмы, но и стиля дневника Николая II – что ни говори, главного источника его человеческого понимания. «Убил двух ворон. Получил известие о волнениях в Москве. Гулял по парку. День был солнечный». Все.

Это не цитата, скорее пародия, но она мало чем отличается от оригинала. Стиль этот получил признание у одного из самых интересных поэтов и писателей XX века, у Бродского. Его спросили, ведет ли он дневник. Бродский ответил: нет, и тут же объяснил, что если бы вел, то так, как вел дневник последний русский царь. Сухо, фактографично, с минимумом психологии, с максимумом мелких и крупных житейских фактов.

Николай был человеком ритуала, человеком приличий. Именно поэтому он оказывался нарушителем ритуала, вляпывался в неприличные ситуации. Именно поэтому он любил Московскую Русь Алексея Тишайшего, когда ритуальность была отлажена и отшлифована до блеска, до без сучка и задоринки, чтобы с тем большей легкостью быть сломанной Петром. Да он и сам ломал эту ритуальность. Он хотел быть самодержавным монархом, а жить как светский, воспитанный человек начала XX века. Наступал слом, раздавался хруст. Если посол Великобритании сэр Джордж Бьюкенен видел, как ты лихо гоняешь в теннис, этого посла уже не загонишь в рамки жесткого и грозного обычая. Если ты один раз предложил этому послу сесть и протянул портсигар, мол, угощайтесь, Джордж, Вы какие предпочитаете? – то в следующий раз этого посла уже не напугаешь официальным и грозным видом: Я – самодержец всея… Если премьер-министр видит, как ты выскакиваешь с заплаканным лицом от мамы, то никакими коронами, порфирами, даже виселицами и ссылками, ты этому премьеру не докажешь, до чего же ты – самодержавен. Если председатель парламента, Думы, слышит от тебя сетования, мол, как хорошо в лесу, сегодня вот на глухарей ходил, такая благодать, а здесь – тяжело, Михал-Владимирович, очень тяжело, то какой самодержавной политики ему от тебя ждать? Все это прекрасные, человечные замашки конституционного монарха, но вовсе не самодержавного владыки. Здесь удивительная противоположность его отцу, Александру III. Он мог взять за грудки, тряхнуть министра и в ответ на его просьбу об отставке прорычать: «Да надо будет, я тебя сам вышвырну, пока работай!» А Николай выслушивал этого министра, принимал во внимание его возражения.

Штука в том, что Николай II был любимой игрушкой своей матери, датской неглупой девочки, заброшенной в Россию. У Александра III были свои проблемы. Сыном занималась мама. Вот он и вырос странно-женственным, физически сильным, душевно слабым. Ей-ей, в этом нет ничего плохого. Только хорошо и обаятельно, когда сильный мужчина, охотник, байдарочник, силач, любящий крепкую мужскую работу, пилку

и колку дров, нежен и робок, неуверен, нерешителен, а если он еще и голубоглаз, и красив, и верен своей жене – да сколько женских сердец он этим покорит! Популярность Николая II связана с тем, что всякий, кто хоть немножко прикоснется к его биографии, не сможет не почувствовать, что главная тема этой судьбы – слабость сильного мужчины. А это сочетание куда как популярно, куда как распространено. Чудовищно, когда подобным сочетанием душевных и телесных качеств судьба награждает самодержца. Не просто самодержца, а того, кто хочет оставаться самодержцем несмотря ни на что. Каким бы он ни был нежным со своими, с чужими он был безжалостен. Ни одно из прошений о помиловании он не подписал. Ни разу не проявил монаршей милости. Конечно-конечно, все это были убежденные враги, террористы, социалисты, но все-таки любопытно, с каким удовольствием он сообщает о погромах своей маме, мол, попало жидам, инженерам и прочим нехорошим людям…

Во всей его биографии вычитывается мораль. Житейская, очень циничная, неприятная, но верная. Вот две сильные женщины и один слабый мужчина. Одна из женщин любит танцевать. Другая любит молиться. Одна записывает в дневник, как на балу у НН свалились панталончики и как их генерал З. – шпорой и за кушетку; другая описывает впечатления от святого старца. Одна советует: зубами вцепись в удельные земли – никому ни за что! НАШЕ… Другая советует плату снизить в трамвае до трех копеек, бедный народ так страдает… от дороговизны трамвайных билетов. И святой старец тоже так говорит. (Любопытно, с какого бодуна занесло Григория Ефимовича в трамвай? Можно себе представить, как он шарил по карманам, нащупывая мелочь…) Вопрос, раз уж ты не можешь в жизни и политике без поводыря, какой женской руке лучше довериться? Ответ понятен: той, что принадлежит плясунье, а не богомолке.

Впрочем, так же верно и другое утверждение: никакой морали невозможно вычитать из его биографии. Уж больно странны его поступки. Едва ли человечны. Они внечеловечны. Во время торжеств, посвященных возведению памятника его дедушке, Александру II, на его глазах в театре стреляют в его премьера. Премьера отвозят в больницу. Пять дней председатель его правительства умирает. Он не просто не приезжает «навестить больного товарища и смертельно раненного подчиненного», он не прерывает программу торжеств, отправляется в другой город, празднует. Прибывает только на похороны. Абсолютное бесчувствие? Но дочка премьера вспоминает, как царь плакал, стоя на коленях, перед телом погибшего, молился и твердил:

«Прости, прости…»

Скорее уж абсолютный эгоцентризм. Воспитанное с детства одиночество, попытки это одиночество прорвать – и раз за разом неудачи, срывы, разломы. Есть символическая история в этом ряду. Во время торжеств по поводу обретения мощей Серафима Саровского царь пошел с народом. Густой толпой народ двинулся вслед за царем в монастырь по мосткам, проложенным над оврагом. Мостки провалились. Люди попадали. Царь даже не обернулся. В толпе был министр двора Его Величества, престарелый граф Фредерикс. Старичок рухнул вместе со всеми. Ему порвали мундир и пару раз заехали сапогом по щекам. Дошедши до монастыря, царь заинтересовался, а где же граф? Ему объяснили, что граф – там. Ну… где куча мала. По графу-де ходят. «Ну так найдите графа», – сказал молодой человек и вошел в монастырь. Графа нашли, перебинтовали, заклеили пластырем, переменили мундир и представили Его Величеству.

И таким он был во всем. Шел, не оборачиваясь, и очень удивлялся, когда выяснялось, что где-то провалились мостки или произошло еще что-то столь же неприятно-неопрятное. В нем была тайна. Его дядя, Николай Николаевич, мистик и полководец, задумчиво спрашивал: «Человек ли наш Государь или дух?» И сам себе отвечал: «Наверное, все же дух…» И то… Его поступки порою являются совершенно необъяснимыми. Председатель Госдумы Родзянко настаивает: министром внутренних дел не может быть Протопопов. Царь внимательно выслушивает председателя парламента, не говорит ни да ни нет. Родзянко просит прощения у царя за то, что во дворце во время прошлого приема оскорбил Протопопова. Царь соглашается: «Да это нехорошо – во дворце…» То есть вне дворца председатель парламента может оскорблять министра внутренних дел – рабочий момент, что здесь такого? Но дальше и вовсе удивительно. Родзянко обещает в следующий раз избить министра внутренних дел палкой, и царь, назначивший этого министра и не желающий его смещать, – смеется. Что в этом смехе? Над чем он смеется? Над подравшимися холопами? Тогда этот смех и вовсе нехорош…

Надо учитывать вот что – у Николая II был министр внутренних дел, который отвечал на оскорбления вызовом на дуэль, и про него никто не осмелился бы сказать, мол, в следующий раз поколочу палкой… Столыпин. Но с этим-то министром Николай Александрович как раз и не сработался. Застрелили Петра Аркадьевича накануне отставки. Может, еще и потому засмеялся Николай, что представил себе, как кто-нибудь говорит про Столыпина: «А в следующий раз побью

палкой…» Смешно.

Как раз сравнивая консервативнейшего политика, Петра Столыпина, и его монарха, Николая II, понимаешь поразительно тонкое и точное замечание Томаса Манна насчет того, что политика всегда связана с демократией. Аполитичность всегда недемократична и всегда по-настоящему консервативна. Томас Манн писал: «Любой политик в той степени политик, в какой он демократ». Это удивительно, но это так. Столыпин, работающий с Думой, спорящий с ней, находящий странное удовольствие в том, чтобы подниматься на трибуну первого российского парламента и спорить с парламентариями, – политик и демократ в той степени, в какой он политик. Николай, которого в Думу калачом не заманишь – ему бы в лес… на охоту… на теннисный корт… – никакой не политик. Он аполитичен до мозга костей.

Всю жизнь он рвался к тому, кто мог бы ему посоветовать, помочь; всю жизнь он старался стать ближе к народу, над которым был поставлен главой по праву рождения, – отсюда его дружбы с Клоповым, коллежским асессором, Распутиным, сибирским варнаком. Казалось бы, ну и будь конституционным монархом, прислушивайся к тем, кого избрал народ. Но это же адвокаты, интеллигенты или левое радикальное хулиганье. Какой-то удивительный надлом прошел через всю жизнь этого монарха. Он хотел исполнить свой долг – быть самодержцем. И не мог им быть. Не мог им быть не потому, что ему мешали революционеры или радикальные интеллигенты, а по своим же психофизическим свойствам не мог. Столыпин жалуется на Дурново и Трепова, двух крайне правых депутатов Государственной думы и членов Государственного совета. Они провернули скверную интригу за его спиной. Столыпин настаивает: их до́лжно наказать. Николай II молчит, думает, а потом спрашивает: «А что бы вы хотели, чтобы я с ними сделал?» Совершенно не важно, что отвечает Столыпин. Он, конечно, отвечает, но по человечеству (как писали в русских романах, любимых Николаем II) он должен был бы остолбенеть. Да он людей казнил по приговорам военно-полевых судов, боровшихся против того, чтобы Николай Романов делал бы то, что он (Николай Романов) хотел, а Николай Романов у него спрашивает: «А что бы вы хотели, чтобы я сделал?»

Как уже говорилось выше, Николай II терпеть не мог интеллигентов, но сам был именно что интеллигентом. Военным интеллигентом, вскинутым на трон. Помещиком Левиным из «Анны Карениной», которому досталось по праву рождения не поместье, а вся Россия. Помещиком Гаевым из «Вишневого

сада», с усердием тупицы иль спартанца шагающим навстречу гибели.

Н. Елисеев

20 января 1897 года. Опросный лист Первой всеобщей переписи, заполненный Николаем II:

Фамилия (прозвище), имя и отчество или имена, если их несколько?

– Романов Николай Александрович.

Пол?

– М.

Как записанный приходится главе хозяйства и главе своей семьи?

– Отец, хозяин.

Сколько минуло лет или месяцев от роду?

– 28.

Холост, женат, вдов или разведен?

– Ж.

Сословие, состояние или звание?

– Император Всероссийский.

Здесь ли родился, а если не здесь, то где именно (губерния, уезд, город)?

– В г. Царское Село.

Здесь ли прописан, а если не здесь, то где именно (для лиц, обязанных прописке)?

(Прочерк.)

Где обыкновенно проживает, здесь ли, а если не здесь, то где именно (губерния, уезд, город)?

(Прочерк.)

Отметка об отсутствии, отлучке и о временном здесь проживании.

(Прочерк.)

Вероисповедание?

– Православное.

Родной язык?

– Русский.

Грамотность. Умеет ли читать?

– Да.

Где обучается, обучался или кончил курсы образования?

– Дома.

Занятие, ремесло, промысел, должность или служба. Главное?

– Хозяин земли Русской.

Побочное или вспомогательное?

– Землевладелец.

Положение по воинской повинности?
(Прочерк.)

Часть I
Детство. Отрочество. Юность (1868–1903)

Цесаревич

Александр III (Александр Александрович, 26 февраля (10 марта) 1845, Царское Село – 20 октября (1 ноября) 1894, Ливадийский дворец, Крым). Император всероссийский с 1 марта (13 марта) 1881. Отец Николая II. Из письма императрице Марии Александровне:

Милая душка, Ма! Сегодня утром, около 4-х часов, Мини почувствовала снова боли, но сильнее, чем вчера, и почти вовсе не спала. Теперь боли продолжаются, и приходила мадемуазель Михайлова, которая говорит, что это уже решительно начало родов. Мини порядочно страдает по временам, но теперь одевается, и я ей позволил даже ходить по комнате. Я хотел приехать сам к Тебе и Папа́, но Мини умоляет меня не выходить от нее…

Из дневника Александра III:

6 мая 1868 г. Мама с Папа приехали около 10 часов, и Мама осталась, а Папа уехал домой. Мини уже начинала страдать порядочно сильно и даже кричала по временам. Около 12½ жена перешла в спальню и легла уже на кушетку, где все было приготовлено. Боли были все сильнее и сильнее, и Мини очень страдала. Папа вернулся и помогал мне держать душку все время. Наконец в ½ 3 час. пришла последняя минута, и все страдания прекратились разом. Бог послал нам сына, которого мы нарекли Николаем.

Александр Михайлович, великий князь (1 (13) апреля 1866, Тифлис – 26 февраля 1933, Рокбрюн) – четвертый сын великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I. Супруг великой княгини Ксении Александровны, дочери Александра III, шурин Николая II. Вице-адмирал. Один из создателей российской авиации. Из воспоминаний:

Николай II был мальчиком общительным и веселым. Детство его протекало в скромном Гатчинском дворце в семейной обстановке, среди природы, которую он очень любил. Его воспитателями были сухой, замкнутый генерал, швейцарец-гувернер и молодой англичанин, более всего любивший жизнь на лоне природы. Ни один из них не имел представления об обязанностях, которые ожидали будущего Императора

Всероссийского. Они учили его тому, что знали сами, но этого оказалось недостаточно.

Головин Федор Александрович (21 декабря 1867 (2 января 1868) – 10 декабря 1937). Общественный деятель. Один из создателей конституционно-демократической партии (кадетов, «Партии народной свободы»), депутат II и III Государственных дум. Председатель II Думы. Комиссар Временного правительства над бывшим Министерством императорского двора и уделов. В июле-августе 1921 года – член ВСЕРПОМГОЛа (Всероссийского комитета помощи голодающим). Работал в советских учреждениях. Арестован 17 сентября 1937 года. Расстрелян 10 декабря 1937. Из воспоминаний:

Кажется, в 1883 году Александр III со своей семьей посетил Лицей цесаревича Николая в Москве, в котором я в то время учился. С государем был и наследник Николай Александрович. (…) Мы были в (…) восторге от самого государя Александра III, были чуть не влюблены в государыню Марию Федоровну, но наследник цесаревич показался нам ничтожеством, не стоящим внимания. Когда государь, простившись с нами, стал спускаться по лестнице к выходу, порядок лицеистами был нарушен. Мы ринулись за государем. Поднялась сзади толкотня и давка. Наследник очутился в толпе лицеистов. Его, беднягу, затолкали, и он стал испуганно пищать: «Пропустите, пожалуйста, и я – царская фамилия». Я помню, что мы много смеялись над этой «царской фамилией», вспоминая подробности царского посещения нашего лицея.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

В семейной обстановке Николай помогал отцу строить дома из снега, рубить лес и сажать деревья, так как доктора предписали Александру III побольше движения. Разговоры велись или на тему о проказах его младшего брата Михаила, или же о моих успехах в ухаживании за его сестрой Ксенией. Все темы о политике были исключены. Поэтому не было случая увеличить запас знаний. В Царской семье существовало молчаливое соглашение насчет того, что царственные заботы Царя не должны были нарушать мирного течения его домашнего быта. Самодержец нуждался в покое. Монарх, который сумел обуздать темперамент Вильгельма II, не мог удержаться от смеха, слушая бойкие ответы своих младших детей. Ему доставляло большое удовольствие окатить ушатом холодной воды юного Михаила

Александровича, но Великий Князь не оставался в долгу и уже за обедом готовил отцу сюрприз.

Ольга Александровна, великая княгиня (13 (25) июня 1882, Петергоф – 24 ноября 1960, Торонто) – последняя великая княгиня. Дочь Александра III, младшая сестра Николая II. Литературную запись ее мемуаров оставил канадский журналист Йен (Ян) Воррес. Из воспоминаний, записанных и обработанных Й. Ворресом:

…семейные обеды скоро стали для меня сущей мукой. Мы с Михаилом все время ходили голодные, а хватать куски в неурочное время миссис Франклин нам не разрешала.

«Голодные?» – переспросил я, не скрывая изумления.

«Ну, разумеется, еды было достаточно, – принялась объяснять Великая Княгиня Ольга Александровна, – и хотя блюда были простые, выглядели они гораздо аппетитнее, чем те, которыми нас потчевали в детской. Но дело в том, что существовал строгий регламент: сначала еду подавали моим родителям, затем гостям и так далее. Мы с Михаилом, как самые младшие, получали свои порции в самую последнюю очередь. В те дни считалось дурной манерой как есть слишком быстро, так и подъедать все, что положили тебе на тарелку. Когда наступал наш черед, мы успевали проглотить лишь один или два куска. Даже Ники однажды так проголодался, что совершил святотатство».

Великая Княгиня рассказала мне, что каждый ребенок из дома Романовых при крещении получал золотой крест. Крест был полый, наполнен пчелиным воском. В воск помещалась крохотная частица Животворящего Креста.

«Ники был так голоден, что открыл крест и проглотил все его содержимое. Потом ему стало очень стыдно, но он признался, что это аморально вкусно. Я одна знала об этом. Ники не захотел рассказать о своем проступке даже Георгию и Ксении. Что же касается наших родителей, то не нашлось бы слов, чтобы выразить их негодование. Как Вы знаете, все мы были воспитаны в строгом послушании канонам религии. Каждую неделю присутствовали на литургии, а многочисленные посты и каждое событие общенационального значения отмечалось торжественным молебном; все это было так же естественно для нас, как воздух, которым мы дышали. Не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из нас вздумал обсуждать какие-то вопросы религии, и все-таки, – улыбнулась Великая Княгиня, – святотатство моего старшего брата ничуть нас не шокировало. Я только рассмеялась, услышав его признание, и впоследствии, когда нам давали что-то особенно вкусное, мы шептали друг другу: „Это было аморально

вкусно“, и никто нашего секрета так и не узнал».

Николай II (6 (18 мая) 1868, Царское Село – 17 июля 1918, Екатеринбург) – последний император всероссийский. Из дневника:

11 января 1890. Четверг. Занимался с Леером, чуть-чуть не заснул от усталости. (…)

12 января 1890. Пятница. Встал в 10½; я уверен, что у меня сделалась своего рода болезнь – спячка, т. к. никакими средствами добудиться меня не могут. (…) Катались на катке без Воронцовых. После закуски поехали в Александрийский театр. Был бенефис Савиной «Бедная невеста». Отправились на ужин к Пете (вел. кн. Петр Александрович Ольденбургский. – *Н. Е.*). Порядочно нализались и повеселились.

25 января 1890. Четверг. Утром имел Леера. (…) На каток приехали три Воронцовых. Возились с ними до после чаю. Велел сделать у себя на столе телефон, говорил через него с Сергеем. Закусывали одни. В 9 час. начался детский бал, как в 1887 г. От души веселился. (…)

27 января 1890. Суббота. Встал поздно, чем урезал Леера на два часа.

28 апреля 1890. Со своим образованием покончил окончательно и навсегда!

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Накануне окончания образования, перед выходом в Лейб-гусарский полк, будущий Император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его по знанию английского языка за настоящего англичанина. Точно так же Николай Александрович знал французский и немецкий языки. Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применить к практической жизни.

Из воспоминаний Федора Александровича Головина:

Николай II удивил меня своим знанием деталей русской истории. Когда кн. П. Н. Трубецкой, представляя меня, назвал мою фамилию, государь спросил, не мой ли предок один из сподвижников Петра Великого, Федор Головин. Далее он заметил, что первый договор с Китаем был заключен Головиным, и спросил, как звали этого Головина.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

В Николае II рано начала развиваться большая любовь к военной службе. Эта служба как нельзя лучше соответствовала складу его характера. Он был командиром эскадрона Лейб-гусарского полка. Два года прослужил офицером в Гвардейской Конно-Артиллерийской бригаде. Ко всем своим обязанностям относился серьезно и добросовестно. (…) Его скромность создала ему большую популярность в среде офицеров-однополчан. Он любил принимать участие в их вечерах, но разговоры офицерских собраний не могли расширить его умственного кругозора. Общество здоровых молодых людей, постоянной темой разговоров которых были лошади, балерины и примадонны французского театра, могло быть очень приятно для полковника Романова, но будущий российский монарх в этой атмосфере мог приобрести весьма мало полезного.

Первая любовь и покушение во время путешествия на Восток

Кшесинская (Кржесинска) Матильда (Мария-Матильда) Феликсовна (19 (31) августа 1872, д. Лигово – 6 декабря 1971, Париж) – прима-балерина Мариинского театра. Творческой карьере обязана Мариусу Петипа. Первая исполнительница главных партий в постановках Михаила Фокина («Эвника», «Бабочки», «Эрос»). «Последняя актриса балетного классицизма» – так называли Кшесинскую. «Когда на сцене танцует Кшесинская, видна прежде всего ее личность, она сама. Она играет себя, свой гений, капризный и могучий, с оттенком греховной личной гордыни», – писал о ней Аким Волынский. Интимная связь сначала с будущим императором Николаем II, а потом с двумя великими князьями надолго сделала Кшесинскую хозяйкой петербургского балета. Она определяла репертуар, смещала директоров. В 1911–1912 в спектаклях «Русских сезонов» в Париже она танцевала «Лебединое озеро» и «Видение розы». Последний раз в России танцевала в 1917 году на сцене Петербургской консерватории – номер «Русская». Эмигрировала в 1920-м. В 1921 году вышла замуж за великого князя Андрея Владимировича, получив титул светлейшей княгини Романовской-Красинской. В 1929-м открыла балетную школу в Париже. Последний раз танцевала в Лондоне в 1936 году. Из воспоминаний:

Я не помню, о чем мы говорили, но я сразу влюбилась в Наследника. Как сейчас вижу его голубые глаза с таким добрым выражением. Я перестала смотреть на него только как на наследника, я забывала об этом, все было как сон. Когда я прощалась с Наследником, который просидел весь ужин рядом со мною, мы смотрели друг на друга уже не так, как при встрече, в его душу, как и в мою, уже вкралось чувство влечения, хоть мы и не отдавали себе в этом отчета. Какая я была счастливая, когда в тот вечер вернулась домой! Я всю ночь не могла спать от радостного волнения и все думала о событиях этого вечера.

Из воспоминаний Федора Александровича Головина:

О наследнике мало говорили, еще менее писали. Ходившие о нем слухи в обществе были неутешительны. Говорили, что он человек больной, с слабою волею и слабым умом, сплетничали о его связи с балериной Кшесинской, о том, что эта связь была

подготовлена по желанию Александра III как лекарство от дурной привычки, которою страдал Николай.

Из дневника Николая II:

17 июля 1890. Вторник. В окрестностях Капорского происходили отрядные маневры, так и слышна была пальба… Поехали в театр. В антракте пел Paulus. Кшесинская мне положительно очень нравится…

30 июля 1890. Понедельник.…Дело на Горке разгорелось и продолжалось до 11 часов утра. Я был отнесен офицерами домой… Разговаривал с маленькой Кшесинской через окно!

31 июля 1890. Вторник. Вчера выпили 125 бутылок шампанского. Был дежурным по дивизии. В 3 час. выступил с эскадроном на военное поле. Происходило учение всей кавалерии с атаками на пехоту. Было жарко. Завтракали в Красном. В 5 часов был смотр военным училищам под проливным дождем. После закуски в последний раз поехал в милый Красносельский театр. Простился с Кшесинской. Ужинал у Мама́ до часу. (…)

Элпидин Михаил Константинович (1835, с. Никольское, Лаишевского уезда Казанской губернии – 1908, с. Каруж, недалеко от Женевы) – русский революционер. Из семьи священника. В 1862-м стал одним из основателей казанского отделения революционной организации «Земля и воля». В 1863 году арестован. Приговорен к пяти годам каторги. В 1865 году бежал из Казанского тюремного замка, добрался до Женевы. Некоторое время сотрудничал с Александром Герценом, с которым вскоре разошелся. Основал в Женеве русскую типографию и издательство (1866). За 40 лет издательской деятельности выпустил более 200 книг, в том числе отдельное издание романа Чернышевского «Что делать?» и запрещенные цензурой произведения Салтыкова-Щедрина и Льва Толстого. В 1895 году завербован руководителем агентурной сети царского департамента полиции за границей Петром Рачковским. В 1900-м уволен, поскольку никаких сведений от него к Рачковскому не поступало, а вот к нему от Рачковского сведения поступали. Из книги «Цесаревич. Его путешествие и покушение на его жизнь» (Женева, 1895):

Из всех членов нашей царствующей семьи нет, может быть, лица, которое вело бы жизнь такую незаметную для публики и вообще так мало выдающуюся, как личность наследника. (…) Понятен поэтому тот всеобщий интерес, с которым отнеслось

русское общество к внезапному выступлению цесаревича из глухих теремов царских дворцов на свет божий в роли кругосветного путешественника. (…) Скажем прежде несколько слов о том, как решают некоторые русские сведущие люди самый вопрос о причинах отправления царевича в далекое странствование. По-видимому, никакого вопроса тут и быть не может. Путешествие царевича есть естественный результат просвещенных забот его просвещенного отца о довершении образования сына посредством кругосветного странствования.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

В 1890 году, за четыре года до своего восшествия на престол, Наследник Цесаревич предпринял с образовательными целями кругосветное плавание. Я встретился с ним в Коломбо. Известие о его приезде застало меня в джунглях, где я охотился за слонами. Должно быть, моя трехнедельная борода, мои рассказы о приключениях и трофеи, разбросанные на палубе «Тамары», произвели на Ники большое впечатление, и я показался ему прямо дикарем. Тишина тропической ночи, изредка нарушаемая криками испуганных обезьян, располагала нас к задушевной беседе. Николай Александрович завидовал моему восхитительному времяпрепровождению. Он не находил никакого удовольствия путешествовать на борту военного крейсера, шедшего под брейд-вымпелом Наследника Цесаревича. «Моя поездка бессмысленна, – с горечью сказал он, – дворцы и генералы одинаковы во всем мире, а это единственное, что мне показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома».

Из дневника Николая II:

17 ноября 1890. Суббота.…Пошли осматривать Луксорский храм, а затем на ослах Карнакский храм. Поражающая громадина. (…) После обеда отправились тайно смотреть на танцы альмей. Это было лучше, они разделись и выделывали всякие штуки с Ухтомским.

Из книги Михаила Константиновича Элпидина:

…скептики качают головами и говорят: откуда вдруг взялись эти просветительные заботы и намерения? (…) Гораздо естественнее предположить, что воспитание цесаревича, согласно известным вкусам его отца, клонилось более к развитию его физических сил, чем умственных и нравственных, и так оно и есть

на самом деле. (…) Заботы отца о физической силе ребенка и попечения чадолюбивой матери о его здоровье дали результаты очень удовлетворительные в виде особенной склонности к разного рода развлечениям и спортам, где физическая сила и ловкость играют первую роль. (…) Ребенок стал юношей, а вместе с порою юношества наступила пора любви. Требования последней для царских детей разрешаются очень бесцеремонно и просто, по обычаям и приемам, выработанным долголетней практикой. Выбор предмета страсти не представляет больших затруднений; самый предмет, на который падает выбор, не оказывает неуместного сопротивления; а воспитатели жаждущего любви юноши, поседевшие на государственной службе генералы и тайные советники, искусно руководят его сближениями, заботясь главным образом о том, чтобы завязываемые ими связи могли быть легко прекращены, когда царевичу придет пора подумать о заключении законного брака с какою-нибудь иностранной принцессой. (…) Случается однако, что эти связи твердеют, так что требуются некоторые усилия, чтобы порвать их в тот критический момент, когда из необходимой гигиенической прелюдии к браку они обращаются в помеху. (…) С цесаревичем на этот раз случилось нечто не совсем обычное. Привязавшись к предмету своей временной страсти всеми силами своей не по летам развитой физической организации, он оказал такое сопротивление обычным приемам потушить ее, что самые опытные в этом деле менторы стали в тупик. (…) И вот решено было охладить пыл цесаревича кругосветным путешествием, вследствие чего ему пришлось внезапно выступить из-за кулис на авансену в роли любознательного туриста и пытливого наблюдателя народов и стран мира.

Акира Ёсимура, японский историк. Из книги «Покушение. Цесаревич Николай в Японии»:

Когда ужин закончился и его участники стали разъезжаться по своим гостиницам, Николай подошел к Арисугаве и тихонько сказал, что немало наслышан о квартале Гион (знаменитый квартал увеселений и домов свиданий. – *Н. Е.*) и хотел бы там побывать. (…) Хозяина заведения уже успели предупредить, поэтому перед входом в ожидании гостей выстроились сорок гейш и девочек-танцовщиц. (…) Веселье было в самом разгаре, когда гейши поднялись из-за стола и последовали к сцене. (…) За танцами последовали песни, игра на сямисэнах, малых и больших барабанах. Цесаревич так увлекся незнакомыми

ритмами, что вскочил со своего места. Следуя примеру сопровождавших его японцев, он принялся наполнять чарки гейш вином. (…) Одна из гейш поинтересовалась, сколько цесаревичу лет. Санномия перевел ее вопрос цесаревичу, и тот по-японски ответил: «Двадцать два». Затем гейша спросила, правда ли, что цесаревич сделал себе татуировку.

В преддверии визита Николая в Киото в местной газете «Хинодэ симбун», (…) в номере от 5 мая, была помещена заметка следующего содержания:

«(Находясь в Нагасаки, цесаревич) пригласил к себе местных мастеров, и те на протяжении нескольких вечеров делали ему татуировку. Цесаревич остался чрезвычайно доволен их работой, в результате которой на обеих руках у него появилось по изображению дракона…» (…) Судя по всему, эту заметку и прочитала гейша. В первый момент Санномия растерялся: следует ли переводить ее вопрос цесаревичу? – но тут же успокоился, вспомнив, что Николай не только не делает секрета из своей татуировки, но явно гордится ею. В ответ цесаревич кивнул, закатал рукав и продемонстрировал гейше цветную наколку.

Родичев Федор Измайлович (9 (21) февраля 1853 – 29 февраля 1932, Женева) – русский общественный деятель. Участник русско-турецкой войны 1876–1878. Один из создателей конституционно-демократической партии (кадетов, «Партии народной свободы»). Депутат всех четырех Дум. Принимал активное участие в Гражданской войне на стороне белых. Из воспоминаний:

О цесаревиче ничего не знали. Он путешествовал на Восток (…). В Японии полицейский ударил его саблей по голове за непочтительное поведение в храме. Сенатор Барыков сочинил по этому случаю стихи:

Происшествие в Отсу
Вразуми царя с царицею.
Сладко ль матери-отцу,
Когда сына бьет полиция.
А царевич Николай,
Когда царствовать придется,
Ты почаще вспоминай,
Как полиция дерется.

Из книги Акиры Ёсимуры:

11 мая 1890 года улица Симо-Кокарасаки в городе Отсу была запружена горожанами. Они встречали цесаревича поклонами, а полицейские отдавали ему честь. (…) С правой стороны улицы, у дома № 5, (…) стоял очередной полицейский. При виде приближающейся коляски он приосанился и поднял руку к козырьку.

Стоило, однако, коляске цесаревича поравняться с ним, как полицейский неожиданно выхватил саблю и бросился на Николая. Как только он оказался на расстоянии 1 сяку (чуть больше 30 см) от коляски, сверкающее на солнце лезвие опустилось на голову цесаревича.

От удара с головы Николая слетела шляпа, но поскольку ни нападавший, ни его жертва не издали ни звука, возница, рикша Тарокити Нисиока, как ни в чем не бывало продолжал путь.

Однако толкач Хирокогоро Вада не мог не видеть, что произошло. В первый момент он, конечно, растерялся, но быстро совладал с собой и, подскочив к нападавшему, правой рукой изо всех сил толкнул его в бок.

Полицейский пошатнулся, однако устоял на ногах и с поднятой саблей вновь бросился на цесаревича. Только теперь Николай повернулся в его сторону. Тот занес над ним саблю и еще раз ударил ею цесаревича по обнаженной голове. (…) Цесаревич спрыгнул на дорогу с противоположной от нападавшего стороны и, обхватив голову руками, с криком побежал прочь. (…) Спасаясь от преследователя, цесаревич добежал до дома № 15… Оглянувшись, Николай увидел, что полицейский лежит на земле, а рикша Китагаити заносит над ним саблю. Теперь уже цесаревичу нечего было опасаться. Вскоре его окружили приближенные. (…) Кровь из раны цесаревича, стекая по лбу и правой щеке, капала на пиджак. Принц Арисугава молча протянул ему носовой платок…

«Это ничего, – сказал ему цесаревич. – Только бы японцы не подумали, что это происшествие может поколебать мои добрые чувства к ним и признательность за проявленное радушие».

Майков Аполлон Николаевич (23 мая (4 июня) 1821, Москва – 8 (20) марта 1897, Петербург) – русский поэт, в юности был близок к петрашевцам. С середины 50-х годов все более смыкается с консерваторами. С 1852 года – цензор, затем председатель Комитета иностранной цензуры. Из «Оды на спасение цесаревича Николая»:

Царственный юноша дважды спасенный!
Явлен двукраты Руси умиленной
Божия Промысла щит над тобой!
Вихрем промчалася весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая
В общем порыве к молитве святой.
С этой молитвой всей Русской землей,
Всеми сердцами Ты глубже усвоен…
Шествуй же в путь свой и бодр, и спокоен,
Чист перед Богом и светел душой.

Из книги Михаила Константиновича Элпидина:

Цуда Сандо, полицейский агент, нанес две раны цесаревичу… Цуда Сандо, рьяный патриот, мотивировал свой поступок тем, что русский князь изучает Японию в стратегическом отношении, чтобы впоследствии напасть на нее вооруженной силой, потому он и решил предупредить войну и спасти Отечество.

Из воспоминаний Матильды Феликсовны Кшесинской:

Август 1891 года.

Я не верила своим глазам, вернее, одному своему глазу, так как другой был повязан. Эта нежданная встреча была такая чудесная, такая счастливая. Оставался он в тот первый раз недолго, но мы были одни и могли свободно говорить. Я так мечтала с ним встретиться, и это случилось так внезапно. Я никогда не забывала этого вечернего часа нашего первого свидания. На другой день я получила от него записку на карточке: «Надеюсь, что глазок и ножка поправляются. До сих пор хожу как в чаду. Постараюсь возможно скорее приехать. *Ники*».

Суворин Алексей Сергеевич (11 (23) сентября 1834, с. Коршево Бобровского уезда Воронежской губернии – 11 (24) августа 1912, Петербург) – издатель, публицист, журналист. Владелец самой крупной российской газеты «Новое время». Начал печататься с 1858 года. В 1866 году его книга «Всякие» за выраженное в ней сочувствие к сосланному Чернышевскому была запрещена цензурой, а сам Суворин отдан под суд. В 1876 году Суворин приобрел газету «Новое время», и с той поры началось его неуклонное поправение. Очень скоро газета приобрела характер неофициального официоза. Из дневника:

Наследник посещает Кшесинскую и ебет ее. Она живет у родителей, которые устраняются и притворяются, что ничего не знают. Он ездит к ним, даже не нанимает ей квартиры и ругает родителя, который держит его ребенком, хотя ему 25 лет. Очень неразговорчив, вообще сер, пьет коньяк и сидит у Кшесинских по 5–6 часов, так что очень скучает и жалуется на скуку.

Богданович (урожд. Бутовская) Александра Викторовна (? – 2 (15) декабря 1914, Петербург) – хозяйка модного салона в Санкт-Петербурге, жена генерала Евгения Васильевича Богдановича, одного из основателей черносотенного «Союза русского народа». Современный исследователь Дмитрий Стогов отмечает: «По словам товарища министра внутренних дел В. Ф. Джунковского, Александра Викторовна была удивительной по кротости и любви к ближнему женщиной». Эти выводы нетрудно сделать, проанализировав ее дневники. Из дневника:

21 февраля 1893. Цесаревич серьезно увлечен танцовщицей Кшесинской, которой 19 лет. Она не красивая, не грациозная, но миловидная, очень живая, вертлявая, зовут Матильдой. Цесаревич говорил этой «Мале» (так ее зовут), что упросил царя три года не жениться. Она всем и каждому хвастается своими отношениями с ним.

Из воспоминаний Матильды Феликсовны Кшесинской:

Встречаться у родителей сделалось просто немыслимым. Хотя Наследник, с присущей ему деликатностью, никогда об этом открыто не заговаривал, я чувствовала, что наши желания совпадают. (…) Я сознавала, что совершаю что-то, чего не имею права делать из-за родителей. Но… я обожала Ники, я думала лишь о нем, о моем счастье, хотя бы кратком.

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

Наследник писал Кшесинской (она хочет принимать православие, может быть считая возможным сделаться императрицей), что он посылает ей 3000 рублей, говоря, что больше у него нет, (…) что он приедет и…«тогда мы заживем с тобой как генералы». Хорошее у него представление о генералах! Он, говорят, выпросил у отца еще два года, чтобы не жениться. Он оброс бородкой и возмужал, но тем не менее маленький.

Из дневника Матильды Феликсовны Кшесинской:

Я знала приблизительно время, когда Наследник ко мне приезжал. Я издали прислушивалась к мерному топоту копыт его великолепного коня о каменную мостовую, затем звук резко обрывался – значит, рысак остановился у моего подъезда.

Из дневника Николая II:

21 декабря 1891. Вечером у Мама́ рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества; невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и надежду, которыми я живу изо дня в день… Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 года, когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления своей заветной мечты… Я почти уверен, что наши чувства взаимны! Все в воле Божьей! Уповая на Его милость, я спокойно и покорно смотрю в будущее.

Мосолов Александр Александрович (19 февраля (2 марта) 1854 – 1 октября 1939, София) – дипломат, генерал-лейтенант (1908). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. С декабря 1902 года – начальник канцелярии министра императорского двора. В Гражданскую войну воевал на юге России в белой армии. Из воспоминаний:

Принцесса Алиса Виктория Елена Луиза Беатриса, младшая дочь принца Людвига Гессен-Дармштадтского и принцессы Алисы, дочери английской королевы Виктории, родилась 6 июня 1872 года. В 1886 году, 14 лет от роду, она приехала к своей сестре, великой княгине Елисавете Федоровне, супруге великого князя Сергея Александровича. Здесь она познакомилась с наследником, Николаем Александровичем, и молодые люди влюбились друг в друга. Два года спустя она вновь приехала в Петербург, уже как бы на смотрины. Но Александр III был против брака, считая, что цесаревич еще слишком юн (ему было тогда 20 лет), а императрица Мария Федоровна была принципиально против брака с германскою принцессою. Как истая датчанка, государыня ненавидела немцев, не прощая им аннексии Шлезвига и Голштинии в 1864 году.

Из дневника Николая II:

5 апреля 1894. Вторник. Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов, пришли к т. Элле в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и вместе очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии, она, бедная, много плакала. Расстались более спокойно…

8 апреля 1894. Пятница, чудный, незабываемый день в моей жизни – день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс….Боже, какая гора свалилась с плеч; какою радостью удалось обрадовать дорогих Мама и Папа. Я целый день ходил как в дурмане, не вполне сознавая, что приключилось!..Даже не верится, что у меня невеста…

9 апреля. Суббота. Утром гвардейские драгуны королевы сыграли целую программу под моими окнами – очень трогательно! В 10 часов пришла чудная Аликс, и мы вдвоем отправились к королеве пить кофе. День стоял холодный, серый, но на душе зато было светло и радостно…

11 апреля. Понедельник. Аликс так переменилась в обращении со мною, что этим приводит меня в восторг. Утром она написала две фразы по-русски без ошибки!

14 апреля, четверток вел. В 11¼ пошел с Аликс и всеми ее сестрами к здешнему фотографу, у которого снялись в разных положениях и поодиночке, и попарно.

20 апреля. Среда. Проснулся с грустным чувством, что настал конец нашего житья душа в душу… Она уезжает в Дармштадт и затем в Англию… Как пусто мне показалось, когда я вернулся домой!..Итак, придется провести полтора месяца в разлуке. Я бродил один по знакомым и дорогим мне теперь местам и собрал ее любимые цветы, которые отправил ей в письме вечером.

Из дневника Матильды Феликсовны Кшесинской:

Если я могла сказать, что на сцене была очень счастлива, то про свою личную жизнь я этого сказать не могла. Сердце ныло, предчувствуя подступающее горе….Хотя я знала уже давно….что рано или поздно Наследник должен будет жениться на какой-либо иностранной принцессе, тем не менее горю моему не было границ. (…)

«Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда светлым воспоминанием моей молодости».

Далее он писал, что я могу всегда к нему обращаться непосредственно… Действительно, когда бы мне ни приходилось к нему обращаться, он всегда выполнял мои просьбы без отказа…

Я приехала из города в своей карете, а он верхом из лагеря. Как всегда это бывает, когда хочется многое сказать, а слезы душат горло, говоришь не то, что собираешься говорить, и много осталось недоговоренного. Да и что сказать друг другу на прощание, когда к тому еще знаешь, что изменить уже ничего нельзя, не в наших силах… Когда Наследник поехал обратно в лагерь, я осталась стоять у сарая и глядела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся вдали. До последней минуты он ехал, не оглядываясь назад… Мне казалось, что жизнь моя кончена и что радостей больше не будет, а впереди много-много горя.

Смерть отца и свадьба

Александра Федоровна (Алиса Виктория Елена Луиза Беатрис Гессен-Дармштадтская) Романова (6 июня 1872, Дармштадт – 17 июля 1918, Екатеринбург) – последняя императрица всероссийская. Из дневника Николая II, запись Александры Федоровны после рассказа Николая о связи с Кшесинской:

8 июля 1894. Пятница. Мой дорогой мальчик… Верь и полагайся на твою девочку, которая не в силах выразить словами своей глубокой и преданной любви к тебе. Слова слишком слабы, чтобы выразить любовь мою, восхищение и уважение, – что прошло, прошло и никогда не вернется, и мы можем спокойно обернуться назад, – мы все на этом свете поддаемся искушениям, и в юности нам трудно бывает бороться и противостоять им, но, как только мы раскаиваемся и возвращаемся к добру и на путь истины, Господь прощает нас… Твое доверие меня глубоко тронуло, и я молю Господа всегда быть его достойной. Да благослови тебя Господь, бесценный Ники!

Гурко (Ромейко-Гурко) Владимир Иосифович (1863, Царское Село – 18 февраля 1927) – политический деятель. В 1902 году – управляющий земским отделом Министерства внутренних дел. В 1906 – товарищ министра внутренних дел П. А. Столыпина. Тогда же оказался замешан в финансовой афере, связанной с продовольственным обеспечением. В 1912 году – член Государственного совета. Из воспоминаний:

Сколько-нибудь отчетливого представления о личности преемника Александра III не было ни у населения, ни даже у правящего слоя. Будущий Николай II ничем не успел к этому времени выявить свои индивидуальные особенности, тем более что участия в государственных делах не принимал. Правда, он состоял председателем комитета по сооружению Сибирской железной дороги, но председательствование это было лишь почетное, и всем было известно, что влияние на решение этого комитета он не оказывал. Господствовавшие ввиду этого на его счет мнения были крайне разноречивы.

Но в одном отношении сходились все, а именно в признании отсутствия государственного опыта у завтрашнего руководителя судьбами России. Неудивительно, что будущее представлялось столь же непредвидимым, сколь смутным. Об опасениях,

господствовавших в этом отношении среди лиц правящего синклита, я лично имел случай судить по словам, сказанным мне в это самое 20 октября 1894 года управлявшим Морским министерством Н. М. Чихачёвым. (…) Я, естественно, первым делом, спросил его, какие вести из Ливадии: «Самые плохие, (…) надежды на выздоровление нет никакой, и, по всей вероятности, кончина государя уже последовала, (…) будущее представляется (…) чрезвычайно смутным. Наследник – совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких, государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно. Военная строевая служба – вот пока единственно, что его интересует…»

(…) Предположение Чихачёва, что кончина государя уже последовала, оправдалось. В этот же день к девяти вечера появились экстренные прибавления к газетам, извещавшие о кончине Александра III.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Потом заболел средний брат цесаревича, Георгий Александрович. Доктора нашли у него туберкулез обоих легких, что потребовало его немедленного отъезда на Кавказ, в Аббас-Туман. (…)

В те дни Петербург показался мне более чем когда-либо ненавистным. Я выпросил у Государя должность в Черноморском флоте и был назначен вахтенным начальником на броненосец «Синоп». В течение двух лет я очень много работал там и только раз взял в феврале 1892 года отпуск, на две недели, чтобы навестить Георгия Александровича в Аббас-Туман.

Он жил там в полном одиночестве, и единственным его развлечением являлось сметение снега с крыши домов. Доктора полагали, что холодный горный воздух подействует на его больные легкие благотворно. Мы спали в комнате при открытых окнах при температуре в 9 градусов ниже нуля, под грудой теплых одеял. Георгий Александрович знал о моей любви к его сестре Ксении, и это, в соединении с нашей старой дружбой и общим интересом к военному флоту, сблизило нас, как братьев.

Мы без устали беседовали, то вспоминая наше детство, то стараясь разгадать будущее России и обсуждая характер Никки. Мы надеялись, что Император Александр III будет царствовать еще долгие годы, и оба опасались, что полная неподготовленность Никки к обязанностям Венценосца явится большим препятствием к его вступлению на престол

в ближайшем будущем.

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Когда Александр III заболел нефритом и болезнь приняла опасный оборот, великий князь Михаил Николаевич, как старейший член семьи, имел разговор с государем. Он указал, что болезнь может кончиться трагически, а так как наследник еще не женат, то могут создаться нежелательные осложнения. Государь выразил согласие на брак цесаревича и поручил Михаилу Николаевичу с ним об этом переговорить. Николай Александрович категорически заявил, что он любит принцессу Алису и ни на ком другом жениться не желает. При посредничестве великого князя было поручено согласие императора на этот брак. Время до бракосочетания и сама церемония прошли в атмосфере последних дней жизни и кончины Александра III.

Из воспоминаний великой княгини Ольги Александровны, записанных Й. Ворресом:

…когда Царская семья прибыла в Ливадию, выяснилось, что ехать никуда нельзя. Состояние Государя стало угрожающим.

«Всякое движение причиняло ему мучительную боль. Папа́ не мог даже лежать в постели. Ему становилось немного легче, когда его подвозили в каталке к открытому склону, откуда он мог видеть олеандры, сбегающие по склону к берегу моря». (…) Государь умирал, и врачи ничего не могли предпринять, лишь каждый день назначали новую диету. Всегда с недоверием относившийся к наркотикам, Император отказывался от всяких болеутоляющих лекарств. «Однажды, – проговорила Великая Княгиня Ольга Александровна, – я сидела на табурете рядом с его креслом. Неожиданно Папа́ прошептал мне на ухо: „Деточка моя милая, я знаю, что в соседней комнате есть мороженое. Принеси его сюда, только так, чтобы никто тебя не заметил“». Девочка кивнула головой и на цыпочках вышла из комнаты. Она знала, что доктора запретили отцу есть мороженое. Но знала и то, что ему страсть как хочется отведать его. Она бросилась за советом к миссис Франклин.

«„Разумеется, отнеси его отцу, – тотчас ответила Нана. – Если он съест немного мороженого, это ничего не изменит. У него и без того радостей мало“. Я тайком принесла тарелку в комнату Папа́. С каким наслаждением он уплетал лакомство. Никто, кроме меня и Нана, не знал об этом, и мороженое ничуть

не повредило ему».

Из дневника Николая II. Запись Александры Федоровны:

15 октября 1894. Суббота. Дорогое дитя! Молись Богу. Он поможет тебе не падать духом. Он утешит тебя в твоем горе. Твое Солнышко молится за тебя и за любимого больного. Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко. Будь стойким и прикажи д-ру Лейдену и другому германцу приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всем будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если д-ру что-либо нужно, пусть приходит прямо к тебе. Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты – любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!

Из дневника Николая II:

20 октября. Четверг.

Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, дорогого, горячо любимого Папа́. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился св. Тайн; вскоре начались легкие судороги… и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал за голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама́!.. Вечером в 9½ была панихида – в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался.

21 октября. Пятница.

И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час. в присутствии только семейства моя милая, дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама́ и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 ч. вечера – другая. Выражение лица у дорогого Папа́ чудное, улыбающееся, точно

хочет засмеяться! Целый день отвечал на телеграммы с Аликс, а также занимался делами с последним фельдъегерем. Даже погода и та изменилась: было холодно и ревело море.

22 октября. Суббота.

Вчера вечером пришлось перенести тело дорогого Папа́ вниз, потому что, к сожалению, оно быстро начало разлагаться. (…) Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу; Мама́, некоторые другие и я находили, что всего лучше сделать ее здесь спокойно, пока еще дорогой Папа́ под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон. Это мне кажется совершенно неудобным.

Из воспоминаний великой княгини Ольги Александровны, записанных Й. Ворресом:

Даже Аликс не могла его утешить. Он был в отчаянии. Твердил, что не знает, что будет с нами. Что он совершенно не подготовлен управлять Империей. Даже будучи подростком, я инстинктивно понимала, что одной чуткости и доброты, которыми был наделен мой брат, недостаточно, чтобы быть монархом. И в неподготовленности этой Ники был совершенно неповинен. Он отличался умом, искренней религиозностью и мужеством, но был совершенным новичком в делах управления государством. Ники получил военное образование. Его бы следовало подготовить к выполнению государственных обязанностей, но этого не сделали. И повинен в этом был мой отец. Он даже не разрешал Ники присутствовать на заседаниях Государственного совета вплоть до 1893 года. Почему, не могу объяснить. Но промах был допущен. Я знаю: Папа́ не любил, чтобы государственные дела как-то мешали нашим семейным отношениям. Но ведь Ники был наследником… Конечно, отец не мог предположить, что конец наступит так рано…

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

2 ноября 1894. Царь очень дурно набальзамирован, лицо совсем синее, покрыто слоем пудры, так что его совсем нельзя узнать. Руки у него страшно исхудали, пальцы тонки до невероятия. Дежурству трудно стоять, так как есть трупный запах, несмотря на дезинфекцию и духи в изобилии.

Из дневника Николая II:

7 ноября 1894. Тяжело и больно заносить такие слова сюда – все еще кажется, что мы все находимся в каком-то сонном состоянии и что – вдруг! – он опять появится между нами! Вернувшись в Аничков, завтракал наверху с милой Мама́, она удивительно берет на себя и не падает духом. Погулял в саду. Сидел со своей Аликс и пили чай со всеми.

Из письма Александры Федоровны своей сестре, великой княгине Елизавете Федоровне:

14 ноября 1894. Кто это почувствует, кто сможет выразить? В один день в глубоком трауре оплакивать любимого человека, а на следующий – в модных туалетах выходить замуж….Наша свадьба казалась мне просто продолжением панихиды, с тем отличием, что я надела белое платье вместо черного.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Бракосочетание молодого Царя состоялось менее чем через неделю после похорон Александра III. Их медовый месяц протекал в атмосфере панихид и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского Царя. Молодая Императрица с трудом говорила по-русски. В этом отношении ее предшественница была в гораздо более благоприятных условиях: между помолвкой принцессы Дагмары с будущим русским Царем и его коронованием протекло семнадцать лет. Принцесса Аликс должна была в течение короткого срока изучить язык своей новой Родины и привыкнуть к ее быту и нравам. Еще далекая от сложных взаимоотношений придворной жизни, молодая Императрица делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах петербургского высшего света. Это запугало ее и создало известную натянутость в ее обращении с окружающими. Это, в свою очередь, послужило достаточным поводом для сравнений между обаятельностью Вдовствующей Императрицы и «холодным снобизмом» молодой Царицы. Эти сравнения между матерью и женой Император Николай II принимал очень близко к сердцу, и очень скоро отношения между двором и обществом приняли очень натянутый характер.

Из дневника Николая II:

24 ноября 1894. Четверг. Каждый день, что проходит,

я благословляю Господа и благодарю Его от глубины души за то счастье, каким Он меня наградил! Большего или лучшего благополучия на этой земле человек не вправе желать.

(*Приписка Александры Федоровны*) Я никогда не могла представить себе возможности подобного беззаветного счастья на этом свете, такого чувства единства между двумя людьми. Люблю тебя – в этих двух словах вся моя жизнь.

Бьюкенен Джордж Уильям (25 ноября 1854 – 20 декабря 1924) – британский дипломат. Начал дипломатическую службу в 1876. В 1903–1908 – генеральный консул, потом посол в Болгарии. С 1910 по 1918 – посол в России. В 1919–1921 – посол в Риме. Из воспоминаний:

Женитьба императора на принцессе Алисе Гессенской не была вызвана государственными соображениями. С самого начала их влекло друг к другу чувство взаимной привязанности, и их любовь друг к другу с каждым годом становилась все сильней. Но хотя это была идеально счастливая пара в семейной жизни, тем не менее выбор императора был несчастлив. Несмотря на многие свои хорошие стороны – душевную теплоту, преданность супругу и детям, благонамеренные, хотя и вызванные злыми советами стремления внушить ему твердость и решимость, которых не хватало его характеру, – императрица Александра не была подходящим товарищем для государя в его трудном положении. В силу своей недоверчивости и нелюдимости ей не удалось приобрести привязанности своих подданных (…). Будучи хорошей женщиной, стремившейся служить интересам своего мужа, она оказалась орудием, избранным для его гибели. Недоверчивому и нерешительному императору было предназначено попасть под влияние более сильного характера, чем его собственный. Ее слепая вера в неограниченное самодержавие должна была его погубить. Если бы его супругой стала женщина с более широкими взглядами и большей проницательностью, которая поняла бы, что такой режим является анахронизмом в XX веке, то история его царствования была бы иной.

Александра Федоровна

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

3 марта 1895. Молодая царица, которая хорошо рисует, нарисовала картинку – мальчик на троне (ее муж) руками и ногами капризничает во все стороны, возле него стоит его мать и делает замечание, чтобы не капризничал. Говорят, царь очень рассердился на эту карикатуру.

Из воспоминаний великой княгини Ольги Александровны, записанных Й. Ворресом:

…после кончины Императора Александра III вдовствующая императрица находила для себя все новые и новые занятия. У Марии Федоровны словно открылось второе дыхание. Прежде ее занимали женское образование и больничное дело, теперь же круг интересов охватывал политику и вопросы дипломатии. Неопытность старшего сына оправдывала этот интерес. Надо отдать ей должное, действовала она умело. Давала советы, изучала международную обстановку, черпая много полезных сведений из бесед с послами и императорскими министрами. «Для меня было настоящим откровением умение Мама́ решать такого рода вопросы, – признавалась Великая Княгиня Ольга Александровна. – Я убедилась: она стала неумолимой. Я находилась в ее апартаментах, когда она принимала у себя некоего князя, занимавшего тогда пост директора всех учебных заведений. Это был суетливый желчный человек, который разводил неразбериху и во всем обвинял своих подчиненных. Его никто не переваривал. В тот день Мама́ вызвала его к себе в Аничков дворец, чтобы сообщить об отставке. Никаких объяснений она ему давать не стала. Лишь произнесла ледяным голосом: „Князь, я решила, что Вы должны оставить свой пост“. Бедняга так растерялся, что пролепетал: „Но… но я не могу оставить свой пост“. – „А я Вам говорю, Вы оставите свой пост“, – ответила Мама́ и вышла из кабинета. Я последовала за ней, не смея взглянуть на бедного князя».

Цион Сергей Анатольевич (3 октября 1874–1947) – русский политический деятель. Сын военного врача. Штабс-капитан. Участник свеаборгского восстания 1906 года. В 1920 году эмигрировал. Жил в Швеции. В 30-е годы оказывал финансовую поддержку писателю И. А. Бунину. Из книги «Николай II.

Его личность, интимная жизнь и правление»:

Алиса Гессенская, нареченная при св. крещении Александрой Федоровной, стояла во многих отношениях выше своего супруга. Интеллигентная, умная, образованная, прекрасная лингвистка и художница, она с трудом могла сжиться с миром, куда толкнула ее судьба, и только врожденный такт и умение распознавать людей дали ей возможность дышать свободно при русском дворе. Нельзя отрицать, что часть придворных сразу начала против Алисы правильную кампанию и с вступлением Николая II на престол при дворе образовалось две партии. Одна из этих партий стояла под покровительством Императрицы Марии Федоровны и всячески интриговала против Александры Федоровны, стараясь дискредитировать ее в глазах супруга… Но Николай (…) успел узнать и оценить свою супругу и старался по мере возможности облегчить ее долю.

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

С первых же шагов при дворе Александра Федоровна держала себя с достоинством, а врожденную ее застенчивость приняли за отчужденность. Вдовствующая императрица, ранее противившаяся этому браку, примирилась с совершившимся фактом. Государь, с своей стороны, оставил Марии Федоровне все прерогативы супруги царствующего императора, как то: единоличное назначение статс-дам и фрейлин, заведование ведомством императрицы Марии и Красным Крестом, и давал ей во всех церемониях место впереди своей супруги. Этим смягчалось то обстоятельство, что с браком сына вдовствующая царица отходила на второй план. Однако предоставленные Марии Федоровне прерогативы скоро начали казаться обидными молодой императрице, тем более что старый двор царицы-матери лишь с трудом мирился со своим новым положением. Конечно, при этих условиях да при замкнутости характера Александры Федоровны трудно было ожидать внутреннего сближения обеих цариц. Отсутствие настоящей близости между матерью и женою тяготило государя во все его царствование. (…) Молодая императрица не имела способности поддерживать салонные разговоры и к ним относилась скорее с пренебрежением. Когда по необходимости она все же принимала пожилых светских дам и те пытались давать ей непрошеные советы, на них обыкновенно следовали меткие и резкие ответы. Все это пережевывалось в столичных гостиных и в конце концов возвращалось к императрице в весьма искаженном виде. Некоторых из этих дам

императрица перестала принимать. Так постепенно возникла та рознь между обществом и двором, которая в последние годы царствования настолько обострилась, что и общество вместо того, чтобы, по укоренившимся своим монархическим взглядам, поддерживать трон, от него отвернулось и с настоящим злорадством смотрело на его крушение.

Витте Сергей Юльевич (17 (29) июня 1849, Тифлис – 28 февраля (13 марта) 1915, Петербург) – русский государственный деятель. С 1892 года – министр финансов. Витте провел ряд крупных экономических мероприятий (винная монополия 1894 года, денежная реформа 1897 года), содействовавших индустриализации России. В августе 1903 года – председатель Комитета министров. В неблагоприятной, невыигрышной для страны обстановке, сложившейся в ходе русско-японской войны 1904–1905 годов, добился заключения Портсмутского мира с Японией. Под руководством Витте был составлен Манифест 17 октября, с которого началась конституционная, парламентская история России. В разгар первой русской революции 1905–1907 годов смог получить кредит во Франции. С 1906 года в отставке. Из воспоминаний:

Странная особа Александра Федоровна… С ее тупым, эгоистическим характером и узким мировоззрением, в чаду всей роскоши русского двора, довольно естественно, что она впала всеми фибрами своего «я» в то, что я называю православным язычеством, т. е. поклонение формам без сознания духа… При такой психологии царице, окруженной низкопоклонными лакеями и интриганами, легко было впасть во всякие заблуждения. На этой почве появилась своего рода мистика… гадания, кликуши, «истинно русские люди»… Может быть, она была бы хорошей советчицею какого-либо супруга – немецкого князька, но стала пагубнейшею советчицею самодержавного владыки Российской империи. Она принесла несчастье себе, ему и всей России.

Керенский Александр Федорович (22 апреля (4 мая) 1881, Симбирск – 11 июня 1970, Нью-Йорк) – русский общественный деятель. Адвокат. Депутат IV Государственной думы. В 1912 году возглавлял комиссию по расследованию трагических событий на Ленских золотых приисках. Активный участник Февральской революции. С 8 августа 1917 года министр-председатель Временного правительства. С 1918 года в эмиграции. Из книги «Трагедия династии Романовых»:

Императрица, до замужества принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, была любимой внучкой королевы Виктории (ее мать, Алиса Гессенская, дочь английской королевы), которую та лично рекомендовала царю Александру III в качестве будущей супруги цесаревича Николая. Замечу, что заслуженное ею во время войны прозвище «немка» меньше всего на свете применимо к Александре Федоровне. Она получила чисто английское образование и воспитание, определявшее ее симпатии и антипатии, не любила даже говорить по-немецки, сына этому языку не учила. Кто разглядел бы в юной веселой красавице, «виндзорском солнечном лучике», будущую петербургскую царицу, замкнутую в себе, одержимую истерией, фанатично православную, словно вышедшую из XVII века?

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Государыня больше самого царя была убеждена во всемогуществе императорской власти. Мне вспоминается инцидент с «Готским альманахом». Александра Федоровна не сомневалась в том, что наша цезура может с успехом запретить печатание тех или иных данных в иностранной прессе. Она отказывалась верить в то, что я в качестве заведующего придворной цензурой не могу наложить запрет на ежегодник, публикующийся за границею. Как-то раз Фредерикс по возвращении из Царского Села сказал мне, что императрица весьма недовольна тем, что в «Готском альманахе» под рубрикой «Россия» значится: «династия Гольштейн-Готторп-Романовых». Она требует, чтобы упразднили первые два имени под угрозой запрещения ввоза «Альманаха» в Россию. Я давно знал этот вопрос. «Готский альманах» ежегодно присылал нам корректурные листы, касающиеся России. Мы вносили все перемены, случившиеся за год. При этом я неизменно лично вычеркивал слова «Гольштейн-Готторп». Все исправления редакция аккуратно вносила в новое издание, а на вычеркнутое наименование династии внимания не обращала. Я сделал по этому поводу письменный запрос. Мне ответили, что, по мнению редакции «Альманаха», наименование династии исторически точно (император Павел – сын герцога Петра Гольштейн-Готторпского) и изменено быть не может. Министр, которому я доложил об этом, приказал запретить ввоз «Готского альманаха» в Россию. Такая мера показалась мне прямо чудовищной. Я умолял графа доложить дело государю и добиться отмены решения царицы. Министр взял мою всеподданнейшую

записку, но доложил ее не императору, а Александре Федоровне, которая приказала мне явиться с докладом. Разговор на аудиенции был такой:

«Неужели Вы не можете найти способа заставить эту упрямую редакцию вычеркнуть два слова?»

«Я им писал и письменно получил отказ».

«А если я Вам разрешу уведомить их, что Вы обращаетесь к ним по моему приказанию?»

«Это значило бы, Ваше Величество, рисковать получением в ответ цитат из исторических актов, подтверждающих правильность их наименования династии. И пожалуй, они предадут гласности всю переписку».

«Тогда запретите ввоз этого издания в Россию».

«Это тем более невозможно, так как вызовет общеевропейский скандал. Самый аристократический, монархический, легитимистский „Альманах“ запрещен для ввоза в Россию. Конечно, доищутся до этих двух слов, вызвавших запрещение; пойдут пересуды по всей столице и за границею, „Альманах“ будет тайно возиться в Россию дипломатами и даст пищу для обсуждения деликатного, династического вопроса, совершенно широкой публике нашей неизвестного. Поверьте, Ваше Величество, годами печатают этот заголовок, и никто на него не обращает внимания. Лучше его игнорировать, чем подымать шум. Но, быть может, великая княгиня Виктория Федоровна, как принцесса Саксен-Кобург-Готская, найдет ход в редакцию и уговорит снять эти слова?» Тут мой доклад оборвался, и императрица не возобновляла разговора на эту тему.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (10 (22) апреля 1870, Симбирск – 21 января 1924, Горки) – русский революционер. Организатор Октябрьской революции. Первый председатель первого Советского правительства. Из статьи «К вопросу о национальностях и „автономизации“»:

Известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения.

Палеолог Морис (13 января 1859 – 21 января 1944) – французский дипломат. В Министерстве иностранных дел – с 1880 года. С января 1914 года по июнь 1917-го – посол в России. С 1920 года – генеральный секретарь французского МИДа. В 1928-м избран членом Французской академии. Из дневника:

Александра Федоровна никогда не была немкой ни умом,

ни сердцем. Конечно, она немка по рождению, по крайней мере по отцу, так как им был Людвиг IV, великий герцог Гессенский и Рейнский, но она англичанка по матери, принцессе Алисе, дочери королевы Виктории. В 1878 году, когда ей было шесть лет, она потеряла свою мать и с тех пор обычно жила при английском дворе. Ее воспитание, ее обучение, ее умственное и нравственное образование также были вполне английскими. И еще она англичанка по внешности, по своей осанке, по некоторой непреклонности и пуританству, по непримиримой и воинствующей строгости совести, наконец, по многим своим личным привычкам. Этим, впрочем, ограничивается все, что проистекает из ее западного происхождения. Основа ее натуры стала вполне русской. (…) Она любит Россию горячей любовью. (…) Но ее моральное обрусение еще гораздо глубже. По странному действию умственной заразы, она понемногу усвоила самые древние, самые характерные специфические элементы «русскости», которые имеют своим высшим выражением мистическую религиозность. Я уже отмечал в этом дневнике болезненные наклонности, которые Александра Федоровна получила по наследству от матери и которые проявляются у ее сестры Елизаветы Федоровны в благотворительной экзальтации, а у ее брата, великого герцога Гессенского, в странных вкусах. Эти наследственные наклонности, которые были бы незаметны, если бы она продолжала жить в позитивистской и уравновешенной среде Запада, нашли в России самые благоприятные условия для своего полного развития.

Спиридович Александр Иванович (1873, Архангельск – 1952, Нью-Йорк) – генерал-майор Отдельного корпуса жандармов. С 1900 года работает в Московском охранном отделении под началом С. В. Зубатова. С 1905 года – начальник императорской дворцовой охраны. Из воспоминаний:

Доказательством истерической природы нервных проявлений императрицы служит та легкость, с которой она поддается позитивным внушениям одних и негативным внушениям других. Неврастенические проявления выступали у нее в форме большой слабости и астении организма в целом и сердечной мышцы в частности, с болевыми ощущениями в области предсердия. К этому недугу следует присоединить отечность ног – следствие плохого кровообращения. Что же до психических расстройств (потеря психической уравновешенности), то они проявляются главным образом в форме сильной депрессии, глубокого безразличия ко всему, что ее окружает, и тенденции

к религиозной мечтательности. Именно эта хворь, истерия-неврастения, и явилась причиной преувеличенных симпатий и антипатий императрицы, причудливого характера ее образа мыслей и действий, религиозной экзальтации и веры в чудеса в целом.

Ден Юлия Александровна, фон (Лили Ден) (1880–?) – дочь генерала Измаила Селим Бек Смольского. Жена командира крейсера «Варяг» Карла фон Дена. Близкая подруга императрицы. Поклонница Распутина. Из воспоминаний:

Государыня была в белом. Шляпка драпирована белой вуалеткой. Нежное белое лицо; но когда она волновалась, щеки ее покрывались бледно-розовым румянцем. Рыжевато-золотистые волосы, синие глаза, наполненные печалью….Помню великолепные жемчуга. При каждом движении головы в бриллиантах ее серег вспыхивали разноцветные огоньки. На руке перстенек с эмблемой свастики – излюбленным ее символом возрождения…

Жильяр Пьер (1879 – 30 мая 1962) – преподаватель французского языка, швейцарец. С сентября 1905 года учил детей Николая II французскому языку. После отречения и ареста Николая II сопровождал его семью в Тобольск. Помогал следователю Н. А. Соколову в расследовании обстоятельств убийства царской семьи. В 1958-м тяжело ранен в автомобильной аварии. Умер от ее последствий в 1962-м. Из воспоминаний:

Обращение царицы в православие было актом подлинной веры. Православие полностью отвечало ее духовным потребностям, а ее воображение, должно быть, поразили архаичные и в чем-то наивные обряды. Она приняла православие со всей страстью неофита…

Из воспоминаний Александры Викторовны Богданович:

21 ноября 1908 года.…Царь очень нервен, причиной этому царица, ее ненормальные вкусы, ее непонятная любовь к Вырубовой….Царица – порывистая – то увлекалась музыкой, запоем играла и пела, то было время спиритизма – музыка была забыта, и все только спириты и спириты ее занимали…

6 февраля 1909. У молодой царицы сильная неврастения, которая может кончиться помешательством. Все это приписывают ее аномальной дружбе с Вырубовой. Что-то неладное творится

в Царском Селе…

8 декабря 1910. Царица холодная, неприступная, но, когда захочет обворожить, – умеет это сделать. Более чем когда-либо она близка с Вырубовой, которой все время говорит, что ей говорит царь, царь же царице все высказывает. Вырубову во дворце все презирают, но никто против нее идти не решается – она бывает постоянно у царицы: утром от 11 до часу, затем от двух часов до пяти и каждый вечер до 11½ часов. В это время, т. е. в 10 час. до 11½ часов, царь приходит к царице. Прежде бывало, что во время прихода царя Вырубова сокращалась, а теперь сидит все время. В 11½ царь идет заниматься, а Вырубова с царицей идут в спальню. Печальная, постыдная картина! (…)

Царица совсем не так больна, как представляет себя больной. Она психически больная, но здраво умеет рассуждать. Лежит, например, еле жива, вдруг соскочит с постели как ни в чем не бывало, а потом снова завалится на постель.

Из воспоминаний Юлии Александровны фон Ден (Лили Ден):

Государыня была ранней пташкой. При ней состояло шесть горничных. Старшая из них, Мадлена Занотти, итальянка по происхождению, принадлежала к семье, исстари состоявшей на службе у Великих Герцогинь Гессенских. Луиза Тутельберг, которую все звали «Тутель», стоявшая на втором месте, была родом из Прибалтийского края. В их распоряжении состояло еще четверо помощниц. Камеристки, в обязанности которых входило одевать и раздевать императрицу, служили по три раза в неделю, однако ни одна из них не видела Ее Величество раздетой или принимающей ванну. Государыня поднималась и принимала ванну без посторонней помощи. Когда же ей требовалось привести в порядок свои волосы, поверх белья она набрасывала японское кимоно – шелковое или же ситцевое. Причесывалась и одевалась Ее Величество чрезвычайно скромно, в чем снова проявлялось влияние викторианской эпохи. (…)

Ее Величество обвиняли в пристрастии к драгоценностям. Ничего подобного я за ней не замечала. Правда, у нее было множество чудных самоцветов, но ее положение Императрицы Всероссийской давало ей право владеть ими. Перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями.

Из воспоминаний Мориса Палеолога:

В течение обеда я наблюдал за Александрой Федоровной, против которой я сидел. Хотя длинные церемонии являются для нее очень тяжелым испытанием, она захотела быть здесь в этот июльский вечер 1914 года, чтобы оказать честь президенту Союзной республики, Франции. Ее голова, сияющая бриллиантами, ее фигура в декольтированном платье из белой парчи выглядят еще довольно красиво. Несмотря на свои года, она еще приятна лицом и очертаниями. С первой перемены кушаний она старается завязать разговор с Пуанкаре, который сидит справа от нее. Но вскоре ее улыбка становится судорожной, ее щеки покрываются пятнами. Каждую минуту она кусает губы. И ее лихорадочное дыхание заставляет переливаться огнями бриллиантовую сетку, покрывающую ее грудь. До конца обеда, который продолжается долго, бедная женщина, видимо, борется с истерическим припадком. Ее черты внезапно разглаживаются, когда император встает, чтобы провозгласить тост.

Дубенский Дмитрий Николаевич (1858–1923) – генерал-майор, журналист, специалист по коннозаводству. Начальник конвоя императорской свиты. Из его показаний Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства:

Император был совершенно подчинен ей. Достаточно было понаблюдать за ними с четверть часа, чтобы сказать: это она – самодержица, а вовсе не он. Бросалось в глаза, что он смотрит на нее как маленький мальчик смотрит на свою гувернантку. Когда они выходили вместе и она садилась в экипаж, он не спускал с нее глаз. По моему мнению, они были просто влюблены друг в друга.

Достойный молодой человек

Бюлов фон Бернхард Генрих Карл Мартин (3 мая 1849, Кляйн-Флоттбек – 28 октября 1929, Рим) – германский государственный деятель. Дипломат. Рейхсканцлер с 1900 по 1909. Из его впечатлений, приведенных в воспоминаниях Сергея Юльевича Витте:

Все в русском императоре – сама благовоспитанность. Его манеры – само совершенство. В любом салоне Лондона, Вены, Парижа, Сент-Морица или Биаррица в нем видели достойного молодого человека, каким полагалось бы быть, например, австрийскому графу или сыну английского герцога.

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

Кем-то было сделано замечание, что только по игре природы незадолго до рождения Николай II был снабжен атрибутами, отличающими мужчину от женщины.

Извольский Александр Петрович (3 (15) марта 1856, Владимир – 16 августа 1919, Париж) – русский дипломат. С 1906 по 1910 год – министр иностранных дел. Из воспоминаний:

Действительно ли Николай II был одаренным и умным? Не колеблясь, отвечаю на это утвердительно. Он всегда поражал меня легкостью, с которой охватывал любые нюансы спора, которые развивались перед ним, и ясностью, с которой он принимался выражать свои собственные идеи; я всегда находил его способным к рассуждению или логической демонстрации.

Из воспоминаний Матильды Феликсовны Кшесинской:

Одной из поразительных черт его характера было умение владеть собою и скрывать свои внутренние переживания. В самые драматические моменты жизни внешнее спокойствие не покидало его.

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

Обладая многими способностями, которые прекрасно подошли бы для конституционного монарха – острый ум, обширный кругозор, методичность и трудолюбие, необычайное

природное обаяние, привлекавшее к нему всех, кто его знал, – император Николай II не унаследовал от своего отца властный характер и способность быстро принимать решения, столь необходимые для самодержавного правителя.

Из воспоминаний Юлии Александровны фон Ден (Лили Ден):

Его Величество был удивительно похож на короля Георга V[1] своей внешностью. Но у него были удивительные, незабываемые голубые глаза. Глаза его двоюродного брата, хотя и красивые, лишены того особенного выражения, которое было свойственно Государю Императору. В них слились воедино грусть, доброта, смирение и трагизм. Казалось, Николай II предвидел свое трагическое будущее…

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

Основные его качества – любезность, когда он этого хотел… хитрость и полная бесхарактерность и безвольность.

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Царь схватывал на лету суть доклада, понимал иногда с полуслова нарочито недосказанное, оценивал все оттенки изложения….Он никогда не оспаривал утверждений своего собеседника; никогда не занимал определенной позиции, достаточно решительной, чтобы сломить сопротивление министра, подчинить его своим желаниям и сохранить на посту, где он освоился и успел проявить себя… Министр, увлеченный правильностью своих доводов и не получив от царя твердого отпора, предполагал, что Его Величество не настаивает на своих мыслях. Царь же убеждался, что министр будет проводить свои начинания, несмотря на его, императора, несогласие. Министр уезжал, очарованный, что мог убедить государя в своей точке зрения… В этом и таилась ошибка… Где министр видел слабость, таилась сдержанность. По недостатку гражданского мужества царю претило принимать окончательные решения в присутствии заинтересованного лица. Но участь министра была уже решена, только письменное ее исполнение откладывалось.

Коковцов Владимир Николаевич (6 (18) апреля 1853, с. Горно-Покровское Боровичского уезда Новгородской губернии – 29 января 1943, Париж) – русский государственный деятель, финансист. С 1904 по январь 1914 – министр финансов. Ближайший сотрудник

А. П. Столыпина. После убийства Столыпина с сентября 1911 по январь 1914 – председатель Совета министров. Из воспоминаний:

Отставка была решена. С тяжелым чувством вошел я в приемную государя и после минутного ожидания в ней – в его кабинет. Когда я вошел в кабинет, государь быстро подошел ко мне навстречу, подал мне руку и, не выпуская ее из своей руки, стоял молча, глядя мне прямо в глаза, вынул левой рукой платок из кармана, и из его глаз просто полились слезы.

Шварц Александр Николаевич (4 (16) января 1848, Тула – 5 (18) января 1915, Петроград) – русский государственный деятель. Министр народного просвещения с 1908 по 1911 год. Из воспоминаний:

Больше всего, конечно, бросалась каждому в глаза его редкая память если не на лица – зрительная память его, кажется, была не велика, – то на имена, числа, годы и т. п. В этом отношении он положительно поражал меня, через три года вдруг вспоминая имя какого-нибудь профессора, о котором он слышал от меня в запале, либо из самых резких моих докладов и по какому-нибудь совершенно пустому случаю. Другой столь же выдающейся его особенностью являлась совершенно исключительная приветливость, которой немало способствовало действие на всех, через которых мне случалось проверять это наблюдение, его в высшей степени привлекательных глаз. Обращение его прямо можно было назвать чарующим, несмотря на то что самое краткое пребывание с ним точно так же давало вам немедленно почувствовать, что эта приветливость чисто внешняя и что в его милостях и ласковых на вид речах – души нет. Он кротко на вас глядел, приветливо улыбался, но что-то невольно говорило вам, что это сделавшееся обычным выражение как будто скрывает полное равнодушие и безучастие и к делу, и к лицу, об этом деле говорящему. В других он очень любил искренность, сплошь и рядом я слышал от него фразы: «Хороший человек, прямо в глаза глядит», – но сам он вряд ли был с кем-то искренен. И не сердился он как будто никогда. Сам я его гнева никогда не видал и от других о проявлениях его никогда не слыхал. (…) Безучастие его к делу, как мне кажется, ближе всего выражалось в том, что он подписывал, по-видимому, буквально все, что подавали министры. Когда подумаешь, какие разнообразные проходили перед ним люди, какие невозможные ему подавали доклады и как эти доклады не походили один

на другой, а между тем все скреплены были его согласием, просто диву даешься. Утверждал он, по-видимому, дела, которым даже не сочувствовал. Выслушивая как-то доклад Столыпина о вольнослушательницах, о которых мы очень много с ним говорили, он чувствовал что-то неладное в докладе и пытался отмахнуться от него словами: «Я бы не хотел обидеть Шварца». И однако подписал. (…) Ко мне он относился все время очень хорошо. (…) И тем не менее он ни минуты не задумался при случае сделать мне большую неприятность в деле так называемых «потешных». (…) Началось дело тем, что еще в бытность военным министром генерала Ридигера я как-то получил от него сведения, что бахмутский инспектор народных училищ Луцкевич составил из учеников местных городских училищ особую роту или батальон, обучая их военному строю и доведя об этом особой телеграммой до сведения Государя Императора. Я был, конечно, удивлен тем, что инспектор народных училищ позволяет себе входить в непосредственные сношения с Государем Императором, минуя и свое непосредственное начальство (попечителя), и министра народного просвещения, и хотел сделать Луцкевичу замечание, но предварительно приказал составить о нем справку. Из справки оказалось, что личность Луцкевича весьма подозрительная, он был перемещаем уже два раза для пользы службы, всякий раз с понижением, дело свое исполняет весьма небрежно. (…) Между тем немного погодя уже от генерала Сухомлинова, тоже немалого фокусника, слышу, что Государь этому делу придает большое значение; хочет вызвать в Царское Село батальон Луцкевича, которому предлагает дать имя цесаревича. Тогда я попросил попечителя собрать нужные сведения и представить мне отчет о «подвигах» Луцкевича. Отчет вышел убийственным. Ясно делалось, что мы имели дело с проходимцем, собравшимся на этом батальоне обделать кое-какие свои личные делишки. (…) Отчет этот был представлен Государю. И тем не менее Луцкевич со своим батальоном был вызван в Царское Село, произведен в действительные статские советники, почтен всяческим вниманием Государя Императора, и все это за спиной министра народного просвещения, которому Государь в то же время говорил любезности и которого не собирался увольнять от должности.

Шавельский Георгий Иванович (6 (18) января 1871 – 2 октября 1951, София) – во время русско-японской войны полковой священник, дивизионный благочинный и, наконец, священник Маньчжурской армии. Профессор богословия Историко-

филологического института (Санкт-Петербург). Протопресвитер военного и морского духовенства (протопресвитер армии и флота) с 1911 года. В Гражданскую войну руководил военным духовенством в Добровольческой армии Деникина до 1919 года. Эмигрировал в Болгарию. Из воспоминаний:

Сам государь представлял собою своеобразный тип. Его характер был соткан из противоположностей. Рядом с каждым положительным качеством у него как-то уживалось и совершенно обратное – отрицательное. Так, он был мягкий, добрый и незлобивый, но все знали, что он никогда не забывает нанесенной ему обиды. Он быстро привязывался к людям, но так же быстро и отворачивался от них. В одних случаях он проявлял трогательную доверчивость и откровенность, в других удивлял своею скрытностью, подозрительностью и осторожностью. (…)

Государь чрезвычайно легко поддавался влияниям и фактически всегда находился то под тем, то под другим влиянием, которому иногда отдавался безотчетно, под первым впечатлением. Каждый министр после своего назначения переживал «медовый месяц» близости к государю и неограниченного влияния на него, и тогда он бывал всесилен. Но проходило некоторое время, обаяние этого министра терялось, влияние на государя переходило в руки другого, нового счастливца, и опять же на непродолжительное время.

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

Это вероломство, эта немая ложь, неспособность сказать «да» или «нет», выполнить то, что решено, боязливый оптимизм, используемый как средство, чтобы набраться мужества, – все эти черты, крайне негативные во владыках.

Из воспоминаний Матильды Феликсовны Кшесинской:

Для меня было ясно, что у Наследника не было чего-то, что нужно, чтобы царствовать. Нельзя сказать, чтобы он был бесхарактерен. Нет, у него был характер, но не было чего-то, чтобы заставить других подчиниться своей воле. Первый его импульс был всегда правильным, но он не умел настаивать на своем и часто уступал. Я не раз ему говорила, что он не сделан ни для царствования, ни для той роли, которую волею судеб он должен будет играть.

Из воспоминаний Георгия Ивановича Шавельского:

Необходимо отметить еще одну чрезвычайно характерную, объясняющую многое, черту в характере государя – это его оптимизм, соединенный с каким-то фаталистическим спокойствием и беззаботностью в отношении будущего, с почти безразличным и равнодушным переживанием худого настоящего, в котором за время его царствования не было недостатка. Кому приходилось бывать с докладами у государя, тот знает, как он охотно выслушивал речь докладчика, пока она касалась светлых, обещавших успехи сторон дела, и как сразу менялось настроение государя, ослабевало его внимание, начинала проявляться нетерпеливость, а иногда просто обрывался доклад, как только докладчик касался отрицательных сторон, могущих повлечь печальные последствия. (…)

Таково же было отношение государя и к событиям. Радостные события государь охотно переживал вместе с окружавшими его, а печальные события как будто лишь на несколько минут огорчали его. (…)

В этой особенности государева характера было, несомненно, нечто патологическое. Но, с другой стороны, несомненно и то, что сложилась она не без сознательного и систематического упражнения. Государь однажды сказал министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

«Я, Сергей Дмитриевич, стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией. Иначе я давно был бы в гробу».

Никольский Борис Владимирович (3 (10) октября 1870, Петербург – 1919, Петроград) – русский общественный деятель. Профессор, специалист по римскому праву. Один из основателей черносотенных организаций «Русское собрание» и «Союз русского народа». В 1919 году расстрелян в ЧК как заложник. Из дневника:

Нервность его ужасна. Он, при всем своем самообладании и привычке, не делает ни одного спокойного движения, ни одного спокойного жеста. Когда его лицо не движется, то оно имеет вид насильственно, напряженно улыбающийся. Веки все время едва уловимо вздрагивают. Глаза, напротив, робкие, кроткие, добрые и жалкие. Когда говорит, то выбирает расплывчатые, неточные слова и с большим трудом, нервно запинаясь, как-то выжимая из себя слова всем корпусом, головой, плечами, руками, даже переступая. Вообще, из нас троих не волновался только я, немного смущался и беспокоился Глазов, но больше всех

нервничал, стеснялся и жался царь. Его фигура, лицо и многое в нем понятно при мысленном сопоставлении монументальной громады Александра III с зыбкой и легкою фигуркою вдовствовавшей императрицы. Портреты совершенно не дают о нем представления, так как, при огромном даже сходстве, портретам трудно передать жизнь лица. В этом слабом, неуверенном, шатком человеке точно хрупкий организм матери едва-едва вмещает, того и гляди – уронит или расплещит тяжелый, крупный организм отца. Точно какая-то непосильная ноша легла на хилого работника, и он неуверенно, шатко, тревожно ее несет. Царь точно старается собраться в одно целое, точно судорожно держится, чтобы не рассыпаться на слишком для него тяжелые черты лица, части тела. В нем все время светится Александр III, но не может воплотиться. Дух, которому не хватило крови, чтобы ожить.

Милюков Павел Николаевич (15 (27) января 1859, Петербург – 31 марта 1943, Экс-ле-Бен) – русский политический деятель. Историк. Участник войны 1877–1878. Один из организаторов и руководителей конституционно-демократической партии (кадетов, «Партии народной свободы»). Депутат I, III, IV Дум. Министр иностранных дел Временного правительства. Из воспоминаний:

Николай II был, несомненно, честным человеком и хорошим семьянином, но обладал натурой крайне слабовольной. Царствовать он вообще не готовился и не любил, когда на него упало это бремя. (…) Добросовестно, но со скукой выслушивал очередные доклады министров, он с наслаждением бежал после этих заседаний на вольный воздух – рубить дрова, его любимое занятие.

Как часто бывает со слабовольными людьми – как было, например, и с Александром I, – Николай боялся влияния на себя сильной воли. В борьбе с нею он употреблял то же самое, единственное ему доступное средство – хитрость и двуличность. Яркий пример того, как, лавируя между влияниями окружающих, он умел скрывать свою действительную мысль, мы только что видели. Я не знаю, как она сложилась бы, если бы около него не было другой сильной воли, которой он, незаметно для себя, всецело подчинился: воли его жены, натуры волевой, самолюбивой, почувствовавшей себя сразу изолированной в чужой стране и забронировавшейся от всех, кроме тесного круга единомыслящих. Оба супруга сошлись на одинаковом понимании своей жизненной цели, как передачи сыну нерастраченного

отцовского наследства. (…) Оба не могли не заметить, что идут против течения, и благодаря императрице – «единственному человеку в штанах», как она рекомендовала себя позднее в письмах к Николаю, – вступили с этим течением в борьбу, как могли и умели. Это привело к тесному подбору семейных «друзей»; в большинстве это были люди крайне невысокого культурного уровня. Вне этого тесного круга были одни только недоброжелатели и «враги». Это была неприступная крепость, доступная лишь воздействию потустороннего мира – в формах юродства и мистики, готовой воспользоваться приемами магии.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Единственной целью его жизни было здоровье его сына. Французы нашли бы, что Николай II представлял собой тип человека, который страдал от собственных добродетелей, ибо Государь обладал всеми качествами, которые были ценны для простого гражданина, но которые оказались роковыми для Монарха. Если бы Николай II родился в среде простых смертных, он прожил бы жизнь, полную гармонии, поощряемый начальством и уважаемый окружающими. Он благоговел пред памятью отца, был идеальным семьянином, верил в незыблемость данной им присяги и прилагал все усилия, чтобы остаться честным, обходительным и доступным со всеми до последних дней своего царствования.

Ходынка

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

За могучей спиной отца Николай Александрович чувствовал себя в безопасности. Физические качества Александра III казались верхом человеческого достижения робкому Цесаревичу, и без сомнения было много обаяния в зрелище, как серебряный рубль сгибался в железных пальцах Императора. (…)

20 октября 1894 г. Никки и я стояли на веранде чудесного Ливадийского дворца с мешками кислорода в руках: мы присутствовали при последних минутах Александра III.

Даже соленое дыхание южного моря не могло вернуть к жизни человека, поставившего себе целью жизни предотвратить беспощадный ход революции. Кончина Александра III была подобна его жизни. Являясь убежденным врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов, Царь при приближении последней минуты лишь пробормотал короткую молитву и простился с Императрицей.

Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но тем не менее смерть Императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Никки. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался Императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть Царем! Я не могу управлять Империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Конечно, я признаю много заслуг за Петром, за моим знаменитым предком, но… был бы неискренен, если бы вторил всеобщим восторгам. Это предок, которого менее других люблю

за его увлечение западною культурою и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время как переходный период и было необходимо, но оно мне не симпатично.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26 октября (7 ноября) 1879, с. Яновка Елисаветградского уезда Николаевской губернии – 21 августа 1940, Койокан, Мехико) – русский революционер, деятель международного коммунистического революционного движения. Один из организаторов Октябрьской революции и Красной армии. В 1929 году выслан из СССР. Убит агентом НКВД Р. Меркадером в Мексике. Из книги «Литература и революция»:

А по-нашему наоборот. Варвар Петр был национальнее всего бородатого и разузоренного прошлого, что противостояло ему.

Из речи Николая II на собрании представителей земств 17 января 1895 года:

Я рад видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств, искони присущих каждому русскому, но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель.

Из книги Сергея Анатольевича Циона:

Рассказывают, что в это время молодая царица, еще плохо понимавшая русскую речь, наклонилась к одной из великих княгинь и спросила по-французски: «Qu'est ce qu'il leur explique?»[2] – «Il leur explique, qu'ils sont imbeciles»[3].

Из «Коронационного сборника»:

14 мая 1896 года. Вслед за тем Его Величество, положив обе регалии на подушки, изволил призвать к себе государыню императрицу Александру Федоровну Ея Величество сошла с своего места и стала перед августейшим своим супругом на колени на малиновую бархатную подушку, окаймленную золотою тесьмою; монарх снял с себя корону, прикоснулся ею

ко главе императрицы и снова возложил корону на себя. В это время митрополит подал государю малую корону, и он возложил ее на свою августейшую супругу. После этого Его Величеству была поднесена порфира и алмазная цепь ордена св. апостола Андрея Первозванного. Государь Император, приняв эти регалии, возложил их на Ея Величество при содействии Великих князей Сергея и Павла Александровичей, а также статс-дамы графини Строгановой.

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

14 мая 1896 г. Коронование. Был в Успенском соборе. (…) Владимир Александрович оправлял так усердно порфиру на царе, что оборвал часть цепи Андрея Первозванного, которая надета была на государе. Государь прекрасно прочел «Верую», но молитву поспешно и неуверенно. (…) Оказывается, молитву все сокращали, не желая утруждать императора долго стоять на коленях.

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

22 мая 1896 года. Корона царя была так велика, что ему приходилось поддерживать ее, чтобы она не свалилась.

Из воспоминаний Федора Александровича Головина:

Особенно смешным и жалким показался мне государь во время торжественного шествия после коронования из собора во дворец. Бледный, утомленный, с большой императорской короной, нахлобученной до ушей, придавленный тяжелой, парчовой, подбитой горностаем, неуклюжею порфирою, Николай казался не величавым императором всея Руси, не центром грандиозной процессии, состоявшей из бесчисленных представителей всевозможных учреждений, классов, сословий, народностей громадного государства, а жалким провинциальным актером в роли императора, ему не подходящей.

Из воспоминаний великой княгини Ольги Александровны:

Как и при Александре III на Ходынском поле должна была состояться раздача населению и гостям Царских подарков. На окраине города обычно происходили учения артиллеристов и саперов. В празднестве на Ходынском поле должны были принять участие и крестьяне. Они тысячами направились на это

поле, чтобы получить гостинец – украшенную Императорским гербом эмалированную кружку, наполненную конфетами, и бесплатный завтрак, как гости Императора, и остальную часть дня провести в танцах и песнях. В центре поля находились деревянные помосты, на которых были сложены груды ярких кружек с гербами. За порядком наблюдали сотня казаков и несколько десятков полицейских… Кто-то пустил слух, что подарков всем не достанется. Люди, ближе всех стоявшие к оцеплению, двинулись к помостам. Казаки попытались было остановить их, но что может сделать горстка верховых под натиском полумиллионной толпы? В считанные минуты неуверенное движение превратилось в стремительный бег. Задние ряды напирали на передних с такой силой, что те падали и их затаптывали насмерть…

Краснов Василий, очевидец Ходынской катастрофы. Из воспоминаний:

Остаться без памяти от такого торжества мне, коренному москвичу, казалось зазорным: что я за обсевок в поле! Кружки, говорят, очень красивые и вечные (тогда эмалированная посуда была еще в диковинку). И как хорошо будет эту кружку поставить в угол под образа и пить из нее чай в большие праздники.

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

18 мая 1896 г. Сегодня при раздаче кружек и угощения задавлено, говорят, до 2000 человек. Трупы возили целый день, и народ сопровождал их. Место ухабистое, с ямами. Полиция явилась только в 9 ч., а народ стал собираться в 2. Бер (председатель особого установления по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств, свитский генерал. – *Н. Е.*) публиковал несколько раз о кружках, и в Москву в эту ночь по одной Московско-Курской дороге пришло более 25 000 человек. Что это была за толпа и за ужас! Раздававшие бросали вверх гостинцы, и публика ловила. Что за день, Боже мой! Одна баба говорит: «До 2000 надавили. Я видела мальчика лет 15, в красной рубашке. Лежит, сердечный». Сзади мужик под 30: «Я бы мать высек, что она пускает таких детей. До 20 лет не надо пускать. Ишь, зарились на пустяк какой. Кружку эту через две недели можно купить за 15 коп.». – «Кто же знал, что беда такая будет?» Было много детей. Их поднимали, и они спасались по головам и плечам. «Никого порядочного не видел. Всё рабочие да подрядчики лежат», – говорит молодой человек о задавленных.

Справедливо говорят, что ничего не следовало раздавать народу. Теперь не старое время, когда толпа в 100 000 была в диковинку. Нынешняя толпа полумиллионная, и это должны были предвидеть. В 20 минут 4-го государь и государыня проехали обратно по Тверской, сопровождаемые криками. Сколько я мог заметить, враждебности в толпе не было заметно. Воронцов, министр двора, сам в 9 ч. дал знать государю, что задавлено 200 человек, по слухам, и сам поехал на место, чтобы проверить. Говорили, что царь под влиянием этого несчастья не явится на народное гулянье. Но он был там. Я только что уезжал с Ходынки, около двух часов, когда он ехал к Петровскому дворцу. (…)

Что за сволочь это полицейское начальство и это чиновничество, которые ищут только отличиться. Где проезжает высшее общество, там приготовляют все места за два часа, за три часа, расставляют городовых непрерывной цепью, казаков и т. д., а о народе никто не думает. (…)

Сегодня как раз обед старшин в Петровском дворце. Гибель тысячей едва ли прибавит им аппетита. Несколько трупов привезли в часть, расположенную на Тверской площади, против дома генерал-губернатора. В Москве, по крайней мере, все просто делается: передавят, побьют и спокойно развозят при дневном свете, по частям. Сколько слез прольется в Москве и в деревнях. 2000 человек – ведь это битва редкая столько жертв уносит. В прошлое царствование ничего подобного не было. Дни коронации стояли серенькие, и царствование было серенькое, спокойное. Дни этой коронации ясные, светлые, жаркие. И царствование будет жаркое, наверное. Кто сгорит в нем и что сгорит?

Из воспоминаний Василия Краснова:

Вся толпа как будто в воде стояла по самый подбородок, и уровень воды все повышался, грозя затопить ее совсем. Боясь захлебнуться, толпа судорожно трепетала и каждым отдельным человеком и вся вместе тянулась кверху бесчисленным множеством своих лиц. Я увидел перед собою как бы большую площадь, вымощенную человеческими головами и вытянувшимися кверху лицами, влажными от пота и блестевшими как камни плотно утрамбованной и только что политой мостовой.

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

Государь дал на каждую осиротелую семью по 1000 рублей. Доложить в этом смысле государю посоветовал Воронцову-Дашкову В. С. Кривенко. (…) Многие хотели, чтобы государь не ездил на бал французского посольства. (…) Кривенко советовал это Воронцову-Дашкову. (…) Командир кавалергардов Шипов говорил: «Стоит откладывать бал из-за таких пустяков…»

Из воспоминаний Василия Краснова:

Трупы лежали головами вместе и были так смяты и обесформлены, что нижние ряды казались плоскими, как бы сплющенными, такими, как сардинки, плотно уложенные в коробки. (…) Вот совсем неописуемая группа: лежит раздавленный человек на спине, а во рту у него сжат зубами высокий каблук сапога другого человека, упавшего ничком впереди его головы… Последний наступил на первого упавшего и каблуком в рот ему попал, предсмертная же судорога сделала изо рта капкан, из которого тот не вырвался. (…) Вот лежит девушка в розовой кофте, с роскошной черной косой, а лица нет. Все оно сбито и сплющено сапогами толпы. (…) Тела лежали сцепившимися, свернувшимися в комок в страшных переплетениях рук, ног, со скрюченными пальцами, истоптанными лицами, разорванными щеками, выпяченными, необыкновенно большими языками.

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

В день ходынской катастрофы, 18 мая, по церемониалу был назначен бал у французского посла графа (впоследствии – маркиза) Монтебелло. (…) Бал должен был быть весьма роскошным, и, конечно, на балу должен был присутствовать государь император с императрицей. В течение дня мы не знали, будет ли отменен по случаю происшедшей катастрофы этот бал или нет; оказалось, что бал не отменен. Тогда предполагали, что хотя бал будет, но, вероятно, их величества не приедут.

В назначенный час я приехал на этот бал, а вместе со мною приехал Дмитрий Сергеевич Сипягин, главноуправляющий комиссией прошений, будущий министр внутренних дел, и великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор. Как только мы встретились, естественно, заговорили об этой катастрофе, причем великий князь нам сказал, что многие советовали государю просить посла отменить бал и во всяком случае не приезжать на этот бал, но что государь с этим мнением совершенно не согласен; по его мнению, эта катастрофа есть

величайшее несчастье, но несчастье не должно омрачать праздник коронации. (…)

Через некоторое время приехали государь и императрица; открылся бал, причем первый контрданс государь танцевал с графиней Монтебелло, а государыня с графом Монтебелло. Впрочем, государь вскоре с этого бала удалился.

Государь был скучен, и, видимо, катастрофа произвела на него впечатление. Если бы он был предоставлен самому себе, т. е. если бы он слушал свое сердце, то в отношении этой катастрофы и всех этих празднеств, я уверен, он поступил бы иначе.

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

Камергеру Дурасову я сегодня напел резких речей, когда он сказал, что напрасно доложили государю о погибших. Их – 1138. Завтра на Ваганьковском кладбище будет устроен морг и там будут разложены трупы для определения фамилий и проч.

Из воспоминаний Василия Краснова:

Царь явился днем на народное гуляние, когда оно еще не было убрано от тел. Начальство наскоро собирало и запихивало трупы под лавки балаганов и театров гуляния. На них сидел народ. Проходя на места, наступали на торчавшие из-под лавок руки и ноги…

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

19 мая 1896. Сегодня был на Ходынском поле. Всюду настроили прекрасных павильонов, иллюминовали все, что было возможно, выписали моряков, чтобы приделать электрические лампочки на орле Спасской башни, наделали павильонов для депутаций на пути выезда царя – и даже не закрыли колодезей, не разровняли рва, около которого построены бараки, из которых выдавались царские подарки. Я был там сегодня и наслушался рассказов. Бараки построены друг около друга, выступая ко рву острым углом, и между ними проход для двух человек. (…) От угла бараков до рва, шириною в 70–80 шагов, 25–26 шагов. Ров песчаный, весь изрыт глубокими ямами. Есть два колодца, заделанные полусгнившими досками. (…) Из одного колодца глубиною, кажется, до 10 сажен, вырытого во время выставки 1882 г., вынуто 28 трупов. Сегодня утром вынуто 8; говорят, есть еще. Велено было через газеты собираться

со стороны Тверской. «Если б нам сказали от Ваганьковского, мы оттуда бы пошли, нам все равно, там этих ям нет, и там во время раздачи было просторно». Вся вина в том, что начали раздавать раньше 10-ти, как было объявлено, часа в 3–4. Многие спали, и все знали час. Но когда распространился слух, что раздают, толпа бросилась, попадала в ямы, в колодцы, падали и мертвыми телами делали мост. Подъем изо рва к баракам крутой, точно крепость, и бараки, находясь в 25 шагах ото рва, представляли собою именно крепость, которую надо было брать. Те, которые благополучно перешли через ров, столпились около бараков, представлявших для толпы воронку. (…) Другие перелезли через ограду, которая на расстоянии сажен 50 отделяла одну часть бараков от другой. Образовалась толпа и с той стороны бараков. И в этих воронках легли целыми кучами мертвые. (…) К 8 ч. многие ушли, а тела лежали. В 9-м ч. пришла полиция. Стали убирать мертвых. Побрызгают водой, не оживает, – тащат и кладут в три ряда, «как дрова в сажень», – выразился один. Государь встретил один из возов на Тверской, вылез из экипажа, подошел, что-то сказал и, понурив голову, сел в коляску; императрица не выходила. (…) Государю следовало бы поехать посмотреть эти ямы и брустверы. Он увидел бы, как его подданные брали штурмом крепость его подарков. Эти ущелья г. Бера должны остаться историческими. Беровские ущелья! Ничего не сообразили. Но Бер сообразил заказать кружки за границей и брал командировку за границу, чтобы посмотреть, как заготовляют кружки. Если сообразить, что кружек заказано 400 000, что каждая из них стоит 10 коп. И еще на 5 коп. гостинцев, с тощей брошюркой «Народный праздник», то всего-навсего эти подарки составляют 60 000 рублей. Но стоимость комиссии гораздо дороже обошлась. (…)

Если когда-то можно было сказать: «Цезарь, мертвые приветствуют тебя», это именно вчера, когда государь явился на народное гулянье. На площади кричали ему «ура», пели «Боже, царя храни», а в нескольких ста саженях лежали сотнями еще не убранные мертвецы.

Серафим Саровский и Кишиневский погром. 1903

Фирсов Сергей Львович (р. 1959) – историк церкви. Из книги «Русская церковь накануне перемен. (Конец 1890-х – 1918 г.)»:

…за четыре царствования XIX столетия было прославлено 7 святых. (…) А в эпоху правления Николая II прославлены Феодосий Углицкий (1896); Иов, игумен Почаевский (1902); Серафим, Саровский чудотворец (1903); Иоасаф Белгородский (1911); Ермоген, Патриарх Московский (1913); Питирим Тамбовский (1914); Иоанн Тобольский (1916). Кроме того, в 1897 г. в Рижской епархии было установлено празднование священномученика Исидора и пострадавших с ним 72 православных мучеников (как местночтимых святых), а в 1909 г. восстановлено празднование памяти св. Анны Кашинской.

Соловьев Владимир Сергеевич (16 (28) января 1853, Москва – 1 (13) июля 1900, имение Узкое, Московский уезд, Московская губерния) – русский философ, поэт, литературный критик. Сын историка С. М. Соловьева. Стоял у истоков «религиозного возрождения» в среде русской интеллигенции начала XX века. Оказал решающее влияние на формирование русского символизма. Из письма Николаю II от 23 апреля 1896:

Ваше Императорское Величество!

Всемилостивейший Государь!

Дело, о котором чувствую обязанность говорить Вашему Величеству, важно для России и для всего мира, и только от Вашего Величества после Бога зависит истинное его решение. (…) Чтобы оправдать свои давние предчувствия и смутные ожидания народов, чтобы восполнить свое всемирное назначение, Россия должна обнаружить духовную силу и сущность своей жизни. (…) Духовная сущность России есть православие, то есть чистейший и совершеннейший вид христианства. (…) Но может ли чистая и совершенная истина утверждаться насилием, владеть через принуждение совестью людей? Христос сказал: Я есмь дверь. Позволительно ли христианам силой толкать в эту дверь одних и силою же не выпускать из нее других? Православие в России есть церковь господствующая, но прежде всего она есть церковь христианская и, следовательно,

господствовать может только силою убеждения и внутреннего духовного притяжения; притом естественные и никому не обидные преимущества принадлежат православию уже в силу того, что оно исповедуется Государем и большею частью народа. Зачем же тут еще принуждение, к чему эта внешняя искусственная ограда, это тройное кольцо из уголовных законов, административных притеснительных мер и цензурных запрещений? Но как ни тяжелы и обидны эти оковы для стороны терпящей – для раскольников и сектантов, для иноверных и инакомыслящих, – без сравнения тяжелее и обиднее такое положение для самой господствующей церкви: для нее оно прямо пагубно. Крепостное право, порабощая крестьян, развращало помещиков. Закрепощение людей к православию лишает русскую церковь нравственной силы, подрывает ее внутреннюю жизненность. (…) С каким успехом можно заблуждающихся убеждать в истине, во имя которой они уже посажены в тюрьму или сосланы в ссылку? Оружие церкви есть слово, но можно ли достойно обличать словом тех, кому уже зажали рот силою? (…) Ибо хотя не все гонимые страдают за правду, но все гонители заставляют страдать высшую правду в самих себе. (…) Сторонники религиозного принуждения утверждают, что оно необходимо для единства и крепости государства. Об основательности такого взгляда Ваше Императорское Величество легко может судить по ярким историческим примерам. Во Франции Людовик XIV, отменив закон веротерпимости, систематическими преследованиями принудил протестантов к выселению. Цель была достигнута, вероисповедное единство французского народа восстановлено вполне. Но скоро «великая» революция показала, как пригодились бы нравственные и умеренные протестанты против неистовых якобинцев. Гнали «еретиков», а получили безбожников. Гнали заблуждающихся верноподданных, а получили цареубийц. (…) Перед Богом, говорящим в Вашей совести, мы все равны, Государь! Только сознание моей нравственной обязанности дает мне смелость напомнить Вашему Императорскому Величеству то, в чем я по совести вижу единое ныне на потребу России, к чему все прочее приложится. (…)

Имею счастье пребывать Вашего Императорского Величества Верноподданным *Владимир Соловьев*. 23 апреля 1896 г.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Стройный юноша, ростом в пять футов и семь дюймов, Николай II провел первые десять лет своего царствования, сидя

за громадным письменным столом в своем кабинете и слушая с чувством, скорее всего приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей. Он боялся оставаться наедине с ними. В присутствии посторонних его мнения принимались дядьями за приказания, но стоило племяннику и дядям остаться с глазу на глаз, их старшинство давало себя чувствовать, а потому последний Царь Всея Руси глубоко вздыхал, когда во время утреннего приема высших сановников Империи ему возвещали о приходе с докладом одного из его дядей. Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал морями. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств. Все они имели, каждый, своих любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить «русский сезон» в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу Императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше…

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

…шарлатан доктор Филипп видится с их величествами, почитается ими чуть ли не за святого и имеет существенное влияние на их психику. (…) Филипп нигде оконченного образования не получил, проживал он в окрестностях Лиона. (…) Когда Филипп начал практику лечения различными чудодейственными средствами, то, как обыкновенно в этих случаях бывает, имел некоторые успехи лечения и также предсказания. Лица, его знавшие, говорили, что он вообще человек умный и имеет какую-то мистическую силу над слабовольными и нервнобольными. Он имел также полицейские процессы вследствие жалоб некоторых лиц на его шарлатанство. Правительство ему запретило лечить и потому иногда преследовало. Тем не менее он составил себе небольшую кучку поклонников, преимущественно в числе националистов. (…) К этой кучке поклонников принадлежал также наш военный агент в Париже полковник Генштаба граф Муравьев-Амурский. (…) С этим Филиппом познакомилась за границею жена великого князя Петра Николаевича. (…) Так Филипп влез к великим князьям, а затем и к их величествам. (…) Филипп несколько раз проживал *секретно* по месяцам в Петербурге и преимущественно в летних резиденциях, он постоянно

занимался беседами и мистическими сеансами с их величествами. (…) На даче великого князя Петра Николаевича с Филиппом виделся и Иоанн Кронштадтский. По-видимому, там и родилась мысль о провозглашении старца Серафима Саровского (1760–1833) святым. Об этом эпизоде мне рассказывал обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев так:

Неожиданно он получил приглашение на завтрак к их величествам. Это было неожиданно потому, что К. П. в последнее время пользовался очень холодными отношениями их величеств, хотя он был один из преподавателей государя и его августейшего батюшки. К. П. завтракал один с их величествами, и после завтрака государь в присутствии императрицы заявил, что он просил бы К. П. представить ему ко дню празднования Серафима, что должно было последовать через несколько недель, указ о провозглашении Серафима Саровского святым. К. П. доложил, что святыми провозглашает Святейший Синод и после ряда исследований, главным образом основанных на изучении лица, который обратил на себя внимание святой жизнью, и на основании мнений по сему предмету населения, основанному на преданиях. На это императрица соизволила заметить, что «государь все может».

Из воспоминаний великой княгини Ольги Александровны:

И все же люди не вполне справедливы к Победоносцеву. У него была внешность аскета, и иногда глаза его приобретали холодное, как сталь, выражение. Я знаю, что он был ревностным сторонником самодержавия, панславизма и антисемитом. Но в нем было и много хорошего. Я часто наблюдала, как он был добр с детьми. И он мог быть забавным. Но при его внешней неуязвимости у него был один изъян: он страшился призраков. Они с женой занимали квартиру на Литейном в Петербурге. В доме, где они жили, водилось привидение. Победоносцев приглашал священников, чтобы они изгнали духа. Несмотря на это, невидимое чудовище то и дело своими когтями срывало с Победоносцева одеяла. Победоносцев его до смерти боялся, но продолжал пребывать в этом доме до тех пор, пока его жена не переехала в другое здание, куда последовал и Победоносцев. Он сам рассказывал эту историю. Мне часто приходит в голову мысль, что если бы публика знала, что Победоносцев может чего-то бояться, то она бы изменила свое мнение о нем.

Данилов Юрий Никифорович (13 (25) августа 1866, Киев – 3 февраля 1937, Париж) – российский военный деятель, генерал.

Имел в российской армии прозвище Данилов-черный, чтобы отличать от сослуживцев, Данилова-рыжего и Данилова-белого. Играл ключевую роль в планировании военных операций 1914–1915 годов. В начале 1918 года служил в Красной армии. Перешел к белым в расположение Добровольческой армии. Эмигрировал в 1920. Из воспоминаний:

Вера государя несомненно поддерживалась и укреплялась привитым с детства его наставником К. П. Победоносцевым понятием, что русский царь – помазанник Божий. Ослабление религиозного чувства было бы равносильно развенчанию собственного положения.

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

Государь соизволил принять в резон доводы К. П., и последний при таком положении вопроса покинул Петергоф и вернулся в Царское Село, но уже вечером того же дня получил от государя любезную записку, в которой он соглашался с доводами К. П., что этого сразу сделать нельзя, но одновременно повелевал, чтобы к празднованию Серафима в будущем 1903 году саровский старец был сделан святым. Так и было исполнено.

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Уже давно в Петербурге ходили слухи, что в Святейшем Синоде возникли пререкания о причислении Серафима к лику святых, что все Величества очень интересуются этим вопросом и что государь лично следит за дебатами архиереев. (…) Наконец Синод признал старца достойным сопричисления к лику святых, не без некоторого, впрочем, давления со стороны государя. Это решение было принято с большим сочувствием в народе, несмотря на скорее скептическое отношение со стороны общества.

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

Государь и императрица изволили ездить на открытие мощей. Во время этого торжества было несколько случаев чудесного исцеления. Императрица ночью купалась в источнике целительной воды. Говорят, что были уверены, что саровский святой даст России после четырех великих княжон наследника. Это сбылось и окончательно безусловно укрепило веру их

величеств в святость действительно чистого старца Серафима. В кабинете его величества появился большой портрет – образ святого Серафима.

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Из Петергофа Их Величества со свитою выехали в царском поезде 15 июля 1903 года и прибыли к 17-му утром на особо для них устроенную платформу близ города Арзамаса Нижегородской губернии. Там ждали их экипажи, запряженные четверками, в которых бесконечно длинною вереницею мы и тронулись по почтовой дороге. Этот способ передвижения показался императрице и фрейлинам особо занимательным. (…) По всей дороге (…) на десятки верст тянулись огромные вереницы народа. Говорили, что помимо окрестных жителей со всех концов России прибыло в Саров до 150 тысяч человек. (…) Сам обряд прославления тянулся четыре с половиной часа. Удивительно, что никто не жаловался на усталость: даже императрица почти всю службу простояла, лишь изредка садясь. Обносили раку с мощами уже канонизированного Серафима три раза вокруг собора. Государь не сменялся, остальные несли по очереди. (…) В день нашего отъезда Их Величества посетили скит святого и находящуюся близ него купальню, расположенные в полутора верстах от монастыря. Государь и вся свита шли пешком, только царица ехала в небольшой коляске. (…) Были вызваны войска, сдерживавшие толпу в 150 тысяч человек, заполнившую весь спуск от обители до дороги. Солдаты держали друг друга за руки, чтобы оставить свободный проход для государя и духовной процессии. В купальне был отслужен молебен, после которого царь со свитою, но без духовенства отправился обратно в монастырь. Из монастыря был устроен дощатый спуск, местами на довольно высоких козлах, ведущий напрямик до шоссе. (…) Губернатор высказал опасение, что толпа, желающая видеть царя, прорвет тонкую цепь и наводнит шоссе. В это время, не предупредив никого, государь свернул круто направо, прошел через цепь солдат и направился в гору. Очевидно, он хотел вернуться по дощатой дорожке и дать таким образом большему количеству народа видеть себя. Я крикнул губернатору: «За мной!», и мы с великими усилиями пробились непосредственно до императора, от которого уже была оттерта вся прочая свита. Его Величество двигался медленно, повторяя толпе: «Посторонитесь, братцы». Государя пропускали вперед, но толпа немедленно сгущалась за ним, только губернатор Лауниц да я удержались за царем. Пришлось идти

медленнее, всем хотелось видеть и если можно, то коснуться монарха. Все более теснили нашу малую группу из трех человек, и наконец мы совсем остановились. (…) Толпа навалилась спереди, и царь невольно сел на наши скрещенные руки. Затем мы подняли его на плечи. Народ увидел царя, и раздалось громовое «ура!». Мы крикнули двум дюжим мужикам проталкиваться впереди нас по направлению к дощатой дорожке. Когда наконец мы достигли ее, там толпа была реже. Государь пошел по сходням, но, несмотря на все мои просьбы спешить, продолжал идти размеренным шагом. В этом месте доски были постланы на высоких деревянных козлах, и помост за нами вдруг с грохотом провалился, увлекая всех, сзади шедших. Тогда царь стал увеличивать шаги. (…) Лишь тогда государь заметил отсутствие свиты. На его вопрос по этому поводу, я пояснил, что нас в самом начале оттерли и что я видел только, как граф Фредерикс упал. (…) Царь взволновался, но возвращаться через толпу было невозможно. (…) Он послал меня отыскивать графа. Тем временем вернулись императрица и вся свита, и я узнал, что Фредерикс, с окровавленным лицом, отправился в келью монастыря. Я нашел его там. Фельдшер главной квартиры накладывал большие куски английского пластыря на его лицо. Оказалось, что когда он упал, кто-то из толпы наступил ему на щеки. К счастью, повреждения были легкие. Граф, узнав о беспокойстве государя, наспех переоделся – весь мундир его был в крови и разорван – и пошел со мною к Его Величеству.

Киреев Александр Алексеевич (23 октября (4 ноября) 1833, Москва – 13 (26) июля 1910, Павловск) – русский военный и общественный деятель. Генерал от кавалерии, участник русско-турецкой войны 1877–1878. Богослов, «последний могиканин» классического славянофильства. Из дневника:

Русский народ несомненно религиозен, но когда он видит, что Церковь дает ему камень вместо хлеба, да требует от него формы, «грибков», читает непонятные простонародью молитвы, когда ему рассказывают про фантастические чудеса, все это торжественно рухнет перед первой умелой проверкой, перед первой иронией, даже грубо нахальной; он переходит или к другой вере (Толстой, Редсток), говорящей его сердцу, или делается зверем. Посмотрите, как христианская хрупкая, тоненькая оболочка легко спадает с наших мужиков.

Из статьи Владимира Ильича Ленина (Ульянова) «О черносотенстве»:

В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно оригинальная и чрезвычайно важная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий.

Плеве Вячеслав Константинович, фон (8 (20) апреля 1846, Мещовск Калужск. губ. – 15 (28) июля 1904, Петербург) – русский общественный деятель. Внук ковенского кантора. Убежденный монархист и русский националист. С 1902 года – министр внутренних дел и шеф жандармов. Убит эсером Егором Сазоновым. Из служебного письма об увольнении фон Раабена от должности бессарабского генерал-губернатора:

Письмом от 19 минувшего ноября 1903 года Ваше Превосходительство просили уведомить Вас о причинах, послуживших поводом к увольнению генерал-лейтенанта фон-Раабена от должности бессарабского генерал-губернатора. (…) Увольнение генерал-лейтенанта фон-Раабена от означенной должности последовало вследствие проявленных им во время происходивших в Кишиневе 6 и 7 апреля 1903 года еврейских беспорядков крайней нераспорядительности и бездействия власти…[4]

Раабен Рудольф Самойлович, фон (10 (22) апреля 1843 – после 1914) – бессарабский губернатор с 1899 по 1903. Из книги «Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов»:

Считая свое увольнение с должности генерал-губернатора Бессарабии несправедливым, Р. С. фон Раабен обратился к царю. Во время аудиенции Николай II дважды сказал ему: «Будьте вполне спокойны. Я Вас сам устрою». Р. С. фон Раабен был причислен к Министерству внутренних дел.

Чекеруль-Куш Михаил Константинович (1864, Кишинев – 23 января 1917, Кишинев) – архитектор, начальник кишиневской пожарной дружины. Участник Первой мировой войны. Умер от ран в госпитале. Свидетель во время следствия по делу о Кишиневском погроме. Из показаний во время следствия по делу о Кишиневском погроме:

Кругом царили хаос, свист, крик, лязг разбиваемых окон, бегущие люди с награбленным имуществом, плач спасающихся

евреев, растерявшаяся полиция и спокойно стоящие войска. Все это со стороны произвело на меня странное и дикое впечатление. Мне казалось, что полиция и войска вызваны не для водворения порядка, а, напротив, поставлены для того, чтобы охранять бушующую толпу от нападения со стороны евреев, для того, чтобы дать ей возможность как можно правильнее и основательнее произвести погром.

Постояв немного, я переехал на другую сторону базара, там происходила та же картина с той только разницей, что я здесь видел помощника полицмейстера.

Слуцкий Моисей Борисович (1851, Кишинев –1934, Кишинев) – главный врач Кишиневской еврейской больницы. Свидетель во время следствия по делу о Кишиневском погроме. Из его свидетельских показаний:

Я вышел на улицу; я находился на углу Подольской и Купеческой, когда толпа приступила к разгрому лавки Фельдштейна… В это время сильный отряд драгун продвигался по Купеческой, на углу Подольской и Купеческой офицер скомандовал, отряд разделился, часть продолжала путь по Купеческой, другая часть взяла налево к дому Фельдштейна, где и остановилась. Но разгром продолжался.

Из показаний Михаила Константиновича Чекеруль-Куша:

На другой день с самого раннего утра стали постоянно вызывать пожарную команду на пожары, так что в 10½ часов утра пришлось выезжать на четвертый пожар… Общая картина казалась таковой: толпа буянов подходила к лавке или магазину, разрушала его, ломала и выбрасывала вещи на улицу, а другая часть расхищала все выброшенное на улицу. Давали знать полиции, она являлась, вызывали войска, которые тоже являлись. (…) При появлении полиции или войск толпа разбегалась и вновь появлялась около другого дома.

Бухало Сергей Иванович, инженер, изобретатель, служащий Бессарабской губернской земской управы. Свидетель во время следствия по делу о Кишиневском погроме. Из его свидетельских показаний:

Взвод Минского полка, двигавшийся от бульвара, заставил громил отойти от магазина на несколько шагов, но не сделал попытки кого-нибудь задержать и повернул назад. Дело

разрушения было закончено тогда же за спиной солдат, уже не возвращавшихся; (…) я видел окончание разгрома винного магазина Фельдштейна против помещения 2-го полицейского участка. Из окон последнего на эту картину смотрели чины полиции.

Назаров Андрей Мартынович, купец. Свидетель во время следствия по делу о Кишиневском погроме. Из его свидетельских показаний:

По тротуару шел какой-то чернорабочий, который палкой указывал на дома, и тогда в окна этих домов летели камни, бросаемые из толпы. В это время проходил шагом по улице эскадрон драгун. (…) Я обратился к драгунам, прося их арестовать хотя бы зачинщика, но они проехали, не обратив внимания на мои слова. Около аптеки Кенигшаца, где стоял патруль, я подошел к офицеру, прося принять меры против этого безобразия, что тем легче было сделать, что кучка людей была просто ничтожна, но офицер ответил, что ничего не может сделать, ибо ему приказано стоять, а не действовать. Несмотря на все увещевания и убеждения, что если сразу же не прекратить этот разгром, то последствия могут быть хуже, офицер отвечал одной фразой: «Не приказано действовать!»

Из показаний Моисея Борисовича Слуцкого:

В больнице в течение двух суток (7-го и 8-го) шла колоссальная работа: днем и ночью беспрерывно доставлялись больные (раненые) и трупы. (…) Почти все без исключения повреждения причинены тяжелыми и тупыми орудиями – дубинами, камнями, молотами и т. п. На некоторых трупах повреждения нанесены острым орудием (топорами).

Из показаний Михаила Константиновича Чекеруль-Куша:

Взяв с собой шесть человек дружинников, я направился к месту разгрома. Лавку громили человек 15–20. По первому же приказанию громилы стали разбегаться. (…) Я поставил 4 дружинников около дверей лавки, взял с собой одного и, перейдя на другую сторону тротуара к собравшейся толпе, предложил сию же минуту разойтись. Толпа без всяких протестов стала расходиться.

Сообщение газеты «Последние известия» о поездке депутации кишиневских евреев в Санкт-Петербург от 18 июня 1903 года:

У нас в еврейском «обществе» много говорят о результатах ходатайства еврейской депутации в Петербурге. С нетерпением ожидало наше «общество» возвращения депутатов, отправившихся испросить аудиенцию у Николая II и у министра внутренних дел Плеве, чтобы в связи с резней в Кишиневе указать на печальное положение евреев в России. (…) Плеве заявил, что он принципиально согласен исполнить просьбу депутатов; но они несвоевременно приехали – государю нездоровится, и он теперь принимать не может. (…) Интересный ответ дал депутации член Государственного совета Герард: «…У вас нет никаких надежд. Такое решение вопроса идет против субъективного настроения одной такой особы, с которой бороться бесполезно», при этом сделал многозначительный жест.

Анатолий Алексеевич Клопов

Из книги Сергея Анатольевича Циона:

Царь дал, с помощью одного из великих князей, аудиенцию с глазу на глаз скромному титулярному советнику Клопову. Аудиенция имела совершенно частный, почти конспиративный характер – так сказать, маленькая шалость монарха вне обычного этикета и надзора. Клопов говорил какие-то туманные, но пламенные речи против бюрократии, за общение царя непосредственно с жизнью, с народом, с «землей».

Куропаткин Алексей Николаевич (17 (29) марта 1848, Холмский уезд Псковской губернии – 16 января 1925, с. Шешурино, Торопецкий район Тверской области) – русский военный деятель. Участвовал в войне 1877–1878 годов, в завоевании Средней Азии. Военный министр с 1898 по 1904 год. С октября 1904 по март 1905 – главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке. После поражения под Мукденом снят с должности. В годы Первой мировой войны командовал гренадерским корпусом (1915), Северным фронтом (1916). Туркестанский генерал-губернатор в 1916–1917. Руководил подавлением Среднеазиатского восстания 1916 года. После Октябрьской революции преподавал в основанной им сельской школе в Шешурине и заведовал волостной библиотекой. Из дневника:

12 ноября 1898 г. Горемыкин (министр внутренних дел. – Н. Е.) рассказывал мне, что Государь какому-то проходимцу, коллежскому асессору Хлопову (на самом деле Клопову), поручил, секретно от Горемыкина, сбор сведений о нуждах России. Этот гусь разъезжает с бумагой от П. П. Гессе (дворцового коменданта, все письма императору передавались через него. – Н. Е.) в особых вагонах и мутит всех в Тульской губернии заодно с Львом Толстым. Ездит с большой свитою, гласно для всех, кроме министра внутренних дел.

Этого гуся Государю рекомендовал великий князь Александр Михайлович после неудачной попытки забрать в свои руки нефтяное дело.

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

С годами постоянное согласие с соображениями своих

министров несомненно тяготило государя. Ему, естественно, хотелось проявить собственную инициативу как в малых, так и в больших вопросах, но изменить своего отношения к докладам и суждениям министров начала своего царствования, т. е. лицам, с коими сложился иной порядок, у государя недоставало решимости. Отсюда возникало желание сменить этих лиц на новых, с которыми государь думал, что ему легче будет с места установить другие отношения. Этим же надо объяснить и склонность государя самостоятельно, без ведома министров, возлагать на отдельных особые ответственные поручения. Это было опять-таки следствием желания проявить личную инициативу, беспрепятственно осуществить свою волю. Едва ли не первым проявлением этой склонности была вызвавшая в бюрократических кругах немалое смущение командировка государем некоего Клопова в местности, постигнутые неурожаем, для доклада об истинном положении населения этих губерний. Откуда взялся и каким образом проник к государю этот Клопов, я не знаю. Известно мне лишь то, что государь не только лично дал необходимые на командировку средства, притом в весьма ограниченном размере, но, кроме того, снабдил собственноручной запиской, в силу которой все власти должны были исполнять предъявляемые им Клоповым требования. Первым действием Клопова было обращение с этой запиской в Министерство путей сообщения для предоставления ему особого вагона для разъездов в нем по всей России. Требование это было исполнено, и Клопов покатил в предоставленном ему вагоне, причем первой его остановкой была Тула (…), где он не замедлил предъявить губернатору свою полномочную грамоту. Можно себе представить смущение местной власти, конечно не замедлившей донести об этом небывалом случае министру внутренних дел Горемыкину. Смущен, разумеется, был и последний, но, однако, не задумался тотчас представить государю бесцельность и совершенную невозможность командировок безответственных лиц, вооруженных такими, почти неограниченными полномочиями. В результате Клопов был тотчас вызван обратно в Петербург.

Из книги Сергея Анатольевича Циона:

…и вот этот оригинал, заинтересовавший одного из великих князей, предстал, в качестве выходца из какого-то другого, таинственного мира, перед лицом царя, и, нагруженный какими-то картограммами и статистическими таблицами, заполненными для царя, стал «глаголом жечь» сердце монарха…

Клопов Анатолий Алексеевич (1841–1927) – земский статистик, корреспондент Николая II. Из письма Николаю II в ноябре 1901 года:

Вспомните, какие усилия были употреблены нашей администрацией, чтобы скрыть голод в то время, когда он уже успел охватить целую область России. Чтобы замаскировать истину, было выдумано для Вас даже особое слово «недород», слово «неурожай» слишком сильно, тяжело, близко к понятию «голод», а за последний, чего доброго, пожалуй, придется отвечать. Пустив таким образом в оборот это успокоительное слово, дав надлежащее руководство печати в том, что и как говорить о «недороде», канцелярия успокоилась, когда же раздался с высоты престола добрый голос о помощи голодающим – встрепенулась и канцелярия, полетели в голодные места телеграммы, чиновники особых поручений, затем директора и, наконец, сами министры. Все дело приняло совершенно иное, обратное движение: голодных не скрывают, а ищут.

Из книги Сергея Анатольевича Циона:

И вот Клопов получает от самого государя особый открытый лист за подписью коменданта дворца с поручением «по высочайшему повелению произвести частное исследование в местностях, пораженных неурожаем». А еще немного, и повсюду пошли и слухи о таинственной миссии коллежского асессора, посланного царем, чтобы узнать «всю правду»; Клопова стали посещать и земцы, обличавшие губернаторов, и чуткие бюрократы, почуявшие что-то необычайное, и такие же неудачники-прожектеры, как Клопов, и просто всевозможные дельцы, хамелеоны и проходимцы, «потерпевшие за правду». Некоторые исправники, по заверениям кн. Мещерского, телеграфировали губернаторам, что «в уезде появился господин, требующий настоящую, не губернаторскую правду».

Из книги Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко) «Царь и Царица»:

Клопов был человек необычайно чистый, далеко не глупый, но совершенно не приспособленный к какому-либо практическому делу за полным отсутствием в его действиях системы и методики. Представлял он при этом какое-то странное

смешение духа произвола со стремлением к установлению абсолютной справедливости. Всякая несправедливость, всякая нанесенная кому-либо обида его глубоко волновала и возмущала, он готов был попирать все порядки и все законное для восстановления прав обиженного, не соображая, что, нарушая закон для восстановления справедливости по отношению к отдельному лицу, он тем самым разрушает весь государственный строй и гражданский порядок. Словом, он принадлежал к числу тех фантазеров, которые мечтают путем личного усмотрения восстановить справедливость, которую закон в его формальных проявлениях ни уладить, ни тем более упразднить не в состоянии.

Из книги Сергея Анатольевича Циона:

Несчастный Клопов, вынужденный неожиданно для себя самого быть пародией на Маркиза Позу, все более и более походил на галопирующую, снаряженную кавалерийским седлом корову; над «титулярным советником Правдиным» зло издевались реакционные газеты как над новоявленным спасителем всей России путем трех средств: «открытого листа, подъемных денег и фигуры, выражающей жажду к правде». (…) А царь, которому запрещенный плод был сладок, все продолжал ждать чего-то от секретных писем, в которых коллежский асессор Поза (…) тщетно старался выдавить из себя какое-нибудь «вещее слово».

Из письма Анатолия Алексеевича Клопова Николаю II от 3 мая 1899 года:

…весенний период в жизни ученика нашей школы представляет собой уже совсем нечто иное. Я разумею под ним период экзаменов.

Эту пору в школьной жизни, поистине, можно назвать периодом страды и великих терзаний всего нашего молодого поколения! В то самое время, когда природа празднует медовый месяц, когда кругом все оживает, когда невольно всякого тянет в деревню, в лес, в поле, наши страдальцы сидят по 10–14 часов, нагнувшись над книгой, приготовляясь к инквизиции – к ненужным совсем экзаменам. Только после такого мучительного нравственного и физического утомления наша школа, не торопясь, выпускает питомцев на волю! Между тем природа не ждет: лето почти на исходе, рожь чуть не заколосилась, птицы перестали петь, настают жары, а там опять не за горами – скучная холодная школа, и так 8–9 лет! (…) Разум, справедливость,

гуманность и гигиена требуют (…) полное уничтожение переводных экзаменов.

Крылов Валерий Михайлович, русский историк. Из книги «Тайный советник императора»:

Николай II назначил Клопову персональную пенсию и выделил пособие на покупку имения в Новгородской губернии под Любанью. Устроенную усадьбу Анатолий Алексеевич Клопов назвал Анатольевкой.

Часть II
Война и мір (1904–1914)

Русско-Японская война

Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт Прусский) Гогенцоллерн (27 января 1859, Берлин – 4 июня 1941, поместье Дорн, провинция Утрехт, Нидерланды) – император Германии и король Пруссии с 15 июня 1888 года по 9 ноября 1918. После отречения эмигрировал в Нидерланды. Из письма Николаю II:

Всякий человек без предвзятого мнения обязан признать, что Корея должна быть и будет русской.

Из книги Сергея Анатольевича Циона:

Корейские лесные фактории послужили той территорией, на почве которой возникли русско-японские недоразумения. Эти фактории были захвачены высокопоставленными лицами, Безобразовым и Абазой, составившими акционерное общество. В число акционеров входили и вдовствующая царица Мария Федоровна, многие великие князья, генералы… Когда японцы, боясь, что Россия захватит Корею в свои руки, стали протестовать против захвата русским акционерным обществом корейских лесов, высокопоставленные акционеры поняли, что удержать захваченное можно только силой…

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

Виноват Безобразов прежде всего в том, что с легкомыслием безответственного дилетанта, не знакомого в силу своего положения с общими нуждами и состоянием страны, усиленно толкал Россию на Дальний Восток, удовлетворяя тем свое безграничное честолюбие и неудержимое стремление играть видную политическую роль. Но особенная его вина состояла в том, что, сознавая, как он это сам неизменно утверждал, нашу беззащитность в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, а также что одно наше присутствие там разжигает к нам злобу и Китая и Японии, и усиленно ввиду этого настаивая на усилении на Дальнем Востоке нашей военной силы, он, невзирая на то что почти ничего в этом отношении не делалось (ибо и сделано быть не могло), тем не менее, со своей стороны, продолжал действовать в направлении дальнейшего раздражения Японии и тем усиливал ее враждебность к нам. Действительно, если Безобразов понимал, что наша деятельность в Маньчжурии

(а следовательно, тем более в Корее) поведет к вооруженному столкновению с Японией, то он, разумеется, должен был одновременно понимать и то, что до доведения нашей военной мощи до такой степени, при которой, по его понятиям, мы могли бы дать успешный отпор японцам, мы должны умерять эту деятельность и искать миролюбивого выхода из создавшегося положения. Между тем, пока лица из правительственного состава, не верившие в нашу слабость на Дальнем Востоке и, во всяком случае, почитавшие, что в случае боевого столкновения с Японией мы выйдем из него победителями, все же стремились к мирному улажению спорных между Россией и Японией вопросов и соответственно этому советовали быть уступчивыми, Безобразов, везде кричавший о нашей слабости в Маньчжурии и даже в Порт-Артуре, настаивал на резком отпоре всяким японским притязаниям. Его упорные советы не проявлять ни к Японии, ни к Китаю никакой уступчивости, а, наоборот, вести там агрессивную политику сыграли, несомненно, фатальную роль в деле русско-японского конфликта. Следуя именно этим советам, мы усиленно бряцали оружием и потрясали кулаком, не имея, однако, никакого намерения вступать в драку и даже вполне сознавая крайнюю ее нежелательность для нас. И здесь, увы, нет сомнения, что вызван был образ действий Безобразова упорным желанием использовать изобретенную им пресловутую корейскую концессию на Ялу, так как единственно чего серьезно добивалась Япония, из числа ее притязаний, на которые мы не выражали согласия, была именно та часть Кореи, где эта концессия находилась.

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Вскоре после боксерского восстания[5] в Петербурге сформировалось общество для эксплуатации дальневосточных лесов и ископаемых богатств. Во главе его стали Абаза, Безобразов и другие.

Граф Фредерикс из гоф-фурьерского журнала усмотрел, что государь несколько раз давал совершенно негласные аудиенции. Он обратил внимание Его Величества на нежелательность таких приемов без ведома ответственных лиц. На это царь возразил, что если вести торговое предприятие бюрократическим путем, то из этого ничего не выйдет. Он лично очень интересуется этим весьма широко задуманным и умным делом. Несколько времени спустя к Фредериксу явился Безобразов и рассказал о сути предприятия. Он рисовал картину развития его в общество, подобное Ост-индской компании.

Государь, по словам Безобразова, лично очень интересуется этим делом и согласился стать акционером на сумму в 200 000 рублей. Он показал графу подписной лист с десятком титулованных и высокопоставленных имен, пока еще, правда, денег не внесших. Фредерикс ответил, что о разговоре доложит Его Величеству и спросит указаний, но предупредил собеседника, что не сочувствует тому, чтобы государь становился пайщиком частной компании. На другой день при всеподданнейшем докладе министр энергично советовал императору отказаться от участия в деле. Он указал, что никогда русский самодержец не становился акционером и что это может вызвать нежелательные толки. Нужно предвидеть также, что 200 000 рублей будут лишь авансом, а потом придется вкладывать и миллионы. Пока все подписавшиеся не дали ни гроша, но после взноса государя и они внесут свои деньги. В случае неудачи предприятия Его Величество будет нести ответственность за их потери и вынужден будет поддерживать безобразовское дело. Государь ответил, что подумает. Через день эти господа снова имели аудиенцию, и Фредерикс получил собственноручную записку Николая II, гласившую: «Прошу Вас выдать Безобразову 200 000». Министр, не признавая возможным контрассигновать такое распоряжение государя, поручил мне изготовить всеподданнейшую записку с просьбой об увольнении его от должности и специально по этому делу поехал в Царское Село. По возвращении граф Фредерикс рассказал мне, что император его отставки не принял и был смущен происходящим. Чтобы вывести государя из неловкого положения, министр предложил считать, что 200 000 рублей выдаются Безобразову в виде личного пособия.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Когда я вернулся в С.-Петербург после одного из моих летних плаваний на «Ростиславе», Никки просил меня совмещать мои обязанности командира броненосца с председательствованием в одном значительном предприятии, которое замышлялось на Дальнем Востоке.

Дело в том, что группа предпринимателей из Владивостока получила от корейского правительства концессию на эксплуатацию корейских лесов, расположенных между нашей границей и р. Ялу. Испытывая нужду в оборотных средствах, они обратились к министру двора с ходатайством о финансировании этого дела Государем. Сведущие люди, посланные в Корею министром двора, не скупились на похвалы,

излагая все преимущества, которые выпадают на долю России, если она приобретет эту концессию. На основании добытых ими сведений можно было также предположить, что область по обеим сторонам р. Ялу заключала в себе и золотоносные земли. Это предложение представлялось чрезвычайно заманчивым, но, конечно, требовало при осуществлении большой осторожности и такта. Разговаривая по этому поводу с Никки, я сделал особое ударение на слове «такт». Я опасался бестактности нашей дипломатии, которая, преклоняясь перед западными державами, относилась к Японии высокомерно.

Совершенно не отдавая себе отчета о военной силе Империи Восходящего Солнца, русские дипломаты, восседая за столами своих петербургских кабинетов, мечтали о подвигах Гастингса и Клайва. План их сводился к тому, чтобы сделать в Маньчжурии для России то, чем была Индия для Великобритании. Под давлением этих дипломатов наше правительство за несколько лет до того решило оккупировать Квантунский полуостров и проводить Сибирскую магистраль прямо через Маньчжурию. Этот дерзкий захват китайской территории и порта, занятого японцами в 1894 году, но уступленного ими китайцам, вызвал негодующие протесты Токийского кабинета. Граф Ито прибыл в С.-Петербург и предложил уладить конфликт мирным путем. Это ему не удалось, и ему оставалось только заключить союз с Великобританией, направленный против России. В дипломатическом мире не было секретом, что Государь Император дал свое согласие на ряд авантюр на Дальнем Востоке, потому что слушался вероломных советов Вильгельма II. Ни в ком также не вызвало сомнений, что если Россия будет продолжать настаивать на своих притязаниях на Маньчжурию, то война между Россией и Японией неизбежна.

– Разве мы хотим войны с Японией? – спросил я у Никки. – Если мы ее действительно хотим, то мы должны немедленно начать постройку второй колеи Сибирского пути, сосредоточить наши войска в Восточной Сибири и построить значительное количество современных военных судов.

Государь только покачал головой и ответил, что я придаю слишком много значения слухам. Нет, пока он был на престоле, он, конечно, не ожидал войны ни с Японией, ни с каким-либо другим государством. Его ответы звучали очень уверенно. Я принял предложение встать во главе дела по эксплуатации лесной концессии на Ялу.

Прошел год. Я получил сведения, что русская дипломатия решилась на новую авантюру. На этот раз она собиралась продолжить Сибирский путь до границы Кореи и объявить эту

страну аннексированной Российской Империей. Я сел и написал очень резкое письмо министру двора барону Фредериксу, в котором сообщал ему, что слагаю с себя полномочия по руководству делом концессии на Ялу и предсказываю в ближайшем будущем войну с Японией. Я не пожалел слов, чтобы выразить свое крайнее неудовольствие. Я заявил, что как верноподданный Государя и человек, не утративший здравого смысла, я отказываюсь иметь что-либо общее с планами, которые ставят под угрозу сотни тысяч невинных русских людей. Фредерикс пожаловался Государю. Никки был очень огорчен моими резкими словами и просил меня изменить мое решение. Я ответил довольно запальчиво: нет.

Во всяком ином случае уход от дела его главного руководителя делается всегда достоянием гласности, но барон Фредерикс полагал, что если мое разногласие с Царем получит огласку, то это может иметь неблагоприятное влияние на ход дела на Дальнем Востоке. Вне небольшого круга наших родственников и друзей никто так и не узнал, что Великий Князь Александр Михайлович перестал участвовать в работах комиссии по эксплуатации лесной концессии на Ялу. Это случилось в 1902 г. Два года спустя в политических кругах утверждали, что виновник русско-японской войны был зять Государя с его авантюрой на Ялу! Только после того, как большевики опубликовали документы, найденные в архивах Министерства двора, роль, которую я сыграл в событиях, предшествовавших Русско-японской войне, перестала быть секретом.

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

Если тут не были замешаны никакие личные корыстолюбивые цели, то упрямое фантазерство, а в особенности безграничное честолюбие играли зато первенствующую роль, а отнюдь не забота о русском народном благе и величии России. Если история свяжет имя Безобразова с нашим разгромом на Дальнем Востоке, т. е. с тем событием, которое явилось первым звеном в цепи разнообразных причин, приведших к развалу Русское государство, то едва ли она ошибется. (…) Приблизительно к половине декабря 1903 года положение наших переговоров с Японией было следующее: Япония желала, чтобы мы ей уступили всю Корею и, кроме того, установили пятидесятиверстную нейтральную полосу по обе стороны маньчжурско-корейской границы. Мы же по настоянию Безобразова, поддерживаемого в этом адмиралом Алексеевым,

соглашались уступить Японии Корею лишь по 39-й параллели, т. е. с сохранением за нами устьев Ялу и, следовательно, всей территории концессии. (…) 15 декабря 1903 года у государя было вновь совещание, на котором участвовал великий князь Алексей Александрович, министры Ламздорф и Куропаткин и управляющий делами Комитета по Дальнему Востоку Абаза. Совещание это единогласно признало, что переговоры с Японией необходимо продолжать. Государь при этом вновь сказал: «Война безусловно невозможна. – И прибавил: – Время – лучший союзник России. Каждый год ее усиливает». Тем не менее полного согласия на японские условия мы не выражали, а продолжали уступать по мелочам, весьма растягивая переговоры. Так продолжалось до самого отзыва японцами 25 января 1904 года своей миссии из Петербурга. Мы продолжали принимать некоторые меры к усилению нашей военной мощи на Дальнем Востоке, впрочем, преимущественно на бумаге, продолжая одновременно уступать японцам по разным мелким вопросам, продолжали не желать войны и тем не менее отстаивать часть Северной Кореи, а также противиться укреплению японцами Корейского пролива на корейском берегу. Решено было не признавать за casus belli[6], если японцы высадят свои войска в Южной Корее, но не допустить их высадки в Северной. Продолжали мы в особенности быть уверенными в огромном превосходстве нашего флота над японским и потому не допускали и мысли, что японцы сами на нас нападут.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Меня он не боялся. Как часто, когда я спорил о полной реорганизации флота, которым руководил дядя Алексей согласно традициям XVIII века, я видел, как Государь в отчаянии пожимал плечами и говорил монотонно: «Я знаю, что ему это не понравится. Говорю тебе, Сандро, что он этого не потерпит».

«В таком случае, Ники, ты заставишь его это потерпеть…»

«Но что я могу с ним сделать?»

«Ты ведь Царь, Ники. Ты можешь поступить так, как это необходимо для защиты наших национальных интересов».

«Все это так, но я знаю дядю Алексея. Он будет вне себя. Я уверен, что во дворце услышат его крик».

«В этом я не сомневаюсь, но тем лучше. Тогда у тебя будет прекрасный повод уволить его немедленно в отставку и отказать ему в дальнейших аудиенциях».

«Как я могу уволить дядю Алешу? Любимого брата моего отца! Знаешь, Сандро, я думаю, что с моими дядьями у меня все

обойдется, но за время твоего пребывания в Америке ты сам стал большим либералом».

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

Когда 25 января Япония заявила о прекращении дипломатических сношений с нами, государь вновь собрал у себя совещание заинтересованных министров, которое пришло к единогласному решению о выражении согласия на все японские условия, о чем соответствующая телеграмма и была послана барону Розену. Но было уже поздно. К этому времени раздражение Японии по отношению к нам было уже настолько велико, а воинственное настроение японцев достигло таких пределов, что японское правительство, не без оснований полагавшее, что выраженное нами согласие лишь уловка для оттяжки времени с целью увеличения тем временем наших боевых сил на Дальнем Востоке и что при подписании мирного соглашения мы найдем какие-либо новые причины для отказа от согласия на ее условия, задержало телеграмму, посланную Розену, а тем временем произвело внезапное нападение миноносцами на наш флот в порт-артурском рейде.

Из дневника Николая II:

27 января 1904. Вторник. Утром пришла телеграмма с известием о бомбардировании 15 японскими судами Порт-Артура и о бое с нашей эскадрой….Потери незначительны. В 4 часа был выход в Собор через переполненные залы к молебну. На возвратном пути были оглушительные крики «Ура». Вообще отовсюду трогательные проявления единодушного подъема духа и негодования против дерзости японцев. Мама осталась у нас пить чай.

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

Уверенность о том, что войны с Японией не будет, к январю месяцу укрепилась вполне и у адмирала Алексеева, и у государя. (…) Приблизительно до конца декабря наш флот был начеку и принимал меры предосторожности на случай внезапного нападения японского флота. О возможности такого нападения еще в сентябре предупреждал наш морской агент в Японии, капитан 1-го ранга Русин. Но с начала января меры эти были

понемногу отменены. Результат общеизвестен: наши лучшие суда – броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада» – были подорваны и надолго выведены из строя, а стоявшие у Чемульпо крейсера «Варяг» и «Кореец» хотя со славой, но погибли в неравном бою. В сущности, в этот день был предрешен весь ход войны. До него наш флот мог с успехом бороться с японским флотом, после это было почти невозможно.

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

30 января 1904. Пятница. Патриотическая манифестация студентов. Сегодня пришли с чувствами, завтра придут с протестом.

Из дневника Алексея Николаевича Куропаткина:

У нашего Государя грандиозные в голове планы. Взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет… Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний и все разочаровываем, он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает вопросы славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется Государю более понимающим, чем мы, министры….Витте сказал мне, что вполне присоединяется к моему диагнозу.

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

Где же в конечном счете кроется причина войны с Японией и на ком лежит ответственность за ее возникновение? Решительно все наше правительство было против нее, не желал ее и Николай II, и тем не менее она произошла, безусловно, по нашей вине. Причина одна и единственная, а именно – твердое и неискоренимое убеждение правящих сфер, что силы наши и тем более наш престиж настолько велики во всем мире, а в особенности в Японии, что мы можем себе позволять любые нарушения даже жизненных интересов этой страны без малейшего риска вызвать этим войну с нею: «Une drapeau et une sentinelle – le prestige de la Russie fera le reste»[7] – вот что громко произносил министр иностранных дел, а думали едва ли не все власть имущие. Война, полагал Николай II, всецело зависит, в отношении к сравнительно маленькой Японии, от нас

и от нашего желания. В основе здесь была опять-таки переоценка наших сил и недооценка как степени значения для Японии Кореи, так в особенности органической и, в частности, военной мощи этой страны. Наш образ действий, лишенный даже международной корректности, в особенности для государства, предложившего на Гаагской мирной конференции всеобщее разоружение, был тем более недопустим и даже непонятен, что, в сущности, мы не придавали серьезного значения как водворению Японии в Корею, так даже нашему внедрению в Маньчжурию. Это была ребяческая игра, как ее верно окрестил Витте. (…) Никто не представлял государю в истинном свете степень нашей военной мощи, все, наоборот, поддерживали уверенность Николая II в нашем беспредельном могуществе. Между тем об этом могуществе у государя было вообще преувеличенное представление. Происходило это, быть может, также вследствие его путешествия через всю империю из Владивостока до Петербурга, когда он в течение многих недель, так как путешествие по Сибири было совершено на лошадях, ехал по безграничным пространствам Российского государства. Огромность территории страны, а также общей численности ее населения настолько поражали воображение, что за ними скрывались и малая наша культурность, и хозяйственная бедность, и техническая отсталость, и недостаточная отточенность нашего оружия. Ярким образчиком уверенности государя в легкой победе над Японией могут служить слова, сказанные императрицей Александрой Федоровной моей покойной матери, представлявшейся государыне в самом начале Японской войны. В то время было спешно приступлено к сооружению Кругобайкальской железной дороги взамен паромной переправы поездов через озеро Байкал. Для личного наблюдения за производством работ по сооружению этой дороги отправился на место министр путей сообщения кн. Хилков. Матушка моя в разговоре с государыней выразила надежду, что кн. Хилкову, благодаря его энергии, удастся выполнить эту важную задачу в короткий срок, на что императрица ответила: «Mais il n’aura pas le temps d’y arriver, que la guerre sera terminée»[8].

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

Витте говорит: Россия не может воевать. Она может воевать только тогда, если неприятель вторгнется в сердце ее.

Из дневника Николая II:

15 июля 1904 г. Утром П. П. Гессе (дворцовый комендант. – Н. Е.) принес тяжелое известие об убийстве Плеве брошенною бомбою в Петербурге, против Варш‹авского› вокзала. Смерть была мгновенная. Кроме него был убит его кучер и ранены семь человек, в том числе командир моей роты Семеновского полка капитан Цветинский – тяжело. В лице доброго Плеве я потерял друга и незаменимого министра внутренних дел. Строго Господь посещает нас своим гневом… Обедали на балконе – вечер был чудный.

Бомпар Луи-Морис (17 мая 1854, Мец – 7 апреля 1935, Париж) – французский посол в Петербурге (1902–1908). Из воспоминаний:

Собрание в Царском Селе было оживленным, весьма приятным и вполне бонтонным. На нем сплетничали о тысяче светских историй. Ни единого слова о позавчерашнем покушении… Графиня Клейнмихель, устраивавшая этот обед и возвратившаяся вечером с нами в Петербург, не могла скрыть своего раздражения тем, что столь значительное событие не было удостоено ни словца. А все почему? Потому, что Плеве был простым чиновником, судьба которого недостойна внимания столь высокопоставленного общества. Да убережет их Господь и нас тоже от кары, которой заслуживал бы подобный снобизм!

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

На днях был у Витте. Яростно говорил о Плеве. «Зачем о нем пишут? Отчего не пишут о кучере?» – кричал он. (…)

«Новик» японцы потопили у Сахалина. Это лучший наш крейсер. Не объявляют по случаю радости крещения. В царские дни несчастья и поражения не признаются. Им хорошо во дворцах и поместьях. (…) Что им русские несчастья!

Из дневника Александра Александровича Мосолова:

В одной лишь среде царь чувствовал себя по-товарищески: среди военных. Во время обсуждения в Военном министерстве вопроса о перемене снаряжения пехоты государь решил проверить предложенную систему сам и убедиться в ее пригодности при марше в 40 верст. Он никому, кроме министра двора и дворцового коменданта, об этом не сказал. Как-то утром потребовал себе комплект нового обмундирования, данного

для испробования находившемуся близ Ливадии полку. Надев его, вышел из дворца совершенно один, прошел 20 верст и, вернувшись по другой дороге, сделал всего более 40, неся ранец с полною укладкою на спине и ружье на плече, взяв с собою хлеба и воды, сколько полагается солдату. Вернулся царь уже по заходе солнца, пройдя это расстояние в восемь или в восемь с половиной часов, считая в том числе и время отдыха в пути. Он нигде не чувствовал набивки плечей или спины и, признав новое снаряжение подходящим, впоследствии его утвердил. Командир полка, форму коего носил в этот день император, испросил в виде милости зачислить Николая II в первую роту и на перекличке вызывать его как рядового. Государь на это согласился и потребовал себе послужную книгу нижнего чина, которую собственноручно заполнил. В графе для имени написал: «Николай Романов», о сроке же службы – «до гробовой доски». Конечно, впоследствии об этом узнали военные газеты и широкая публика. Не все, однако, знают, что император Вильгельм в письме к государю поздравил его с этой мыслью и ее исполнением. (…) А наш военный агент в Берлине сообщил, что кайзер потребовал перевода всех статей по этому предмету из русских газет и досадовал, что не ему, германскому императору, пришла эта мысль.

Мартынов Евгений Иванович (22 сентября (4 октября) 1864, Свеаборг, ныне Суоменлинна – 11 декабря 1937, Москва) – русский военный деятель. Во время русско-японской войны командовал 140-м Зарайским полком. В 1910 – начальник Заамурского округа пограничной стражи. Вступил в конфликт с министром финансов Коковцовым по поводу поднятого им вопроса о крупных хищениях на КВЖД и в Заамурском округе. Отправлен в отставку. 20 июля 1914 года подал прошение на Высочайшее имя, прося восстановить его в армии, на что последовало согласие. Попал в плен. Содержался в замке Лек вместе с Лавром Корниловым. Освобожден в феврале 1918. Служил в РККА. Арестован в сентябре 1937. Расстрелян 11 декабря 1937. Из воспоминаний о русско-японской войне:

Что касается одежды и снаряжения, то полк, выражаясь официальным языком, был снабжен всем положенным по закону. Конечно, относительно качества большинства вещей говорить не приходится. Это была известная интендантская дешевка, чрезвычайно быстро приходившая в негодность. Особенно плохи были шинели, сделанные из единственного в мире рыхлого, серого сукна, которое на свет просвечивало, а при дожде до такой

степени впитывало влагу, что мокрая шинель весила до 20 фунтов. Но что приводило нас в совершенное отчаяние, так это интендантские сапоги. Сшитые из плохо выделанной, непрожированной конины, на деревянных гвоздях, они, при движении по топким дорогам и каменистым сопкам Маньчжурии, совершенно разваливались уже после двух недель носки. Известно, что обычное ругательство, с которым японские солдаты обращались к русским, было – «оборванец». Говорят, что убогая одежда нашего солдата объясняется бедностью государства, но отчего же несравненно более бедная Япония находит возможным снабжать своих солдат вещами высокого качества? Да, наконец, с финансовой точки зрения, вряд ли выгодно, вместо одной пары хороших сапог, давать две пары негодных и т. п.!! (…) Обращал на себя внимание огромный груз, носимый солдатом. Как известно, определенная законом походная ноша солдата весила 71 фунт. Если же к этому прибавить почти всегда имевшиеся лишние патроны, запас печеного хлеба на один день, кружку, чайник, табак и т. п., то этот груз был не менее двух пудов в сухом состоянии. Совершать большие переходы с таким вьюком при влажной, расслабляющей маньчжурской жаре было очень тяжело, а лазить по сопкам и вовсе невозможно. (…) В тот раз зимой болховцы[9] выполнили задачу блестяще: незаметно приблизились к неприятельским окопам, прорвались через них, проникли в сосновую рощу, захватили там одного японца и привели его ко мне невредимого. К сожалению, вследствие отсутствия переводчика я не мог его сам опросить и, ограничившись подробным осмотром, отправил в штаб дивизии. Этот японский пехотинец был одет замечательно хорошо. Поверх белья на нем была толстая шерстяная фуфайка, составлявшая одно целое с такими же кальсонами, затем – суконные мундир и штаны, безрукавка козьего меха и, наконец, – пальто из верблюжьего меха, до пояса подбитое мехом, с меховым воротником и капюшоном. На голове он имел форменную фуражку, на руках меховые перчатки, на ногах – толстые шерстяные чулки и прекрасные башмаки с теплыми гетрами. Все эти вещи были сделаны из дорогого матерьяла, очень мало похожего на ту дешевую рвань, из которой наше интендантство «строит» свои знаменитые шинели, тулупы и сапоги. В японском окопе болховцы захватили несколько теплых одеял.

Из дневника Николая II:

21 декабря 1904. Вторник. Получил ночью потрясающее

известие от Стесселя о сдаче Порт-Артура японцам ввиду громадных потерь и болезненности среди гарнизона и полного израсходования снарядов! Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось, но хотелось верить, что армия выручит крепость. Защитники все герои и сделали более того, что можно было предполагать. На то, значит, Божья воля! В 10 час. подъехал к станции Березина… Оттуда поезд пошел к станции Бобруйск (…) и в 12½ отправился по направлению к Минску.

31 декабря 1904. Пятница. Мороз увеличился, была вьюга. После завтрака поехали в Софийский собор на панихиду по убитым и погибшим в Порт-Артуре. В 4 часа были на елке в местном лазарете. (…) Обедали у Мама́.

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

25 декабря 1904. Депеша о капитуляции Порт-Артура была получена царем на станции Боровичи, во время пути. Новость, которая удручила всех, любящих свое отечество, царем была принята равнодушно, не видно было на нем и тени грусти. Тут же начались рассказы Сахарова, его анекдоты, и хохот не переставал. Сахаров умеет забавлять царя…

28 декабря. Царь болен. Его болезнь – бессилие воли; он не может бороться, всем уступает…

Степун Федор Августович (19 февраля (3 марта), по другим источникам 6 (18) февраля 1884, Москва – 23 февраля 1965, Мюнхен) – русский философ, общественный деятель, писатель. Учился в Гейдельбергском университете. Служил вольноопределяющимся в 1904–1905 годах. В 1910 году организовал международный ежегодник по философии культуры «Логос». Участник войны 1914–1918. После Февральской революции – начальник Политического управления Военного министерства Временного правительства. Выслан из СССР в 1922 году. Из воспоминаний:

Головин сидел за большим столом в просторной парковой канцелярии, завешанной и устланной новыми военными картами в темно-коричневых пятнах. Узнав, что я только что из заграницы, он поспешно закрыл окно на улицу и, закурив папиросу, начал с жаром расспрашивать меня, что говорят в Европе о войне и какого ожидают конца. Несмотря на свой мундир, Головин весьма откровенно громил правительство, возмущался всюду господствующим разгильдяйством и не без юмора доказывал, что трудно выиграть войну, когда мобилизация проводится

чучелами, вроде нашего воинского начальника, а карты присылаются в части такими загаженными и подмоченными, что их приходится высушивать, как детские пеленки.

Из воспоминаний Евгения Ивановича Мартынова:

Командир дивизии до такой степени обрадовался пленному, что на следующий день, воссев на коня, водил его в штаб 3-й дивизии, в штаб корпуса и по соседним бивакам, везде объясняя, что этот неприятель взят в плен вверенной ему дивизией. По этому поводу бывший командир Псковского полка Грулев в своих «Воспоминаниях о войне» говорит следующее: «До чего мы измельчали – просто совестно. На днях, например, получилось официальное отношение соседнего начальника дивизии, который сообщает, что войсками этой дивизии, при нечаянном нападении охотников, захвачен один японец и он (начальник дивизии) просит разрешения провести этого пленного по нашим бивакам с целью показать нашим войскам этот трофей. Не говоря про то, что это прием весьма невыспренный с точки зрения боевой этики, – человеку, по-видимому, и в голову не приходит, что таким приемом в глазах наших же солдат будут достигнуты обратные результаты, когда один несчастный пленный водится напоказ как редкая диковинка».

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Мы сидели в Царском с Никки, дядей Алексеем и Авеланом и обсуждали новый важный вопрос. Нам предстояло решить, должны ли мы утвердить план адмирала Рожественского, который предлагал отправить наши военные суда из Балтийского моря на Дальний Восток? Сам адмирал не питал каких-либо надежд на победу. Он просто думал о том, что надо «чем-нибудь удовлетворить общественное мнение». Наш флот и тысячи человеческих жизней должны были быть принесены в жертву невежественным газетным «специалистам по газетным вопросам». Эти последние открыли недавно существование некоторых технических морских терминов, вроде «боевой коэффициент», «морской тоннаж» и т. п., и старались ежедневно доказать в газетных столбцах, что японцев можно пустить ко дну соединенными силами наших тихоокеанской и балтийской эскадр. Никки объяснил нам причину нашего совещания и просил нас всех искренно высказать свое мнение по этому вопросу. Дядя Алексей ничего не мог сказать и имел гражданское мужество в этом признаться. Авелан говорил много, но не сказал ничего

путного. Его речь была на тему «с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой стороны, нельзя не признаться»… Рожественский блеснул еще раз основательным знанием биографии английского адмирала Нельсона. Я говорил последним и решил не церемониться. К моему величайшему удивлению, было решено последовать моему совету и наш Балтийский флот на верную гибель в Тихий океан не посылать. В течение двух недель все было благополучно, но к концу второй недели Никки снова изменил свое решение. Наш флот должен был все-таки отправиться на Дальний Восток, и я должен был сопровождать Государя в Кронштадт для прощального посещения наших кораблей. По дороге в Кронштадт я снова пробовал высказать свою точку зрения и встретил поддержку в лице весьма опытного флаг-капитана императорской яхты «Штандарт». Государь начал снова колебаться. В душе он с нами соглашался.

«Дай мне еще раз поговорить с дядей Алексеем и Авеланом, – сказал он, когда мы переходили на яхту адмирала. – Дай мне поговорить с ним с глазу на глаз. Я не хочу, чтобы твои доводы на меня влияли».

Их заседание длилось несколько часов. Я же в роли «enfant terrible» ожидал их на палубе.

«Ваша взяла, – сказал Авелан, появляясь на палубе, – мы приняли неизменное решение эскадры на Дальний Восток не посылать».

«Неизменность» решения Никки продолжалась десять дней. Он все же в третий и в последний раз переменил его. (…) 14 мая – в девятую годовщину коронации – наш обед был прерван прибытием курьера от Авелана: флот уничтожен японцами в Цусимском проливе, адмирал Рожественский взят в плен.

Из дневника Николая II:

19 мая 1905 г. Четверг. Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою. Сам Рожественский раненый взят в плен!! День стоял дивный, что прибавляло еще больше грусти на душе. Имел три доклада. Завтракал Петюша. Ездил верхом. Обедали: Ольга, Петя, Воронов – ком. Примор. драг. полка, и его жена.

Из дневника Бориса Владимировича Никольского:

19 мая 1905 г. Четверг. Чудовищные события в Тихом океане превосходят все вероятия. (…) Когда я во вторник у Богдановича узнал истинное положение дел, еще до теперешних

подробностей, то я сказал: конец России самодержавной и, в лучшем случае, конец династии. На чудо рассчитывать нечего. Победа на суше едва ли что может изменить, ибо просто опрокинуть японцев мало, их надо истребить, а для этого у нас нет нужного перевеса, нет даже простого равенства сил, наличных сил, не говоря о расстояниях, обстановке и пр. И всего ужаснее ждать объяснений, как могли суда Небогатова сдаться в плен. Я высказал догадку, что тут измена и что взбунтовавшаяся команда попросту связала офицеров.

Таубе Георгий Николаевич, фон (23 декабря 1877 (4 января) 1878 – 30 мая 1948, Грюнгольц, Шлезвиг) – русский военный деятель. Контр-адмирал. Участник русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Один из организаторов балтийского ландсвера в Прибалтике. Из воспоминаний о русско-японской войне:

…весь избитый, с подбитым носовым казематом, совершенно развороченным носом, изрешеченными трубами и сильным пожаром на рострах, выходит из строя «Ослябя», под креном около 15 градусов на левый борт; он сидит носом до клюзов, но еще держится, стреляет и старается справиться с креном, который все увеличивается. (…) Эскадра проходит мимо «Осляби» в расстоянии около 120 сажен, он застопорил машины и уже совершенно лег на левый борт, зарывшись всем носом в воду и приподнявшись кормой. Никогда в жизни не забуду я картины этой гибели: я увидел его немного вперед нас, он все больше и больше ложился набок, несколько сот человек толпились на правом борту, не зная, откуда ждать помощи, некоторые были совсем голые, другие только наполовину разделись. В эту группу погибающих людей то и дело попадали японские снаряды и рвались в ней. Когда мы поравнялись с ним, он оголил уже всю свою правую подводную часть до киля; его блестящая обшивка походила на мокрую чешую морского чудовища, и вдруг, как по команде, все люди, толпившиеся на правом борту, бросились по этой чешуе вниз; одни, стоя, соскальзывали на ногах, другие падали и катились им под ноги, третьи скатывались на животе головой вниз. Большинство из них разбивалось о боковой киль и попадало в воду уже искалеченными, в воде же образовалась невообразимая куча тонущих, взывающих о помощи и топящих друг друга тел, над которыми все время не переставали рваться неприятельские снаряды. Еще несколько секунд, и «Ослябя» исчез под водой.

Из дневника Бориса Владимировича Никольского:

Когда я сказал, что – конец династии, меня спросили, что же делать. Я сказал: переменить династию. Но, конечно, если бы я верил в чудеса и в возможность вразумить глупого, бездарного, невежественного и жалкого человека, то я предложил бы пожертвовать одним-двумя членами династии, чтобы спасти ее целость и наше отечество. Повесить, например, великих князей Алексея и Владимира Александровичей, Ламздорфа и Витте, запретить по закону великим князьям когда бы то ни было занимать ответственные посты, расстричь митрополита Антония, разогнать всю эту шайку и пламенным манифестом воззвать к народу, заключив мир до боя на сухом пути. (…) Богданович мне потом говорит: «Напиши это царю». Я говорю: «Бесполезно. Я не Бог, чтобы из бабы сделать мужчину, из Николая – Петра…»

Из воспоминаний Георгия Николаевича фон Таубе:

Пристрелка по японским судам была крайне затруднительна, наши снаряды об воду не рвались (к сожалению, они часто не рвались также и о борт неприятельских судов) и при рикошете давали только невысокий столб воды, так что недолеты в этот серый день на расстоянии 35 кб (кабельтов – специальная единица измерения, используемая в морской корабельной артиллерии; равна 182, 87 м. – *Н. Е.*) видны были плохо, перелеты же и попадания почти совсем не были заметны. (…) Японские суда были выкрашены в боевой грязно-серый шаровый цвет и в этот мглистый день на расстоянии 35 кб еле выделялись на горизонте. (…) Наши суда, выкрашенные в черный цвет с желтыми трубами, ясно должны были вырисовываться на фоне серого неба и этим облегчать прицелку и стрельбу японцам. Кроме того, из-за беспрестанно выписываемых нашей эскадрой кривых нам почти не приходилось стрелять на прямых курсах и большинство наших выстрелов делалось на циркуляции. Эта стрельба самая трудная и неверная, а у нас она еще затруднялась тем, что мы во время боя и пяти минут, кажется, не продержались определенным ходом, а из-за частого выхода из строя передних судов и поворотов – то давали наибольшее количество оборотов, то шли самым малым ходом, иногда же принуждены были совершенно стопорить машину.

Из дневника Александра Александровича Мосолова:

Вся свита была ошеломлена безучастием императора к такому несчастью. Когда царь ушел, Фредерикс рассказал

о своей беседе с Государем в купе. Николай II был в отчаянии: рухнула последняя надежда на благополучный исход войны. Он был подавлен потерею своего любимого детища – флота, не говоря о гибели многих офицеров, столь любимых и облагодетельствованных им.

Из дневника Николая II:

17 августа 1905 г. Ночью пришла телеграмма от Витте с известием, что переговоры о мире приведены к окончанию. Весь день ходил как в дурмане после этого…

18 августа 1905 г. Сегодня только начал осваиваться с мыслью, что мир будет заключен и что это, вероятно, хорошо, потому что так должно быть. Получил несколько поздравительных телеграмм по этому поводу.

25 августа 1905 г. В 2½ во дворце начался выход к молебну по случаю заключения мира; должен сознаться, что радостного настроения не чувствовалось.

Из дневника Сергея Юльевича Витте:

В то время никто не ожидал такого благоприятного для России результата, и весь мир прокричал, что это первая русская победа после сплошных наших поражений. (…) Сам Государь был нравственно приведен к необходимости дать мне исключительную награду, возведя меня в графское достоинство.

Первая революция

Толстой Лев Николаевич (28 августа (9 сентября) 1828, Ясная Поляна Крапивенского уезда Тульской губернии – 7 (20) ноября 1910, ст. Астапово (ныне Лев Толстой) Рязано-Уральской ж. д.) – русский писатель, религиозный философ. Из письма Николаю II от 16 января 1902 года:

Любезный брат!

Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к Вам в этом письме не столько как к царю, сколько к человеку – брату. Кроме того, еще и потому, что пишу к Вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти. Мне не хотелось бы умереть, не сказав Вам того, что я думаю о Вашей теперешней деятельности и о том, какое большое благо она могла бы принести миллионам людей и Вам и какое большое зло она может принести людям и Вам, если будет продолжаться в том же направлении, в котором идет теперь.

(…) Самодержавие есть форма правления отжившая, могущая соответствовать требованиям народа где-нибудь в Центральной Африке, отдаленной от всего мира, но не требованиям русского народа, который все более и более просвещается общим всему миру просвещением, и потому поддерживать эту форму…можно только, как это и делается теперь, посредством всякого рода насилия, усиленной охраны, административных ссылок, казней, религиозных гонений, запрещений книг, газет, извращения воспитания и вообще всякого рода дурных и жестоких дел. (…)

Мерами насилия можно угнетать народ, но не управлять им. Единственное средство в наше время, чтобы действительно управлять народом, – только в том, чтобы, став во главе движения народа от зла к добру, от мрака к свету, вести его к достижению ближайших к этому движению целей. Для того же, чтобы быть в состоянии это сделать, нужно прежде всего дать народу возможность высказать свои желания и нужды, исполнить те из них, которые будут отвечать требованиям не одного класса или сословия, а большинства его.

…Как ни велика Ваша ответственность за те годы Вашего царствования, во время которых Вы можете сделать много доброго и много злого, но еще больше Ваша ответственность перед Богом за Вашу жизнь здесь, от которой зависит Ваша вечная жизнь и которую Бог Вам дал не для того, чтобы предписывать всякого рода злые дела или хотя участвовать в них и допускать их, а для того, чтобы исполнять Его Волю. Воля же

Его в том, чтобы делать не зло, а добро людям.

…Простите меня, если я нечаянно оскорбил или огорчил Вас тем, что написал в этом письме. Руководило мною только желание блага русскому народу и Вам.

Достиг ли я этого – решит будущее, которого я, по всем вероятиям, не увижу. Я сделал то, что считал своим долгом.

Истинно желающий Вам истинного блага брат Ваш

Лев Толстой. Гаспра. 16 января 1902

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

21 августа 1904. Самодержавие давно стало фикцией. Государь сам находится во власти других, во власти бюрократии и не может из нее вырваться…

27 августа 1904. Государь, станьте частным лицом в государстве и спросите самого себя: что бы Вы произвели на нашем месте, когда бы подобный Вам человек мог располагать Вами по своему произволу, как вещью?

Дебаты об указе «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», составленном Святополк-Мирским и Витте в декабре 1904 года, о пункте указа, в котором говорилось про введение в Государственный совет делегатов, избранных провинциальными организациями:

Николай II: «Я указ этот одобряю, но у меня есть сомнение только по отношению одного пункта».

Витте: «Если Его Величество искренно, бесповоротно пришел к заключению, что невозможно идти против всемирного исторического течения, то этот пункт в указе должен остаться; но если Его Величество, взвесив значение этого пункта и имея в виду, что этот пункт есть первый шаг к представительному образу правления, со своей стороны находит, что такой образ правления недопустим, что он его сам лично никогда не допустит, то, конечно, с этой точки зрения осторожнее было бы этот пункт не помещать».

Николай II: «Да, я никогда, ни в каком случае не соглашусь на представительный образ правления, ибо считаю его вредным для вверенного мне Богом народа, и поэтому я последую вашему совету и этот пункт вычеркну».

Николай II в беседе с предводителем московского дворянства Петром Трубецким:

Мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, и тогда – я вас поздравляю, господа!

Трубецкой Петр Николаевич (5 (17) октября 1858, Москва – 4 (17) октября 1911, Новочеркасск) – русский общественный деятель. Предводитель московского дворянства. Один из учредителей черносотенного «Союза русских людей». Застрелен в Новочеркасске своим племянником В. Г. Кристи. Из письма министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому:

Отныне Россия вступила в пору революции и анархии… Если бы император захотел просто собрать вокруг себя лояльные ему силы и позволить им высказать все, что накипело на сердце, Россия могла бы быть избавлена от угрожающих ей кровавых ужасов.

Из дневника Николая II:

1 января 1905. Суббота. Да благословит Господь наступающий год, да дарует Он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое, безмятежное житие! Погулял. Отвечал на телеграммы. Обедали и провели вечер вдвоем. Очень рады остаться на зиму в родном Царском Селе.

Петиция петербургских рабочих Николаю II:

Государь!

Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены и дети, и беспомощные старцы – родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и молчали, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душит деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не многого просили, мы желали только, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали – нам отказали в праве говорить о наших нуждах,

находя, что такого права за нами не признает закон.

Государь! Разве это согласно с Божескими законами, милостью которых ты царствуешь? Не лучше ли умереть – умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты – эксплуататоры рабочего класса и чиновники – казнокрады и грабители русского народа. Вот что стоит перед нами, Государь, и это-то и собрало нас к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу, а к добру как для нас, так и для тебя, Государь. Не дерзость в нас говорит, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов, от всех сословий, представителей и от рабочих. Вот наши требования:

Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и религиозные беспорядки.

Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

Общее и обязательное государственное образование на государственный счет.

Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

Равенство перед законом всех без исключений.

Отделение церкви от государства.

Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу…

Свобода потребительско-производственных

и профессиональных рабочих союзов – немедленно.

Нормальная заработная плата – немедленно.

Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих – немедленно.

Вот, Государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей Родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, – мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда больше идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и к счастью, или в могилу… Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее.

Священник Георгий Гапон

Рабочий Иван Васимов

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

9 января 1905 г. Воскресенье. Господи! В эту минуту в Петербурге творится ужасное: войска с одной стороны, рабочие – с другой, точно два неприятельских лагеря.

Павел Александрович, великий князь (21 сентября (3 октября) 1860, Царское Село – 29 января 1919, Петроград) – шестой сын Александра II. Участник Первой мировой войны. После смерти первой жены женился второй раз, на Ольге Валерьевне Пистолькорс. Брак был не разрешен императором. Великому князю был запрещен въезд в Россию. Запрет был снят в 1908 году. Расстрелян 29 января 1919 года в Петропавловской крепости «в порядке красного террора». Из воспоминаний Мориса Палеолога:

Но почему же мой племянник не принял делегатов от забастовщиков? В их отношении не было ничего мятежного. Весь день я молил Бога, чтобы не пролилось ни капли крови, а кровь пролилась. Это непоправимо!

Из дневника Николая II:

9 января 1905 г. Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми, гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь.

10 января 1905 г. Понедельник. Принял депутацию уральских казаков, приехавших с икрой. Гулял. Пил чай у Мама́.

Из речи Николая II перед делегацией рабочих 19 января 1905 года:

Вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины. Призывая вас идти подавать мне прошение о нуждах ваших, они поднимали вас на бунт против меня и моего правительства… Стачки и мятежные сборища только возбуждают безработную толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Многое надо улучшить и упорядочить, но имейте терпение. Вы сами по совести понимаете, что следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности. Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах – преступно… Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую их преданность мне, а потому прощаю им вину их.

Из письма Александры Федоровны принцессе Баттенбергской:

Бедный Николай несет тяжкий крест, который тем тяжелее, что нет никого, на кого он мог бы полностью положиться и кто бы ему по-настоящему помог… Он так изнуряет себя, работает с таким упорством, но нам чрезвычайно недостает тех, кого можно было бы назвать «истинными мужами». Я на коленях молю Бога даровать мне благоразумие найти одного из таких мужей – а мне все не удается, я в отчаянии! Один слишком мягок, другой слишком либерален, третий слишком слаб умом… Тяжесть ситуации заключается в мерзостном отсутствии патриотизма, когда мы находимся в разгаре войны, когда звучат революционные идеи. Бедные рабочие, которые были введены в заблуждение, пострадали, а вожаки, как обычно, попрятались за их спины. Не верьте всем этим ужасам, о которых рассказывают

зарубежные газеты! От их тошнотворных преувеличений волосы дыбом становятся. Увы, это так – войска вынуждены были стрелять. Толпе неоднократно приказывали отступить; она знала, что Ники нет в городе (поскольку мы проводим зиму в Царском Селе) и что войска будут вынуждены стрелять. Но никто не хотел слушать – отсюда и пролитая кровь… Санкт-Петербург – испорченный город, в нем нет ни одного русского атома.

Русский народ глубоко и искренно предан своему самодержцу, а революционеры прикрываются именем царя, чтобы настроить людей против собственников и т. д., я даже не знаю как! Я хотела бы быть умницей и стать ему настоящей помощью. Я люблю мою новую страну, она так молода, так мощно взбалмошна и инфантильна. Бедный Ники, он ведет грустное и тягостное существование. Если бы здесь был его отец, который умел видеть множество людей и удерживать их подле себя! Тогда у нас был бы выбор, кем заполнить нужные посты. Но в настоящее время не к кому обратиться! Вокруг или глухие старцы, или желторотые юнцы. Дядья не стоят и гроша!

Трубецкой Сергей Николаевич (23 июля (4 августа) 1862, с. Ахтырка Московской губернии – 29 сентября (12 октября) 1905, Петербург) – русский общественный деятель, философ. Сводный брат П. Н. Трубецкого. Активный участник земского движения. Первый выборный ректор Московского университета. Умер от кровоизлияния в мозг в кабинете министра народного просвещения. Из обращения к Николаю II от имени Съезда земских и городских деятелей:

Мы знаем, Государь, что Вам тяжелее всех нас… Крамола сама по себе не опасна… Русский народ не утратил веру в царя и несокрушимую мощь России… Но народ смущен военными неудачами; народ ищет изменников решительно во всех: и в генералах, и в советчиках Ваших, и в нас, и в господах вообще…Нужно, чтобы все Ваши подданные, равно и без различия, чувствовали себя гражданами русскими… Как русский царь не царь дворян, не царь крестьян или купцов, не царь сословий, а царь всея Руси – так выборные люди от всего населения должны служить не сословиям, а общегосударственным интересам.

Из ответной речи Николая II:

Отбросьте сомнения, моя воля, воля царская – созывать выборных от народа – непреклонна. Привлечение их к работе

государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом… Я твердо верю, что Россия выйдет обновленной из постигшего ее испытания. Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всей Русью, между мной и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, что вы будете содействовать мне в этой работе.

Из дневника Николая II:

15 июня 1905 г. Среда. Жаркий тихий день. Аликс и я долго принимали на ферме и на целый час опоздали к завтраку. Дядя Алексей ожидал его с детьми в саду. Сделал большую прогулку в байдарке. Тетя Ольга приехала к чаю. Купался в море. После обеда покатались. Получил ошеломляющее известие из Одессы о том, что команда пришедшего туда броненосца «Потемкин Таврический» взбунтовалась, перебила офицеров и овладела судном, угрожая беспорядками в городе. Просто не верится!

20 июня 1905 г. Понедельник.…На «Пруте» были тоже беспорядки, прекращенные по приходе транспорта в Севастополь. Лишь бы удалось удержать в повиновении остальные команды эскадры! Зато надо будет крепко наказать начальников и жестоко мятежников. После завтрака гулял и выкупался в море перед чаем. Вечером принял Абазу. Покатались. Было жарко.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

После напечатания воспоминаний С. Е. Крыжановского теперь уже не секрет, кто является составителем всех «конституционных» и «избирательных» актов этого времени. Крыжановский не был «сановником», но среди верных старцев, окружавших царя, он был единственным молодым человеком, помнившим университетский курс конституционного права. (…) По собственному выражению автора, втайне обиженного своей малостью перед заслуженными невеждами, «расслабленные старцы» целые месяцы беспомощно жевали непосильную для них тему. Наконец проект вышел из этих тайников, почти без изменений. (…) Во второй половине июля царь собрал в Петергофе (под своим председательством) совещание в составе пяти великих князей, всех министров и высоких сановников. В этот состав был включен, по близости к царской семье, профессор Ключевский (бывший преподавателем истории цесаревича Николая. – Н. Е.). Приехав в Петербург, В. О. Ключевский послал ко мне своего сына Бориса

с полученными материалами и с просьбой помочь ему ориентироваться в политической обстановке Северной столицы. (…) В течение всей недели, пока продолжались совещания, я проводил у Ключевского все вечера, выслушивая его подробные рассказы о том, что происходило в Петергофском дворце, и обсуждая вместе с ним программу следующего дня. (Позднее я узнал, что В. О. настолько сблизился с нашим политическим направлением, что вошел в партию кадетов и баллотировался по ее списку в Сергиевом Посаде.) В. О. был приглашен по почину правой клики, рассчитывавшей найти в нем надежного союзника. В первые дни они открыли перед ним все свои потаенные планы. Не без лукавства, ему свойственного, В. О. Ключевский оставил их на время в этом заблуждении. (…) Заговорщики хотели откровенных прямых выборов по сословиям. (…) Царь, обработанный правыми, видимо, колебался. Ключевский был в выгодном положении, выступив на защиту проекта правительства. Он дважды высказался против сословности выборов. (…) Сословность выборов, говорил он, «может быть истолкована в смысле защиты интересов дворянства. Тогда восстанет в народном воображении призрак сословного царя. Да избавит нас Бог от таких последствий». Дворянство было в Петергофе – вообще не в авантаже. Великий князь Владимир Александрович прямо напал на разных там Петрункевичей и Долгоруких, возглавивших крамолу. А на «серенького» мужичка возлагались большие надежды. (…) Когда проект Думы стал наконец законом (6 августа 1905 года), я имел возможность написать в «Праве» осведомленную статью о месте этого акта в ряду предыдущих попыток политической реформы. Материалами послужили сообщенные мне Ключевским секретные документы Крыжановского.

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

Мягкохарактерный и потому бессильный заставить людей преклониться перед высказанным им мнением, Николай, однако, отнюдь не был безвольным, а, наоборот, отличался упорным стремлением к осуществлению зародившихся у него намерений. Говоря словами Сперанского про Александра I, с которым Государь имел вообще много общего, Николай II не имел достаточно характера, чтобы непреклонно осуществить свою волю, но не был и достаточно безволен, чтобы искренно подчиниться чужой воле. Стойко продолжал он лелеять собственные мысли, нередко прибегая для проведения их в жизнь

к окольным путям, благодаря чему и создавалось впечатление двойственности его характера, которая столь многими отмечалась и ставилась ему в упрек. Насколько Николай II в конечном счете следовал лишь по путям собственных намерений, можно судить по тому, что за все свое царствование он лишь раз принял важное решение вопреки внутреннему желанию, под давлением одного из своих министров, а именно 17 октября 1905 года, при установлении народного представительства.

Из письма Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне:

Петергоф. 19 октября 1905 г.

Моя милая, дорогая мама!

Я не знаю, как начать это письмо.

Мне кажется, что я тебе написал последний раз – год тому назад, столько мы пережили тяжелых и небывалых впечатлений. Ты, конечно, помнишь, январские дни, которые мы провели вместе в Царском – они были неприятны, не правда ли? Но они ничто в сравнении с теперешними днями!

Постараюсь вкратце объяснить тебе здешнюю обстановку. Вчера было ровно месяц, как мы вернулись из Трапезунда. Первые две недели было сравнительно спокойно.

В это время, как ты помнишь, случилась история с Кириллом[10]. В Москве были разные съезды, которые неизвестно почему были разрешены Дурново. Они там подготовляли все для забастовок железных дорог, которые и начались вокруг Москвы и затем сразу охватили всю Россию.

Петербург и Москва оказались отрезанными от внутренних губерний. Сегодня неделя, как Балтийская дорога не действует. Единственное сообщение с городом морем – как это удобно в такое время года! После железных дорог стачка перешла на фабрики и заводы, а потом даже в городские учреждения и в Департамент железн‹ых› дорог Мин‹истерства› путей сообщения. Подумай, какой стыд! Бедный, маленький Хилков в отчаянии, но он не может справиться со своими служащими.

В университетах происходило Бог знает что! С улицы приходил всякий люд, говорилась там всякая мерзость, и все это терпелось! Советы политехникумов и университетов, получившие автономию, не знали и не умели ею воспользоваться. Они даже не могли запереть входы от дерзкой толпы и, конечно, жаловались на полицию, что она им не помогает (а что они

говорили в прежние годы – ты помнишь?).

Тошно стало читать агентские телеграммы, только и были сведения о забастовках в учебных заведениях, аптеках и пр., об убийствах городовых, казаков и солдат, о разных беспорядках, волнениях и возмущениях. А господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того, чтобы действовать решительно.

Когда на «митингах» (новое модное слово) было открыто решено начать вооруженное восстание и я об этом узнал, тотчас же Трепову[11] были подчинены все войска петербургского гарнизона, я ему предложил разделить город на участки с отдельным начальником в каждом участке. В случае нападения на войска было предписано действовать немедленно оружием. Только это остановило движение или революцию, потому что Трепов предупредил жителей объявлениями, что всякий беспорядок будет беспощадно подавлен, и, конечно, все поверили этому. (…)

В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно, наши разговоры начинались утром и кончались вечером при темноте. Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу; затем была бы передышка и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силою; но это стоило бы потоков крови и, в конце концов, привело бы неминуемо к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы вперед не смогли бы осуществиться.

Другой путь – предоставление гражданских прав населению: свобода слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Госуд. думу – это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь, говоря, что, хотя он и рискованный, тем не менее единственный в настоящий момент. Почти все, к кому я ни обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода, кроме этого, нет. Он прямо объявил, что если я хочу *его* назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать. Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским[12]. Мы обсуждали его два дня, и наконец, помолившись, я его подписал. Милая моя мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь! Я не мог телеграммою объяснить тебе все обстоятельства, приведшие меня к этому страшному решению, которое тем не менее я принял совершенно сознательно. Со всей России

только об этом и кричали, и писали, и просили. Вокруг меня от многих, очень многих я слышал то же самое, ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова, – исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят. Единственное утешение, что такова Воля Божия, что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого хаотического состояния, в котором она находится почти год.

Хотя теперь я получаю массу самых трогательных изъявлений благодарности и чувств, положение все еще очень серьезное. Люди сделались совсем сумасшедшими, многие от радости, другие от недовольства. Власти на местах тоже не знают, как им применять новые правила – ничего еще не выработано, все на честном слове. Витте на другой день увидел, какую задачу он взял на себя. Многие, к кому он обращался занять то или другое место, теперь отказываются.

Старик Победоносцев ушел, на его место будет назначен Алексей Оболенский; Глазов тоже удалился, а преемника ему еще нет. Все министры уйдут, и надо будет их заменить другими, но это дело Витте. При этом необходимо поддерживать порядок в городах, где происходят двоякого рода демонстрации – сочувственные и враждебные, и между ними происходят кровавые столкновения. Мы находимся в полной революции при дезорганизации всего управления страною; в этом главная опасность.

Но милосердный Бог нам поможет; я чувствую в себе Его поддержку и какую-то *силу*, которая меня подбадривает и не дает упасть духом! Уверяю тебя, что мы прожили здесь года, а не дни, столько было мучений, сомнений, борьбы!

Из Манифеста «Об усовершенствовании государственного строя» от 17 октября 1905 года:

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи Нашей великой и тяжкой скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным – и печаль народная – Его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству державы Нашей. Великий обет Царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев надлежащим властям принять меры по устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы для успешнейшего

выполнения общих преднамечаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер признали необходимым объединить деятельность Высшего правительства.

На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей…

На подлинном Собственного Его Императорского Величества рукою подписано: «НИКОЛАЙ».

Из дневника Николая II:

17 октября 1905 г. Подписал в 5 час. После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию…

18 октября 1905 г. Сегодня состояние духа улучшилось, так как решение уже состоялось и пережито. Утро было солнечное и радостное – хорошее предзнаменование. Погуляли вдвоем.

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

18 октября 1905 г. Опубликован Манифест. Весь день толпы народа стоят на улицах с красными флагами. Настроение толпы скверное….Ночью ожидают сильных беспорядков. Была уже стрельба.

Саша Черный (Александр Михайлович Гликберг) (1 (13) октября 1880, Одесса – 5 июля 1932, Ле-Лаванду, Прованс) – русский поэт-сатирик:

Дух свободы. К перестройке
Вся страна стремится.
Полицейский в грязной Мойке
Хочет утопиться,
Не топись, охранный воин,
Воля улыбнется!
Полицейский, будь спокоен –
Старый гнет вернется…

Из письма Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне:

Петергоф, 27 октября 1905 г.

Милая, дорогая мама.

…Прежде всего спешу тебя успокоить тем, что в общем положение стало, конечно, лучше, чем оно было неделю тому назад!

Это бесспорно так! Также не может быть сомнений в том, что положение России еще очень трудное и серьезное.

В первые дни после манифеста нехорошие элементы сильно подняли голову, но затем наступила сильная реакция, и вся масса преданных людей воспряла.

Результат случился понятный и обыкновенный у нас: народ возмутился наглостью и дерзостью революционеров и социалистов, а так как 9/10 из них – жиды, то вся злость обрушилась на тех – отсюда еврейские погромы. Поразительно, с каким единодушием и сразу это случилось во всех городах России и Сибири. В Англии, конечно, пишут, что эти беспорядки были организованы полицией, как всегда – старая знакомая басня! Но не одним жидам пришлось плохо, досталось и русским агитаторам, инженерам, адвокатам и всяким другим скверным людям. Случаи в Томске, Симферополе, Твери и Одессе ясно показали, до чего может дойти рассвирепевшая толпа, когда она окружала дома, в которых заперлись революционеры, и поджигала их, убивая всякого, кто выходил.

Я получаю много телеграмм отовсюду, очень трогательного свойства, с благодарностью за дарование свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения самодержавия. Зачем они молчали раньше – добрые люди?

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Все приемы у государя, по положению, проходили через церемониальную часть Министерства двора. Но в это время Государь действительно принимал несколько раз, помимо церемониальной части, как бы в частном порядке, черносотенные организации из провинции. Министр двора об этом узнал постфактум, просматривая камер-фурьерский журнал. Граф Фредерикс не раз указывал Его Величеству на нежелательность и опасность подобных секретных посещений. Государь отвечал: «Неужели я не могу интересоваться тем, что думают и говорят преданные мне лица о моем управлении государством?» Эти тайные приемы продолжались около полугода.

Из дневника Николая II:

11 декабря. Воскресенье. Встали поздно. Принял Мейндорфа, Юсупова и Скоропадского до обедни. Завтракали со всеми. Гулял долго. Сегодня вступил Л.-Гв. Финляндский полк. В 8 час. обедали все офицеры. Принял Николашу и Трепова. Вчера в Москве произошло настоящее побоище между войсками и революционерами. Потери последних большие, но не могли быть точно выяснены.

12 декабря. Понедельник. В 10½ в экзерциргаузе был церковный парад: 1-й роте Пажеского корпуса, Финляндскому полку и взводу Волынского полка. Алексей тоже присутствовал и вел себя очень хорошо. Когда духовенство окропляло войска, я его взял на руки и пронес вдоль фронта! Первый раз, что Финляндцы и их шеф видели друг друга. Завтракали в Большом дворце. Снялись с офицерами группой у подъезда. Вернулись домой в 2 часа. Принял доклады – Бирилева и Кутлера. Гулял. Занимался до 8 час. Обедала Элла.

13 декабря. Вторник. Всю ночь и целый день шел снег. Утром погулял. Имел три доклада. После завтрака принял с Аликс 41 раненого ниж‹него› чин‹а› из лазарета Мама́. В 6 час. принял Танеева. Читал. В Москве после крупных столкновений начались мелкие стычки и внезапные нападения на войска. Потери все еще не выяснены.

14 декабря. Среда. Масса снега выпала за эту ночь. Утро было занятое с 10 час. Принял довольно много представляющихся. Завтракали семейно и Гольтгоер (деж.). Послал его в город передать привет Семеновскому полку, кот. сегодня отправляется в Москву. Гулял. После обеда Витте имел у меня длинный доклад.

15 декабря. Четверг. Мороз держался ровный: –9°. Утром принял сенатора Акимова и предложил ему место министра юстиции. Гулял. В 6 час. принял доклад Дурново. Вечером читал.

16 декабря. Пятница. Солнечный морозный день. Принимал с 10½ до 11½. Завтракали: Миша и Дрозд-Бонячевский (деж.). Приняли 45 раненых нижних чинов. Гулял. Усиленно занимался до 8 час. Обедали: Элла, Миша, Ольга и Петя. Разбирали с ними подарки офицерам на елку, что продолжалось почти два часа.

17 декабря. Суббота. Мороз продолжался. Принимал с 10½ до часа. После завтрака у меня были три митрополита. Гулял. Занимался и читал до 8 час. Вечером окончили разбор рождественских подарков.

18 декабря. Воскресенье. 14° мороза. Утром у меня был Николаша. После обедни завтракали со всеми. Гулял больше часа. В 6 час. принял ген. – адъют. Мейндорфа по случаю его командировки в Москву для передачи моей благодарности войскам и расследования причин беспорядков в некоторых гренадерских полках. После обеда занимался.

19 декабря. Понедельник. Мороз немного уменьшился. После доклада своего Бирилев с нами завтракал. Гулял долго. В 6 час. принял Трепова с длинным докладом. Читал весь вечер. В Москве, слава Богу, мятеж подавлен силою оружия. Главное участие в этом приняли: Семеновский и 16-й пех. Ладожский полки.

Из письма Николая II матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, в Данию от 15 декабря 1905:

Как ни тяжело и больно то, что происходит в Москве, но мне кажется, что это к лучшему. Нарыв долго увеличивался, причинял большие страдания и вот наконец лопнул. В первую ночь восстания из Москвы сообщили, что число убитых и раненых доходит до десяти тысяч чел.; теперь, после шести дней, оказывается, что потери не превышают 3 тыс. В войсках, слава Богу, немного убитых и раненых. Гренадеры ведут себя молодцами после глупейшего бунта в Ростовском полку, но начальство очень вяло, а главное, Малахов очень стар. Дубасов надеется, с прибытием двух свежих полков, быстро раздавить революцию. Дай Бог!

Дубасов Федор Васильевич (21 июня (3 июля) 1845 – 19 июня (2 июля) 1911, Санкт-Петербург) – русский военный и общественный деятель. Участник войны 1877–1878. Адмирал. Руководил подавлением декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году. Из письма Николаю II:

В деле подавления московского мятежа я приложил весь свой разум, все умение и всю свою волю, причем усилия мои

увенчались успехом. Между тем у меня есть основания думать, что действия мои не заслужили одобрения, так как они не вызвали желания поощрить меня хотя бы производством в следующий чин или награждением очередным орденом.

Из письма Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне от 29 декабря 1905 года:

Милая, дорогая мама.

Эта неделя рождественских праздников была много спокойнее прежних. Как и следовало ожидать, энергичный образ действия Дубасова и войск в Москве произвел в России самое ободряющее впечатление. Конечно, все скверные элементы упали духом и на Северном Кавказе, и на юге России, также и в сибирских городах.

…В прибалтийских губерниях восстание все продолжается. Орлов, Рихтер и другие действуют отлично, много банд уничтожено, дома их и имущество сжигаются. На террор нужно отвечать террором. Теперь сам Витте это понял.

Из речи Николая II перед делегацией черносотенного «Союза русского народа» в январе 1906 года:

Хорошо, благодарю вас, возложенное на меня в Кремле Московском бремя я буду нести сам и уверен, что русский народ поможет мне. Во власти я отдам отчет перед Богом. Поблагодарите всех русских людей, примкнувших к «Союзу русского народа». Я верю, что с вашей помощью мне и русскому народу удастся победить врагов России. Скоро, скоро воссияет солнце правды над землей русской, и тогда все сомнения исчезнут. Благодарю вас за искренние чувства. Я верю русскому народу.

Из письма Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне:

12 января 1906 г.

Милая, дорогая мама.

Благодарю тебя от всего сердца за твое доброе, горячее письмо, которое пришло как раз 6-го утром и меня ужасно обрадовало.

Все, что ты пишешь о себе, меня волнует. Я понимаю, что тебе вдали от России все кажется еще серьезнее и хуже. Но не беспокойся о нас, милая мама.

Конечно, мне нелегко, но Господь Бог дает силы трудиться и спокойствие духа, что самое главное.

Именно это спокойствие душевное, к сожалению, отсутствует у многих русских людей, поэтому угрозы и запугивания кучки анархистов так сильно действуют на них.

Без того у нас вообще мало людей с гражданским мужеством, как ты знаешь, ну а теперь его почти ни у кого не видно. Как я тебе писал последний раз, настроение совершенно переменилось. Все прежние легкомысленные либералы, всегда критиковавшие каждую меру правительства, теперь кричат, что надо действовать решительно. Когда на днях было арестовано 250 главных руководителей комитета рабочих и других партий, все этому обрадовались. Затем 12 газет было запрещено, и издатели привлечены к суду за разные пакости, которые они писали, – опять все единодушно находили, что так нужно было давно поступить!!

Все это, конечно, дает Витте нравственную силу действовать как следует!

У меня на этой неделе идут очень серьезные и утомительные совещания по вопросу о выборах в Гос. думу. Ее будущая судьба зависит от разрешения этого важнейшего вопроса. Ал. Оболенский с некоторыми лицами предлагал всеобщие выборы, т. е. suffrage universel, но я вчера это убежденно отклонил. Бог знает как у этих господ разыгрывается фантазия!

Сидим мы в заседании по 7 часов – просто отчаяние.

6-го происходил великолепный парад Гвардейскому экипажу, Стрелкам и другим частям в манеже.

Было чудное солнце, светло и радостно на душе. Я им передал твои поздравления, и матросы долго кричали «ура!» в ответ.

3-го был очередной смотр Преображенцам. Погода была теплая, и Аликс взяла с собой маленького, который смотрел на парад со ступенек подъезда перед дворцом. Полк был рад видеть его.

В память этого Николаша был зачислен в списки полка. Enthousiasme indescriptible![13]

Я так счастлив, что войска полюбили Николашу и верят ему! Недавно он принимал всех командиров частей, причем сказал им такую горячую речь о верности долгу и присяге, что все присутствовавшие плакали и «ура!» их было слышно на улице. Это я знаю от самих начальников частей.

Сегодня пришли кавалергарды, и у нас сейчас будет им обед. Завтра утром смотр – конечно, в конном строю.

…На юге России совсем тихо, кроме небольших беспорядков

в Полтавской губернии. В Сибири тоже лучше, но еще не кончена чистка железной дороги от всякой дряни.

Там на жел. дор. инженеры и их помощники поляки и жиды, вся забастовка, а потом и революция была устроена ими при помощи сбитых с толку рабочих…

Дети все поправились – они простудились в одно время и на праздниках валялись в постелях вокруг елки.

Мысли мои будут о тебе, милая мама.

Христос с тобою!

Всем сердцем

Твой Ники

Мария Федоровна (Мария София Фредерика Дагмара Глюксбург) Романова (26 ноября 1847, Копенгаген – 13 октября 1928, Копенгаген) – императрица всероссийская, жена Александра III (с 28 октября 1866), мать Николая II. Из письма Николаю II накануне открытия Первой Государственной думы:

Теперь я хочу тебе поговорить об одном вопросе, который меня очень мучает и беспокоит. Это насчет кабинетных и удельных земель, которые эти свиньи хотят отобрать по программам разных партий…

Нужно, чтобы все знали уже теперь, что до этого никто не смеет даже думать коснуться, так как это личные и частные права императора и его семьи. Было бы величайшей и непоправимой исторической ошибкой уступить здесь хоть одну копейку, это вопрос принципа, все будущее от этого зависит. Невежество публики в этом вопросе так велико, что никто не знает начала и происхождение этих земель и капиталов, которые составляют частное достояние императора и не могут быть тронуты, ни даже стать предметом обсуждения: это никого не касается, но нужно, чтобы все были в этом убеждены.

Из дневника Николая II:

4 ноября 1906 г. Суббота.

Встали в 7½. Отправился на охоту в Гатчину со всеми участниками. Облава была за Ремизом; загонщиками – все охотничьи команды гвардейских полков. Завтракали в чайном домике с офицерами. Погода, кроме начала охоты, была благоприятная, после конца ее снова пошел мокрый снег.

Всего убито: 982 (787 фазанов). Мною 82: фазанов 74, два тетерева, русак и 5 беляков.

Вернулся в Царское Село в 5½. Принял доклад Бирилева.

Поехал к обеду в Павловск. Вернувшись домой, усиленно читал.

5 ноября. Воскресенье.

Серый день и оттепель.

В 11 часов поехали к обедне, завтракали по обыкновению. Принял присяжного поверенного Шмакова из Москвы – истинно русского человека: он поднес мне свою книгу: «Свобода и евреи».

Гуляли вдвоем и встретили детей. После чая много читал. Вечер провели вдвоем.

6 ноября. Понедельник.

В 11 час. поехал на парад Гусарского полка. Аликс взяла Алексея с собою, и он хорошо вел себя на ложе. Полк представился блистательно во всех отношениях. Завтракали с полковыми дамами в большой зале Большого дворца. Стоял туман. Принял доклад Философова.

Гулял. После чая читал и очистил свой стол от бумаг. В 8 час. приехал в дежурную комнату Гусарского полка к обеду. Съехалось много старых гусар, которые все досидели до конца. До ужина и после, сменяя один другого, пели песенники, цыгане и русский хор. Мне было весело и хорошо!

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Во дворце царила подавленная атмосфера. Казалось, что приближенные Царя пугались собственной тени. Я задыхался. Меня тянуло к морю. Новый морской министр, адмирал Бирилев, предложил мне, чтобы я принял на себя командование флотилией минных крейсеров Балтийского моря. Я немедленно согласился принять это назначение. В том настроении, в котором я был, я бы согласился мыть палубы кораблей! Я задрожал от счастья, когда увидел мой флаг, поднятый на «Алмазе», и испытал живейшую радость, что, по крайней мере, три месяца проведу, не видя революционной «Пляски смерти». Ксения и дети проводили лето в Гатчине. Раз в неделю они навещали меня. Мы условились, что в моем присутствии не будет произнесено ни одного слова о политике. Все, что я знал о политических новостях, – это то, что молодой, энергичный саратовский губернатор П. А. Столыпин сменил на посту премьера И. Л. Горемыкина. Мы плавали в финских водах на яхте моего шурина Миши и говорили о вещах, очень далеких от новой российской «конституции». Однажды пришло известие из Гатчины о том, что один из моих сыновей заболел скарлатиной и находится в тяжелом положении. Я должен был немедленно выехать.

«Я вернусь при первой же возможности, – обещал я своему помощнику. – Вероятно, на следующей неделе».

Эта «следующая неделя» так никогда и не наступила. Через три дня я получил от моего денщика, остававшегося на «Алмазе», записку, что экипаж крейсера накануне восстания и ждет только моего возвращения, чтобы объявить меня заложником.

«Я глубоко огорчен, Сандро, но в данном случае тебе не остается ничего другого, как подать в отставку, – решил Ники. – Правительство не может рисковать выдать члена Императорской фамилии в руки революционеров».

Я сидел за столом напротив него, опустив голову. (…) Мне казалось, что я лишусь рассудка. Что мне оставалось делать? Но вдруг мне пришла в голову мысль. Под предлогом болезни сына я мог уехать за границу.

«Никки, – начал я, стараясь быть убедительным, – ты знаешь: Ирина и Федор больны скарлатиной. Доктора находят, что перемена климата могла бы принести им большую пользу. Что ты скажешь, если я уеду месяца на два за границу?»

«Конечно, Сандро…»

Мы обнялись. Никки не подал виду об истинных причинах моего отъезда. Мне было стыдно перед ним, но я не мог ничего не поделать. «Я должен бежать. Должен». Эти слова, как молоты, бились в моем мозгу и заставляли забыть о моих обязанностях пред престолом и Родиной.

Из письма Николая II председателю Государственного совета:

27 августа 1906 г.

На последнем докладе вы мне сказали, что к воскресенью, т. е. к сегодняшнему дню, будут арестованы те лица в Петергофе, которые готовят террористические акты.

Между тем я узнал от Трепова, что еще ничего не сделано.

Считаю свое невольное заключение в «Александрии» не только обидным, но прямо позорным[14].

30 августа будет парад в моем присутствии, и к этому дню Петергоф должен быть обезврежен.

Невозможно дольше ждать с ликвидацией здешней «облавы» – иначе или случится новое покушение, или анархисты улизнут. И то, и другое будет вящим скандалом перед всем миром.

Из писем Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне:

…Ты понимаешь мои чувства, милая мама, не иметь возможность ни ездить верхом, ни выезжать за ворота куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном всегда Петергофе!!

Я краснею писать тебе об этом и от стыда за нашу родину, и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга!

Поэтому мы с такой радостью уходим завтра на «Штандарте» в море, хоть на несколько дней прочь от этого позора. (…)

Со времени нашего приезда я уже видел Столыпина, который раз приезжал в Биорке. Слава Богу, его впечатления вообще хорошие; мои тоже. Замечается отрезвление, реакция в сторону порядка и порицания всем желающим смуты.

Конечно, будут повторяться отдельные случаи нападений анархистов, но это было и раньше, да оно и ничего не достигает.

Полевые суды и строгие наказания за грабежи, разбои и убийства, конечно, принесут свою пользу. Это тяжело, но необходимо и уже производит нужный эффект.

Лишь бы все власти исполняли свой долг честно и не страшась ничего. В этом условии главный залог успеха.

Какой срам производят в Гельсингфорсе все наши Долгорукие, Шаховские и компания! Все над ними смеются в России!

И из Англии лезет какая-то шутовская депутация с адресом Муромцеву и им всем.

Дядя Берти (Эдуард VII. – *Н. Е.*) и английское правительство дали нам знать, что они очень сожалеют, что ничего не могут сделать, чтобы помешать им приехать. Знаменитая свобода!

Как они были бы недовольны, если бы от нас поехала депутация к ирландцам и пожелала тем успеха в борьбе против правительства.

Ответ Николая II на прошение адмирала Дубасова о помиловании покушавшегося на него террориста от 4 декабря 1906 года:

Полевой суд действует помимо Вас и помимо меня; пусть он действует по всей строгости закона. С озверевшими людьми другого способа борьбы нет и быть не может. Вы меня знаете, я незлобив: пишу Вам совершенно убежденный в правоте моего мнения. Это больно и тяжко, но верно, что, к горю и сраму нашему, лишь казнь немногих предотвратит моря крови и уже предотвратила.

Из воспоминаний Мориса Палеолога. Сергей Юльевич Витте

в разговоре с французским дипломатом:

Мужчин, женщин и юных мальчиков казнят по обвинению в политическом убийстве за кражу пяти рублей из водочной лавочки.

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

Предчувствовал ли император грядущую смуту, как это некоторые утверждают, или нет, во всяком случае, он сносил выпавшие на его долю несчастья и страдания с удивительной покорностью и мужеством. Будучи глубоко верующим человеком и фаталистом, он всегда готов был принять все, что пошлет ему Бог. Как иллюстрацию его общего склада ума, я могу привести историю, о которой рассказывает Извольский. Дело происходило летом 1906 года. Извольский, занимавший тогда пост министра иностранных дел, отправился в Петергоф, где тогда пребывал двор, с обычным еженедельным докладом императору. В Кронштадте только что вспыхнул серьезный мятеж как протест против недавнего роспуска Думы, и крепость была подвергнута бомбардировке флотом. Хотя канонада продолжалась в течение всей аудиенции, император с величайшим вниманием выслушал доклад Извольского, как будто бы не случилось ничего необыкновенного, обсуждая вместе с ним все важнейшие вопросы. Когда по окончании доклада император поднялся и посмотрел по направлению к Кронштадту, находившемуся в каких-нибудь десяти милях оттуда, на другой стороне залива, Извольский не мог удержаться от вопроса: как может он оставаться столь спокойным в такую минуту, когда решается судьба династии? Император сказал (…): «Если Вы меня видите столь мало взволнованным, то это потому, что я питаю твердую, абсолютную уверенность, что судьба России, моя собственная судьба и судьба моей семьи находятся в руке Бога, поставившего меня на то место, где я нахожусь. Что бы ни случилось, я склонюсь перед Его волей с сознанием того, что у меня никогда не было иной мысли, чем служить стране, которую Он мне вверил».

Витте и Столыпин

Солженицын Александр Исаевич (1 декабря 1918, Кисловодск – 3 августа 2008, Москва) – русский писатель, общественный деятель. Лауреат Нобелевской премии 1970 года. Из статьи «Размышление над Февральской революцией»:

До нынешних лет в русской эмиграции сохранена и даже развита легитимистская аргументация, что наш благочестивый император в те дни был обставлен ничтожными людьми и изменниками. Да, так. Но: и не его ли это главная вина? Кто ж эти все ничтожества избрал и назначил, если не он сам? На что ж употребил он 22 года своей безраздельной власти? Как же можно было с такой поразительно последовательной слепотой – на все государственные и военные посты изыскивать только худших и только ненадежных? Именно этих всех изменников – избрать и возвысить? Совместная серия таких назначений не может быть случайностью. За крушение корабля – кто отвечает больше капитана? Откуда эта невообразимая растерянность и непригодность всех министров и всех высших военачальников? Почему в эти испытательные недели России назначен премьер-министром – силком, против разума и воли – отрекающийся от власти неумелый вялый князь Голицын? А военным министром – канцелярский грызун Беляев? (Потому что оба очаровали императрицу помощью по дамским комитетам.) Почему главная площадка власти – Министерство внутренних дел – отдана психопатическому болтуну, лгуну, истерику и трусу Протопопову, обезумевшему от этой власти? На петроградский гарнизон, и без того уродливый, бессмысленный, – откуда и зачем вытащили генерала Хабалова, полудремлющее бревно, бездарного, безвольного, глупого? Почему при остром напряжении с хлебом в столице – его распределение поручено безликому безответственному Вейсу? А столичная полиция – новичку из Варшавы? Сказать, что только с петроградским военачальником ошиблись, – так и в Москву был назначен такой же ничтожный Мрозовский[15]. И по другим местам Империи были не лучше того командующие округами (Сандецкий, Куропаткин) и губернаторы. Но и штабом Верховного и всеми фронтами командовали и не самые талантливые и даже не самые преданные своему монарху. (Только на флоты незадолго стали блистательные Колчак и Непенин, два самых молодых адмирала Европы, – но и то оказался второй упоен освобожденческими идеями.) И надо же иметь особый противодар

выбора людей, чтобы генералом для решающих действий в решающие дни послать Иудовича Иванова, за десятки императорских обедов не разглядев его негодности. Противодар – притягивать к себе ничтожества и держаться за них. (Как и к началу страшной Мировой войны царь застигнут был со своими избранцами – легковесным Сазоновым, пустоголовым Сухомлиновым, которые и вогнали Россию в войну.)

Маклаков Василий Алексеевич (10 (22) мая 1869, Москва – 15 июня 1957, Баден) – русский политический деятель. Брат министра внутренних дел, Н. А. Маклакова. Член конституционно-демократической партии (кадетов) с 1905 года. Депутат II, III и IV Государственных дум. Активный сторонник белого движения. Из воспоминаний:

Витте… не подходил под шаблон ни «консерватора», ни «либерала». Он совмещал черты, которые редко встречаются вместе, и этим приводил своих врагов в недоумение: «Когда же он искренен и где он хитрит?» А оригинальность его была в том, что он совсем не хитрил. Его политический облик и место, которое он мог занять в нашей истории, не укладывалось в шаблонные представления… Он олицетворял собой то, что в обреченном на гибель, разрушающем себя Самодержавии еще оставалось здоровым и что могло спасти ему жизнь.

Из воспоминаний Александра Петровича Извольского:

Ни для кого не было секретом, что император, несмотря на свое признание чрезвычайных достоинств этого человека, был тем не менее неспособен победить чувство недоверия и недоброжелательности, которое столь долго питал к этому министру. Граф Витте, со своей стороны, с трудом скрывал свое нерасположение к наследнику Александра III, при котором он успешно работал и полным доверием которого пользовался.

Витте, несомненно, был большим государственным деятелем, даже гениальным, но его суровый характер в тот критический момент, который переживала Россия, являлся одной из причин неудачи его карьеры. Другой причиной, и не последней, была полная противоположность между ним и его монархом. Дело было в том, что Витте настаивал перед императором на быстром даровании реформ, что казалось в то время единственно целесообразным. Либеральные идеи одно время имели успех при дворе, но постепенно реакционная партия возобновила свое прежнее влияние на Николая II, и для нее не составляло труда

восстановить царя против Витте. Реакционеры утверждали, что граф Витте, как человек честолюбивый, стремится к уничтожению монархии и к провозглашению себя президентом русской республики. Я имею основание думать, что император все больше и больше склонялся доверять этим инсинуациям. Со своей стороны, я совершенно уверен в добром желании и честности усилий графа Витте разрешить проблему без ущерба для монархического принципа или династии и даже без ограничения императорских прерогатив, несмотря на то что это казалось неизбежным ввиду дарования конституционной хартии.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

…мы должны познакомиться с фигурой Витте – господствующей фигурой момента. (…) Это был редкий русский самородок – со всеми достоинствами этого типа и с большими его недостатками. Конечно, он стоял головой выше всей той правящей верхушки, сквозь которую ему приходилось пробивать свой собственный путь к действию. А действовать – это была главная потребность его натуры. Как всякий самородок, Витте был энциклопедистом. Он мог браться за все, учась попутно на деле и презирая книжную выправку. Со своим большим здравым смыслом он сразу отделял главное от второстепенного и шел прямо к цели, которую поставил. Он умел брать с собой все нужное, что попадалось по дороге, и отбрасывать все ему не нужное: людей, знания, чужие советы, закулисные интриги, коварство друзей, завистников и противников. Он прекрасно умел распознавать людей, нужных для данной минуты, организовывать их труд, заставлять их работать для себя, для своей цели в данную минуту. Большое умение во всем этом было необходимо, потому что и дела, за которые он брался, были большого масштаба. По мере удачи росла и его самоуверенность, поднимался командующий тон, крепла сопротивляемость всему постороннему и враждебному. При неудаче он становился страстен и несправедлив, никогда не винил себя, чернил людей, ненавидел противников. Наткнувшись на препятствие, которое одолеть не мог, он сразу падал духом, терял под ногами почву, бросался на окольные пути, готов был на недостойные поступки – и наконец отходил в сторону, обиженный, накопляя обвинительный материал для потомства, потому что в самооправдании он никогда не чувствовал нужды.

Из письма Николая II вдовствующей императрице Марии

Федоровне от 12 января 1905 года:

Витте после московских событий резко изменился: теперь он хочет всех вешать и расстреливать.

Я никогда не видал такого хамелеона или человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит, он окончательно потопил самого себя в глазах всех, может быть исключая заграничных жидов.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Император Николай II был обаятелен. Я полагаю, что он был самым обаятельным человеком в Европе. Поэтому скептически настроенные сановники часто оставались уверены, что в Государе под непроницаемой маской обаяния скрывалась жестокая ирония.

«Государь – восточный человек, типичный византиец, – сказал про Николая II Витте вскоре после своей отставки в 1906 году. – Мы говорили с ним добрых два часа; он пожал мне руку, он меня обнял. Желал мне много счастья. Я вернулся домой, не помня под собой ног, и в тот же день получил указ о моей отставке».

Из письма Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне от 2 ноября 1906 года:

Сюда вернулся на днях, к сожалению, гр. Витте. Гораздо умнее и удобнее было бы ему жить за границею, потому что сейчас около него делается атмосфера всяких слухов, сплетен и инсинуаций. Уже скверные газеты начинают проповедывать, что он вернется к власти и что он только один может спасти Россию. Очевидно, жидовская клика опять начнет работать, чтобы сеять смуту, которую мне и Столыпину удалось ослабить. Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела!

Довольно прошлогоднего опыта, о котором я вспоминаю как о кошмаре.

Из письма Николая II вдовствующей императрице Марии Федоровне от 11 октября 1906 года:

Ты, наверное, читаешь в газетах многочисленные телеграммы Столыпину со всех сторон России. Они все дышат доверием к нему и крепкою верою в светлое будущее!

А в этой уверенности, с помощью Божией, залог

приближающегося успокоения России и начало правильного улучшения жизни внутри государства.

Но при всем том необходимо быть готовым ко всяким случайностям и неприятностям, сразу после бури море не может успокоиться!

Вполне возможны еще пакостные покушения на разных лиц. Я все еще боюсь за доброго Столыпина. Вследствие этого он живет с семейством в Зимнем и приходит с докладами в Петергоф на пароходе.

Я тебе не могу сказать, как я его полюбил и уважаю.

Столыпин Петр Аркадьевич (2 (14) апреля 1882, Дрезден – 5 (18) сентября 1911, Киев) – русский политик, министр внутренних дел, премьер-министр, реформатор. В качестве министра внутренних дел и премьер-министра жесткими мерами смог подавить первую русскую революцию. Убит агентом охранки Д. Богровым. Из речи П. А. Столыпина в Государственной думе 10 мая 1907 года:

Господа члены Государственной думы! Прислушиваясь к прениям по земельному вопросу и знакомясь с ними из стенографических отчетов, пришел к убеждению, что необходимо ныне же, до окончания прений, сделать заявление как по возбуждавшемуся тут вопросу, так и о предложениях самого правительства. (…) Я исхожу из того положения, что все лица, заинтересованные в этом деле, самым искренним образом желают его разрешения. Я думаю, что крестьяне не могут не желать разрешения того вопроса, который для них является самым близким и самым больным. Я думаю, что и землевладельцы не могут не желать иметь своими соседями людей спокойных и довольных, а не голодающих и погромщиков. (…) В настоящее время государство у нас хворает: самой больной, самой слабой его частью, которая хиреет, которая завядает, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматический, совершенно механический способ: взять и разделить все 130 000 существующих в настоящее время дворянских поместий. Государственно ли это? Не напоминает ли это историю Тришкиного кафтана – обрезать полы, чтобы сшить из них рукава? (…) Все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабейшей. В этом смысл государственности, в этом оправдание государства как единого целого. Мысль о том, что все государственные силы должны прийти на помощь слабейшей его части, может

напомнить принцип социализма; но если это принцип социализма, то социализма государственного, который применялся не раз в Западной Европе и приносил реальные и существенные результаты. У нас принцип этот мог бы осуществиться в том, что государство брало бы на себя уплату части процентов, которые взыскиваются с крестьян за предоставленную им землю. (…) Если бы одновременно был установлен выход из общины и создана таким образом крепкая индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселение, было бы облегчено получение ссуд под надельные земли, был бы создан широкий мелиоративный землеустроительный кредит, то хотя круг предполагаемых правительством земельных реформ и не был бы вполне замкнут, но был бы виден просвет. (…) Пробыв около десяти лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этот вопрос нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия…

Бок Мария Петровна, фон (1885–1985) – дочь П. А. Столыпина, жена Б. И. фон Бока. Из воспоминаний:

…чувствовала я себя сильно взволнованной рассказами моего спутника-генерала о последнем заседании Государственной думы, во время которого, обсуждая военное положение и говоря о казнях, депутат Родичев нанес личное оскорбление моему отцу. Папа послал ему тут же своих секундантов. Через короткое время, когда папа прошел в так называемый «Министерский павильон», куда удалялись члены правительства в Думе для отдыха, явился туда Родичев и принес моему отцу извинение. Мне потом рассказывал один из присутствующих при этом, как мой отец, выслушав Родичева, смерил его взглядом и ясно и раздельно очень громко произнес: «Я Вас прощаю».

Из речи П. А. Столыпина 5 декабря 1908 года в Государственной думе:

Господа члены Государственной думы! Если я считаю необходимым дать вам объяснение по отдельной статье, по частному вопросу – после того, как громадное большинство Государственной думы высказалось за проект в его целом, то делаю я это потому, что придаю этому вопросу коренное значение. В основу закона 9 ноября положена определенная мысль, определенный принцип. (…) В тех местностях России,

где личность крестьянина получила уже определенное развитие, где община как принудительный союз ставит преграду для его самодеятельности, там необходимо дать крестьянину свободу приложения своего труда к земле, там необходимо дать ему свободу трудиться, богатеть, распоряжаться своей собственностью: надо дать ему власть над землей, надо избавить его от кабалы отживающего общинного строя. (…) Правительство приняло на себя большую ответственность, проведя в порядке статьи 87 закон 9 ноября 1906 года: оно ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных. (…) Многих смущает, господа, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа. Но левые в данном случае идут против принципов разумной и настоящей свободы. Неужели не ясно, что кабала общины и гнет семейной собственности являются для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу? (…) Нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищеты, от нищенства, от невежества, от бесправия…

Лихачев Дмитрий Сергеевич (28 ноября 1906, Санкт-Петербург – 30 сентября 1999, Санкт-Петербург) – русский филолог, академик. В 1928–1931 заключенный в Соловецком лагере особого назначения и на строительстве Беломоро-Балтийского канала. На Соловках общался с Юлией Данзас, бывшей фрейлиной императрицы, участницей Первой мировой войны. Из воспоминаний:

Другой запомнившийся мне рассказ Ю. Н. Данзас касался ссоры семьи Столыпиных с царской семьей. После покушения на Столыпина на Аптекарском острове государь пригласил Столыпиных жить в Зимнем дворце. Столыпины переехали и разместились на втором этаже. Дети Столыпина бегали по всем залам и, играя, забирались на трон. Александра Федоровна имела по этому поводу объяснение с женой Столыпина, не отличавшейся тактичностью. Она стала защищать своих детей и, между прочим, «дала понять», что муж ее значит для России больше, чем государь. После этого случая семью Столыпиных устроили где-то в другом помещении, а государыня не смогла забыть нанесенного мужу оскорбления, что не могло не быть замеченным охранкой. Столыпин «впал в немилость у охранного отделения», что, возможно, и отразилось на охране Столыпина в Киевском театре, где он был убит.

Из воспоминаний Марии Петровны фон Бок:

Я стояла рядом со своей матерью и с восторгом смотрела на молодую императрицу, поразительно красивую и эффектную в светлом платье, сверкающем бриллиантами. Она представлялась мне феей из волшебной сказки. (…) Обменявшись несколькими незначительными фразами с мама́, императрица замолкла. Молчала, следуя этикету, и мама. Я взглянула на императрицу и вдруг сразу поняла, до чего ей мучительно это молчание. Красные пятна появились на ее щеках, и видно было, что она ищет тему, не находит ее, а отойти, поговорив лишь минуты две, не хочет. Тут на меня нашла какая-то храбрость, и я, как-то инстинктивно стараясь помочь императрице выйти из создавшегося положения, незваная-непрошеная, сказала какую-то фразу. Сказала… и испугалась. Но императрица, повернувшись в мою сторону и, как мне показалось, облегченно вздохнув, улыбаясь промолвила: «Ah oui! C'est votre fille[16]. – А потом, обращаясь прямо ко мне, сказала: – Vous ктes fiancée, n'est-ce pas? Je connais votre fiancé et vous félicite de votre choix»[17]. Тут я уже окончательно не выдержала и ответила ей такой подробной фразой и с таким сияющим лицом, что и она вся просветлела и задала мне еще несколько вопросов, после чего, дав мне поцеловать свою руку, улыбнулась мне ласковой, доброй улыбкой.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

…двор (…) все более замыкался в узком семейном кругу, из которого и исходили сменяющиеся влияния на слабую волю царя – сперва матери, потом дяди, наконец, жены Николая II. Давно уже прошла первая стадия влияния Марии Федоровны, урожденной Дагмары датской, через которую просачивались кое-какие либеральные воздействия Фреденсборга. Потом наступил период, тоже уже бывший на исходе, «славянских» влияний черногорок (двух жен великих князей. – Н. Е.) – «черных женщин», по враждебной терминологии Александры Федоровны. Этот период ознаменовался столоверчением и переходом от monsieur Филиппа к собственным национальным юродивым, таким как фанатик Илиодор, идиотик Митя Козельский или – самый последний – сибирский «варнак», как называл его В. Н. Коковцов, или «святой черт», как окрестил его Илиодор в своей обвинительной брошюре, – Григорий Распутин, окончательно овладевший волей царицы. Столыпин попал на последнего, не хотел ему подчиниться и постепенно был перечислен

в категорию врагов «нашего Друга».

Из воспоминаний Марии Петровны фон Бок:

…не менее близко к сердцу папа́ лежал и вопрос о введении земства в Юго-Западном крае. Дело это было почти так же дорого моему отцу, как и проводимая им хуторская реформа. Он видел будущее величие России как и в самоуправлениях, так и в хуторском хозяйстве. (…) Он мечтал о самоуправлении, когда служил в Северо-Западном крае, но окончательно убедился в целесообразности его во время своего губернаторства в Саратове, где земство играло такую видную роль. Хотя моему отцу и приходилось вести с саратовским земством непрерывную и очень нелегкую борьбу, он все-таки считал земство необходимым фактором в жизни государства. (…) Юго-Западный край в крестьянской массе был русским, и хотя там было много помещиков-поляков, при выборах по куриям это делу не мешало. (…) С горячим интересом следили мы за ходом этого столь близкого моему отцу дела и по газетам, и по письмам близких. В Государственной думе законопроект о земстве прошел гладко. Мы радовались исполнению заветного желания папа́, считая, что дело это теперь решенное, как вдруг совершенно для всех неожиданно доходит до нас весть о том, что Государственный совет законопроект провалил. Конечно, ничего другого, как подать в отставку, в данном случае моему отцу не оставалось, что он и сделал; (…) отставка эта была очевидно принята, раз три дня нет никакого ответа на его прошение. На четвертый день оказалось, что мой отец остается на своем посту; (…) оказывается, что уже после того, как законопроект о земстве провалился в Государственном совете, стало известно, что накануне его разбора два крайне правых члена Государственного совета, Трепов и Дурново, были приняты Государем, которого они сумели убедить в том, что введение земства в юго-западных губерниях губительно для России и что депутация от этих губерний, принятая Государем, состояла вовсе не из местных уроженцев, а из «столыпинских чиновников», говорящих и действующих по его указаниям. Не переговорив по этому делу со своим премьером, моим отцом, Государь на вопрос Трепова, как им поступать при голосовании, ответил: «Голосуйте по совести». Результатом этой аудиенции и был провал законопроекта в Государственном совете, повлекший за собой и прошение об отставке моего отца.

Из воспоминаний Владимира Николаевича Коковцова:

…Государь встал и протянул Столыпину руку, чтобы проститься с ним, когда П. А. попросил извинения и высказал ему еще одну мысль, изложив ее так: «Ваше Величество, мне в точности известно, что некоторое время перед слушанием дела о западном земстве в Государственном совете Петр Николаевич Дурново представил Вам записку с изложением самых неверных сведений и суждений о самом деле, скрытно обвиняя меня чуть ли не в противогосударственном замысле. Мне известно также, что перед самым слушанием дела член Государственного совета В. Ф. Трепов испросил у Вашего Величества аудиенцию с той же целью, с какой писал Вам особую записку Дурново. Такие действия членов Государственного совета недопустимы, ибо они вмешивают их личные взгляды в дела управления. (…) Я усердно прошу Ваше Величество во избежание повторения подобных неблаговидных поступков, расшатывающих власть правительства, не только осудить их, но и подвергнуть лиц, допустивших эти действия, взысканию, которое устранило бы возможность и для других становиться на ту же дорогу». Государь, выслушав такое обращение, долго думал и затем, как бы очнувшись от забытья, спросил Столыпина: «Что же желали бы Вы, Петр Аркадьевич, чтобы я сделал?» – «Ваше Величество, наименьшее, чего заслужили эти лица, это предложить им уехать на некоторое время из Петербурга и прервать свои работы в Государственном совете. (…) Все будут знать, что интриговать и вмешивать особу Вашего Величества в партийные дрязги непозволительно, а гораздо честнее бороться с неугодными членами правительства и их проектами с трибуны верхней палаты, что предоставляет им закон в такой широкой степени». По словам Столыпина, это его обращение к Государю не вызвало никакого неудовольствия, как не вызвало оно и опровержения фактической стороны дела. Государь ответил только: «Я вполне понимаю Ваше настроение, а также то, что все происшедшее не могло не взволновать Вас глубоко. Я обдумаю все, что Вы мне сказали с такой прямотой, за которую я Вас искренно благодарю, и отвечу Вам так же прямо и искренно, хотя не могу еще раз не повторить Вам, что на Вашу отставку я не соглашусь». (…)

В эти дни несомненно тяжелого ожидания я получил по телефону от состоявшего при Императрице Марии Федоровне гофмейстера князя Шервашидзе приглашение явиться к Императрице, которая желает меня видеть. Я не помню числа, но хорошо припоминаю, что это было в субботу. Императрица приняла меня в три часа дня и сказала, что желала бы узнать

от меня, что произошло с П. А. Столыпиным. (…) Мне пришлось рассказать Императрице в самой сжатой форме все, что произошло в Государственном совете. (…) Ее рассуждение поразило меня своей ясностью, и даже я не ожидал, что она так быстро схватит всю сущность создавшегося положения. Она начала с того, что в самых резких выражениях отозвалась о шагах, предпринятых Дурново и Треповым[18] (…): «Могу я себе представить, что произошло бы, если бы они посмели обратиться с такими их взглядами к Императору Александру III. Что произошло бы с ними, я хорошо знаю, как и то, что Столыпину не пришлось бы просить о наложении на них взысканий: Император сам показал бы им дверь, в которую они не вошли бы во второй раз… К сожалению, – продолжала она, – мой сын слишком добр, мягок и не умеет поставить людей на место, а это было бы так просто в настоящем случае. Зачем же оба, Дурново и Трепов, не возражали открыто Столыпину, а спрятались за спину Государя, тем более что никто не может сказать, что сказал им Государь и что передали они от его имени для того, чтобы повлиять на голосование в Совете. Это на самом деле ужасно, и я понимаю, что у Столыпина просто опускаются руки и он не имеет никакой уверенности в том, как ему вести дела… Я совершенно уверена, что Государь не может расстаться со Столыпиным, потому что он сам не может не понять, что часть вины в том, что произошло, принадлежит ему, а в этих делах он очень чуток и добросовестен. Если Столыпин будет настаивать на своем, то я ни минуты не сомневаюсь, что Государь после долгих колебаний кончит тем, что уступит, и я понимаю, почему он все еще не дал никакого ответа. Он просто думает и не знает, как выйти из создавшегося положения. Он слишком самолюбив и переживает создавшийся кризис вдвоем с Императрицей, не показывая и виду окружающим, что он волнуется и ищет исхода. И все-таки, принявши решение, которого требует Столыпин, Государь будет долго и глубоко чувствовать всю тяжесть того решения, которое он примет под давлением обстоятельств. Я не вижу ничего хорошего впереди. Найдутся люди, которые будут напоминать сыну о том, что его заставили принять такое решение. Один Мещерский чего стоит, и Вы увидите, какие статьи станет он писать в „Гражданине“, и чем дальше, тем больше у Государя и все глубже будет расти недовольство Столыпиным, и я почти уверена, что теперь бедный Столыпин выиграет дело, но очень ненадолго, и мы скоро увидим его не у дел, а это очень жаль и для Государя, и для всей России. Я лично мало знаю Столыпина, но мне кажется, что он необходим нам, и его уход будет большим горем для всех нас.

Бедный мой сын, как мало у него удачи в людях. Нашелся человек, которого никто не знал здесь, но который оказался и умным, и энергичным, (…) и вот этого человека толкают в пропасть, и кто же? Те, которые говорят, что любят Государя и Россию, а на самом деле губят и его, и родину. Это просто ужасно».

Из воспоминаний Марии Петровны фон Бок:

Не получая три дня никакого ответа на поданное прошение, папа́ считал себя в отставке, как на четвертый день он был вызван в Гатчину вдовствующей императрицей. (…) Входя в кабинет императрицы Марии Федоровны, папа́ в дверях встретил Государя, лицо которого было заплакано и который, не здороваясь с моим отцом, быстро прошел мимо него, утирая слезы платком. Императрица встретила папа́ исключительно тепло и ласково и сразу начала с того, что стала убедительно просить его остаться на своем посту. Она рассказала моему отцу о разговоре, который у нее только что был с Государем. «Я передала моему сыну, – говорила она, – глубокое мое убеждение в том, что Вы один имеете силу и возможность спасти Россию и вывести ее на верный путь». Государь, находящийся, по ее словам, под влиянием императрицы Александры Федоровны, долго колебался, но теперь согласился с ее доводами. «Я верю, что убедила его», – кончила императрица свои слова.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

После мартовского кризиса Столыпин, по показанию Коковцова, стал «неузнаваем». Он «как-то замкнулся в себе». «Что-то в нем оборвалось, былая уверенность в себе куда-то ушла, и он сам, видимо, чувствовал, что все кругом него молчаливо или открыто, но настроены враждебно». Коковцову он заявил, что «все происшедшее (…) его совершенно расстроило: он потерял сон, нервы его натянуты, и всякая мелочь его раздражает и волнует. Он чувствует, что ему нужен продолжительный и абсолютный отдых, которым для него лучше воспользоваться в его любимой ковенской деревне». Он получил согласие государя передать все дела по Совету министров Коковцову и только просил последнего непременно поехать в Киев, где готовилось открытие памятника Александру II. (…)

Приехав в Киев 28 августа ‹1911 г.›, Коковцов застал Столыпина в мрачном настроении, выразившемся в его фразе: «Мы с Вами здесь совершенно лишние люди». Действительно,

при составлении программы празднеств их обоих настолько игнорировали, что для них не было приготовлено даже средств передвижения. На следующий день Столыпин распорядился, чтобы экипаж Коковцова всегда следовал за его экипажем, а 31-го он предложил Коковцову сесть в его закрытый экипаж – и мотивировал это тем, что «его пугают каким-то готовящимся покушением на него» и он «должен подчиниться этому требованию». (…) Нельзя не сопоставить с этим каких-то более ранних «предчувствий» Столыпина, что он падет от руки охранника. Так разъезжали по городу оба министра два дня – и вместе приехали вечером 1 сентября на парадный спектакль в городском театре. Коковцов сидел в одном конце кресел первого ряда, а Столыпин в другом – «у самой царской ложи». Во втором антракте Коковцов подошел к Столыпину проститься, так как уезжал в Петербург, и выслушал просьбу Столыпина взять его с собой: «Мне здесь очень тяжело ничего не делать». Антракт еще не кончился и царская ложа была еще пуста, когда не успевший выйти из зала Коковцов услышал два глухих выстрела. Убийца, «еврей» Богров, полуреволюционер, полуохранник, свободно прошел к Столыпину, стоявшему у балюстрады оркестра, и так же свободно выстрелил в упор. Поднялась суматоха; Столыпин, обратясь к царской ложе, с горькой улыбкой на лице осенил ее широким жестом креста и начал опускаться в кресло.

Из воспоминаний Марии Петровны фон Бок:

…толпа ринулась на пытавшегося ускользнуть убийцу, и бывшие в зале и прибежавшие из фойе схватили его и пытались растерзать. Офицеры бежали с саблями наголо, и возбуждение было таково, что его разорвали бы на куски, если бы не спасла его полиция. В это время папа́ понесли на кресле к выходу. Возмущение и возбуждение были неописуемые, а когда взвился занавес и со сцены послышались торжественные аккорды «Боже, царя храни», не оставалось во всей зале ни одного человека с сухими глазами. Государь, прослушав гимн, уехал из театра. Моего отца доставили тем временем в лечебницу Маковского, и туда толпами стали прибывать интересующиеся состоянием его здоровья. (…) Государь не верил серьезности положения. Его уверил доктор Боткин в противном, почему Государь и продолжал программу торжеств. 5 сентября вечером началась агония. После несвязных, бредовых слов папа́ вдруг ясно сказал: «Зажгите электричество!» Через несколько минут его не стало. (…) Государь вернулся из Чернигова в Киев 6 сентября рано

утром и прямо с парохода поехал в больницу. Он преклонил колена перед телом своего верного слуги, долго молился, и присутствующие слыхали, как он много раз повторил слово: «Прости».

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

5 октября в Ливадии, в день именин наследника, Александра Федоровна имела с Коковцовым специальный часовой разговор, раскрывавший ее карты и «буквально записанный» ее собеседником. Разговор этот начался с повторения слов Государя: «Мы надеемся, что Вы никогда не вступите на путь этих ужасных политических партий, которые только и мечтают о том, чтобы захватить власть или поставить правительство в роль подчиненного их воле». Коковцов попытался ответить, что он всегда был вне партий и в этом усматривает слабость своего положения, которое «гораздо труднее» положения Столыпина в смысле работы с законодательными учреждениями. Он или не понимал, или не хотел понимать, что мысль императрицы шла совсем в противоположную сторону. И она стала еще откровеннее: «Я вижу, что Вы все делаете сравнения между собою и Столыпиным. Мне кажется, что Вы очень чтите его память и придаете слишком большое значение его деятельности и его личности. Верьте мне, не надо так жалеть тех, кого не стало… Я уверена, что каждый исполняет свою роль и свое назначение, и если кого нет среди нас, то это потому, что он уже окончил свою роль и должен был стушеваться, так как ему нечего было больше исполнять. Жизнь всегда получает новые формы, и Вы не должны стараться слепо продолжать то, что делал Ваш предшественник. Оставайтесь самим собой, не ищите поддержки в политических партиях; они у нас так незначительны. Опирайтесь на доверие Государя – Бог Вам поможет. Я уверена, что Столыпин умер, чтобы уступить Вам место, и что это для блага России».

Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen. («Мавр сделал свое дело, мавр может идти».) 19 октября на докладе Коковцова царь смущенно сказал, что, желая «добрым делом» ознаменовать выздоровление наследника, он решил прекратить дело по обвинению Курлова, Кулябки, Веригина, Спиридовича – киевских охранников – в «небрежности» их поведения в день убийства Столыпина. Коковцов взволновался, стал доказывать царю, что Россия «никогда не помирится с безнаказанностью виновников этого преступления и всякий будет недоумевать, почему остаются без преследования те,

кто не оберегал Государя…» Царь остался при своем. В вечер 1 сентября он лично опасности не подвергался. Вступив в отправление должности, Коковцов скоро сам очутился перед испытанием, которое должно было приоткрыть для него, откуда идут нити этой высокой политики. Он подвергся испытанию – на Распутина.

Государственная Дума и Распутин

Из речи Николая II на открытии Первой Государственной думы 27 апреля 1906 г.:

С пламенной верой в светлое будущее России я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых я повелел возлюбленным моим подданным выбрать от себя… Я же буду охранять непоколебимые установления, мною дарованные, с твердой уверенностью, что вы отдадите все свои силы на самоотверженное служение отечеству для выяснения нужд столь близкого моему сердцу крестьянства, просвещение народа и развитие его благосостояния, памятуя, что для духовного величия и благоденствия государства необходима не одна свобода – необходим порядок на основе права.

Из воспоминаний Владимира Николаевича Коковцова:

…толпа новых людей, впервые заполнивших дворцовые залы, внушала Марии Федоровне ужас. «Они смотрели на нас как на своих врагов, и я не могла отвести глаз от некоторых типов – настолько их лица дышали какой-то непонятной мне ненавистью против нас всех», – говорила она.

Из воспоминаний Луи-Мориса Бомпара:

Крестьяне были шокированы той роскошью, которая столь вызывающе контрастировала с убогой нищетой, привычными свидетелями которой им довелось быть до сих пор. Они не очень-то приветствовали императора при его прохождении и молчаливо выслушали его речь, в которой не ставился вопрос ни об амнистии, ни о земле.

Радзивилл Екатерина (1858 – 12 мая 1941, Нью-Йорк) – польская писательница, авантюристка. Дочь царского генерала Адама Ржевусского, жена Вильгельма Радзивилла. Из воспоминаний:

По завершении церемонии царя спросили, что произвело на него наибольшее впечатление. Он тут же ответил, что от глаз его не укрылось, что у некоторых депутатов из числа сельских жителей кафтаны были не новые – уж могли бы купить обновку по такому случаю!

Петрункевич Иван Ильич (23 декабря 1843 (4 января 1844), Плиски, Березнянского уезда Черниговской губернии – 14 июня 1928, Прага) – русский общественный деятель. Один из основателей Конституционно-демократической партии. Депутат I Государственной думы. Из думской речи:

Долг чести, долг совести требует, чтобы первое свободное слово, сказанное с этой трибуны, было посвящено тем, кто свою жизнь и свободу пожертвовал делу завоевания русских политических свобод. Свободная Россия требует освобождения всех, кто пострадал за свободу!

Караулов Василий Андреевич (1854 – 19 декабря 1910 (1 января 1911), Петербург) – русский общественный деятель. В начале 80-х годов агент Исполкома «Народной воли». Арестован в 1884 году. Приговорен к четырем годам каторги, отправлен на поселение в Сибирь. Член Конституционно-демократической партии. Из думской речи:

Да, я был каторжником, с обритой головой и ногами в кандалах. Я прошел тот бесконечный путь, которым меня гнали в Сибирь. Мое преступление заключалось в следующем: я хотел дать вам возможность заседать на этих скамьях. Я пролил свою долю в море слез и крови, которое принесло вас сюда!

Из воспоминаний Марии Петровны фон Бок:

Весь конец июня и начало июля прошли очень тревожно. (…) Помню, как папа говорил, что не только в Государственной думе, но и в Кабинете министров полного согласия нет, что и является главным тормозом для принятия более решительных мер. Председатель Совета министров признавал лишь одни самодержавные решения Государя, и это делало заседания Кабинета министров пассивными. Между тем папа говорил, что сила правительства проявится лишь в том случае, если оно будет выносить свои решения «объединенным» министерством и этим облегчит непосильную работу Государю. Руководящую роль в Государственной думе играли кадеты, принявшие с первых же заседаний непримиримую позицию по отношению к правительству. (…) К этому же времени относятся переговоры моего отца с лидерами партии кадетов. Я помню, как он надеялся сговориться с ними для составления коалиционного кабинета…

Из воспоминаний Владимира Николаевича Коковцова:

Приблизительно в ту же пору – между 15 и 20 числами июня, после одного из моих докладов в Петергофе Государь задержал меня после доклада, как это он делал иногда, когда что-либо особенно занимало его внимание, и, протягивая сложенную пополам бумажку, сказал мне: «Посмотрите на этот любопытный документ и скажите мне откровенно Ваше мнение по поводу предлагаемого мне нового состава министерства взамен того, что вызывает такое резкое отношение со стороны Государственной думы». (…) Переданный мне Государем на просмотр список я тут же вернул Государю, записал его тотчас по возвращении домой, но он у меня не сохранился. (…) Я мог поэтому запамятовать что-либо в деталях, но хорошо помню главные части этого списка. (…) Против должности председателя Совета министров была написана фамилия кадета – Муромцев, против министра внутренних дел – Милюков или Петрункевич; против министра юстиции – Набоков или Кузьмин-Караваев; против должностей министров военного, морского и Императорского Двора – слова: по усмотрению Его Величества; против министра финансов – Герценштейн. (…) Государь сказал мне тоном, наружно совершенно спокойным: «Я очень прошу Вас высказать мне Ваше мнение с Вашей обычной откровенностью и не стесняясь ни выражениями, ни Вашими мыслями, прошу Вас только никому не говорить о том, что Вам известно». Я дал, конечно, мое слово свято исполнить его желание. (…) Насколько я умел в минуту охватившего меня волнения изложить мои мысли в связном порядке, я спросил Государя, понимает ли он, что принятием этого или иного списка министров, но принадлежащих к той же политической кадетской группировке (…), Государь передает этой части так называемого общественного мнения всю полноту исполнительной власти в стране. (…) Я старался, как умел, показать на примерах, в какие проявления неизбежно выльется такая перемена, (…) и особенно подробно остановился на той мысли, что передача власти самим Государем в руки одной, резко выраженной политической партии (…) чрезвычайно опасна, в особенности когда становится вопрос о передаче власти в руки людей (…), проникнутых не теми идеями, которые отвечают его взглядам на объем власти монарха. (…) Мои последние слова были: «Мы не выросли еще до однопалатной конституционной монархии чисто парламентского образца, и моя обязанность предостеречь Вас, Государь, от такого эксперимента, после которого, пожалуй, уже и не будет возврата назад». Государь долго стоял молча

передо мной, потом подал мне руку, крепко пожал мою и отпустил меня словами, которые я хорошо помню и сейчас: «Многое из того, что Вы сказали мне, я давно пережил и перестрадал. Я люблю слушать разные мнения и не отвергаю сразу того, что мне говорят, хотя бы мне было очень больно слышать суждения, разбивающие лучшие мечты всей моей жизни, но верьте мне, что я не приму решения, с которым не мирится моя совесть, и, конечно, взвешу каждую мысль, которую Вы мне высказали, и скажу Вам, на что я решусь. До этой же поры не верьте, если Вам скажут, что я уже сделал этот скачок в неизвестное». Немало было мое удивление, когда в тот же день, около трех часов, едва я успел вернуться к себе на дачу, ко мне приехал брат дворцового коменданта Д. Ф. Трепова – А. Ф. Трепов[19] (…) и обратился ко мне с сообщением, что ему точно известно, что его брат недавно представил Государю список нового состава министерства из представителей кадетской партии, и он чрезвычайно опасается, что при его настойчивости и том доверии, которым он пользуется у Государя, этот «безумный» проект может проскочить под сурдинку, если кто-либо вовремя не откроет глаза Государю на всю катастрофическую опасность этой затеи. (…) Связанный словом, данным Государю, я ничего не сказал Трепову из того, что только что узнал, и советовал ему переговорить с Горемыкиным и со Столыпиным. (…) Его ответ был весьма прост и откровенен. Про Горемыкина он сказал мне: «Я прямо от него, но что Вы хотите с ним поделать, у него один ответ – все это чепуха. К Столыпину я не решусь обращаться потому, что далеко не уверен в том, что он не участвовал во всей этой комбинации».

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

…я получил, «по поручению Государя», приглашение Столыпина. Не помню точной даты, но, очевидно, это свидание произошло в те же «четыре дня», когда решался вопрос о судьбе треповского списка (19–24 июня). (…) Я застал у Столыпина, как бы в роли делегата от другого лагеря, А. П. Извольского. Но в Совете министров Извольский не имел влияния и присутствовал в качестве благородного свидетеля. Он все время молчал в течение нашей беседы со Столыпиным. А в намерения Столыпина не входило дать мне возможность высказаться по существу. (…) О каком, собственно, новом министерстве идет речь, «коалиционном» или «кадетском», прямо не говорилось. Но обиняками Столыпин выяснил, что участие Извольского в будущем министерстве возможно, а участие его, Столыпина,

как премьера или министра внутренних дел безусловно исключено. (…) Результат этой беседы оказался именно таким, как я и ожидал. По позднейшему официальному заявлению, «разговор этот был немедленно доложен Его Величеству с заключением министра внутренних дел о том, что выполнение желаний к.-д. партии могло бы лишь самым гибельным образом отразиться на интересах России, каковое заключение было Его Величеством всецело одобрено».

Из воспоминаний Владимира Николаевича Коковцова:

Теперь у меня нет более никаких колебаний, да их и не было на самом деле, потому что я не имею права отказываться от того, что мне завещано моими предками и что я должен передать в сохранности моему сыну. (…) Бог знает что произойдет, если не распустить этого очага призыва к бунту… Я не раз говорил Горемыкину, что вопрос идет просто об уничтожении монархии… Во всех возмутительных речах не упоминается моего имени, как будто власть – не моя… Ведь от этого только один шаг к тому, чтобы сказать, что я не нужен и меня нужно заменить кем-то другим… Я обязан перед моей совестью, перед Богом и перед Родиной бороться и лучше погибнуть, чем без сопротивления сдать власть тем, кто протягивает к ней свои руки.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

Готовясь к царской аудиенции, Шипов через графа П. А. Гейдена снесся со мной, а сам долго беседовал с Муромцевым. Я припоминаю, что Гейден, подойдя ко мне в Думе, спросил мое мнение о «коалиционном кабинете». (…) В тот же день на приеме у царя – очень любезном – Шипов продолжал развивать мысль о необходимости создания кадетского кабинета. (…) Царь дал ему повод развить эту точку зрения, спросив его прямо, почему он относится отрицательно к роспуску Думы. (…) Шипов прямо указал царю на двусмысленность «конституционного манифеста 17 октября». Он подчеркнул также ненормальность отношения правительства к народному представительству. При таких условиях апелляция к избирателю (после роспуска) не даст возможности надеяться, что избиратель станет на сторону власти. Напротив, неизбежно и несомненно он пошлет в следующую Думу «гораздо более левый состав». (Шипов оказался прав, но он, очевидно, не подозревал, что для противников Думы это был как раз аргумент в пользу насильственного изменения избирательного

закона.) Остается другой путь, продолжал Шипов: примирение с данной Думой, для чего необходима искренняя готовность работать с ней и честное осуществление манифеста 17 октября. (…) Произвели ли на царя впечатление искренность тона и серьезность содержания речи Шипова при его очевидной личной незаинтересованности? (…) Или же тут сказалось природное лицемерие Николая? Позднее В. О. Ключевский мне рассказал, что, вернувшись в семейный круг после аудиенции, царь сказал своим: «Вот говорят, Шипов – умный человек. А я у него все выспросил и ничего ему не сказал». Ключевский был близок к царской семье и к ее окружению. Он мог знать это…

Из дневников Николая II:

9 июля 1906 года. Свершилось! Дума сегодня закрыта. За завтраком после обедни заметны были у многих вытянувшиеся лица. Днем составлялся и переписывался манифест на завтра. Подписал его около 6 час. Погода была отличная, катался на байдарке.

Из воспоминаний Марии Николаевны фон Бок:

9 июля, когда папа́ со своим дежурным чиновником особых поручений вошел к завтраку, последний сказал одной из моих маленьких сестер: «А ну-ка скажите, как называется теперь должность Вашего отца? Он „председатель Совета министров“. Можете ли это выговорить?» Тогда для меня все эти переговоры с кадетами и министрами стали ясны, и папа́, оставленный министром внутренних дел, совмещал теперь с этим и должность председателя Совета министров. (…) Одновременно с назначением моего отца состоялся и роспуск первой Государственной думы, и первый тяжелый удар был нанесен Кабинету уже на следующий день, когда было выпущено знаменитое Выборгское воззвание. Оно было составлено левыми членами Думы, которые, придя в Думу на заседание и найдя двери запертыми, уехали сразу в Финляндию, в город Выборг, собрались там на заседание и выпустили воззвание, призывающее народ к тому, чтобы не давать правительству ни одного солдата и не платить податей.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

Первая Государственная дума отошла в историю. История

не сказала о ней последнего слова: слишком были различны интересы и идеи, с нею связанные. Но, может быть, не лишено интереса сопоставить в заключение два суждения о Думе с двух противоположных сторон. Одно из них заключало в себе резкую оценку и мрачный прогноз. Оно принадлежит Крыжановскому и высказано под впечатлением первой встречи царя с Думой на приеме в Зимнем дворце 27 апреля. Другое суждение принадлежит профессору Ключевскому; оно высказано уже во время заседаний Думы. Если это и не суд истории, то во всяком случае мнение самого талантливого и вдумчивого из русских историков. С. Е. Крыжановский вспоминает, что царский выход был «обставлен со всею пышностью придворного этикета и сильно резал непривычный к этому русский глаз». Но глаз верного слуги старого режима резала также, на фоне этого царского блеска, неподходящая к месту «толпа депутатов в пиджаках и косоворотках, в поддевках, нестриженых и даже немытых». Умный чиновник сразу заключил из этого, богатого смыслом сопоставления, что «между старой и новой Россией перебросить мост едва ли удастся». И свои чувства он выразил восклицанием: «Ужас!.. Это было собрание дикарей…» В. О. Ключевский, давая свой отзыв о деятельности Думы в письме к А. Ф. Кони, замечал: «Я вынужден признать два факта, которых не ожидал. Это быстрота, с какой сложился в народе взгляд на Думу как на самый надежный орган законодательной власти, и потом – бесспорная умеренность господствующего настроения, ею проявленного. Это настроение авторитетного в народе учреждения умереннее той революционной волны, которая начинает нас заливать, и существование Думы – это самая меньшая цена, какою может быть достигнуто бескровное успокоение страны». Если угодно, в Первой Думе было все. Были и «дикари», вытащенные из русской глуши, однако, самим же правительством по закону 11 декабря. Была и «революционная волна», продолжавшая заливать Россию. Была, наконец, и проявленная наиболее культурной частью России «умеренность», подававшая надежду на «успокоение страны» – при условии, конечно, длительного существования Думы. В общем, это был сложный и дорогой инструмент, единственный, какой и могла создать в тогдашней России интеллигентская традиция и едва пробудившаяся народная воля. Но для того, чтобы управлять этим инструментом, нужно было понимание положения – и умелое руководство. (…) «Революционная волна» как будто отхлынула перед грубым насилием. Но это была только отсрочка, данная власти, – и уже последняя. Тот же В. О. Ключевский – вопреки своим

настроениям – сделал из случившегося пророческий вывод: «Династия прекратится; Алексей царствовать не будет».

Из речи П. А. Столыпина 6 марта 1907 года на открытии II Государственной думы:

Правительству желательно было бы найти тот язык, который был бы одинаково нам понятен… Таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду… Правительство задалось одной целью – сохранить те заветы, те устои, те начала, которые были положены в основу реформ императора Николая II. Борясь исключительными средствами в исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую Думу. Я должен заявить и желал бы, чтобы мое заявление было услышано далеко за стенами этого собрания, что тут волею монарха нет ни судей, ни обвиняемых и что эти скамьи не скамьи подсудимых – это место правительства. (*Аплодисменты.*) Правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, но иначе оно должно отнестись к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у власти паралич и мысли, и воли, все они сводятся к двум словам – «руки вверх». На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить тоже двумя словами: «не запугаете».

Из воспоминаний Федора Александровича Головина:

Более близко я познакомился с Николаем во время существования Государственной думы второго созыва, когда я, в качестве председателя этой Думы, имел довольно продолжительные беседы с ним. (…) Государь поздравил меня с избранием. На это поздравление я заметил, что хоть и велика честь, которую мне оказала Дума, но что она меня не радует, так как я предвижу тернии на моем нелегком пути. (…) Государь интересовался распределением членов Думы по фракциям и возможностью образования «работоспособного центра». Я дал надлежащую справку и высказал уверенность, что Дума работоспособна и в серьезные моменты всегда будет иметь сплоченное большинство: выборы председателя Думы служат тому доказательством. «Дай Бог, дай Бог», – твердил в ответ государь, причем в тоне его речи слышалось сомнение. «Правительство заготовило для Думы целый ворох документов.

Думе придется много и много работать над этим ворохом», – говорил государь, широко раздвигая руки и тем наглядно показывая размер вороха правительственных законопроектов. Когда он говорил об этом ворохе и разводил руками, в нем было что-то наивно-детское, школьническое. Но это милое выражение лица Николая резко изменилось, когда он с холодным и упрямым видом заговорил, что Дума должна дружно работать с правительством, что того настоятельно требуют интересы государства. Я уклончиво заметил, что с внесенными правительством законопроектами я еще не ознакомился, а потому затрудняюсь определить, встретят ли они поддержку большинства Думы, что я очень опасаюсь, что взгляды кабинета Столыпина и Думы на намеченные Манифестом 17 октября 1905 года реформы окажутся весьма различными. При упоминании о Манифесте 17 октября Николай с упрямым выражением лица твердил, что «все, в Манифесте дарованное народу, не подлежит отмене, все обещанное должно быть осуществлено».

Упомяну здесь, кстати, что во время двух последующих бесед Николай повторил то же категорическое утверждение о незыблемости дарованных Манифестом 17 октября народу прав, что, однако, не помешало ему нарушить эти права противозаконным актом 3 июня 1907 года (новый избирательный закон). (…) Во время второй Думы я был принят государем еще два раза. Вторая аудиенция состоялась не помню в точности когда, должно быть, в конце марта. (…) В назначенное время я был в Царскосельском дворце. Государь принял меня в кабинете и на этот раз предложил мне сесть. Мы сидели около письменного стола, на котором среди бумаг и книг я заметил номер газеты «Новое время» и думские стенографические отчеты. (…) Николай II встретил меня очень любезною улыбкой и, как бы извиняясь, что долго не принимал меня, заявил, что всю эту неделю он «был очень, очень занят, так что не мог найти свободного часа, чтоб принять председателя Думы». Затем он сказал, что внимательно следит за деятельностью Думы, читает стенографические отчеты (…), но что пока он не видит практических результатов от думской работы и что он очень опасается, как бы Дума, поглощенная партийной борьбою внутри себя и критикою прошлой деятельности правительства, не потратила дорогого времени без пользы для народа. (…)

Эту речь государь говорил минут пятнадцать, говорил без запинки, последовательно и логично развивая обвинения, выдвигавшиеся тогда против Думы в печати и правительственных кругах. Я не могу утверждать, что мысли, изложенные государем

в этой его речи, являются мыслями, до которых он сам додумался. Но это и не важно. Важно то, что они вошли в его плоть и кровь. (…)

В ответ на эту речь я постарался выяснить значение свободы слова в парламенте, указав, что критика действий правительства не должна смущать представителей власти, если их действия правильны, в противном же случае польза государства требует смены неспособных или недобросовестных министров. (…)

Государь внимательно, не перебивая, выслушал мою речь, ничего мне на нее не возразил и тем дал возможность предположить, будто мои доводы его убедили. Обвинения, выставленные против Думы в Манифесте о роспуске ее, свидетельствуют, что Николай остался при своем первоначальном взгляде на характер думской работы. Вероятно, или Николай считал ниже своего царского достоинства вступать в спор с председателем Думы, или он не решился заявить откровенно, что мои доводы кажутся ему неубедительными. (…) Последнее предположение мне кажется более вероятным, как вытекающее из свойственного Николаю двуличия. Известен ведь случай, когда одному из министров, кажется Ермолову, Николай при свидании с ним не решился сказать, что указ об отставке им уже подписан, а предложил министру доложить о каком-то деле в следующий приемный день. По приезде от государя к себе на квартиру этот министр нашел у себя указ об отставке.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

К концу первого же месяца Второй Думы левые не вытерпели сравнительно спокойного течения дел. К серьезной комиссионной работе они не были подготовлены. В Думе стало скучно. Нет драматических сцен, нет захватывающих эффектов. (…) В результате поднялся тон выступлений левых, особенно крайних, усилились и участились антиконституционные намеки. (…) Позднее, в 1912 году, правительство подкинуло думским большевикам шпиона и провокатора Малиновского, и охранка сочиняла для него революционные речи. Мне пришлось открыть в «Речи» кампанию против левых. Напрасно я убеждал их, что они «каждую минуту подвергают опасности Думу», что они «рискуют не только этой Думой, но и избирательным законом»: предупреждал их, что «Третья Дума не соберется в этом составе» и что «то, что они потеряют теперь, наверстать нелегко». (…) Разгон Думы был, в сущности, решен после грубой речи депутата Зурабова против армии, произнесенной во время моего

отсутствия.

Из воспоминаний Федора Александровича Головина:

После так называемого «Зурабовского инцидента» (депутат Зурабов во время обсуждения в Думе в апреле 1907 года законопроекта о новобранцах обвинил армию в том, что она способна «великолепно воевать» только против собственного народа. – *Н. Е.*) (…) я не торопился быть у государя. (…) Однако 6 мая, в царский день, я был вынужден ехать в Царское Село, так как получил официальное приглашение. (…) В то время положение Думы было шаткое. (…) Я решил просить аудиенции. Я был принят государем в Петергофе 17 мая около 6 часов вечера в небольшом кабинете. Когда я вошел в кабинет, государь встретил меня стоя около двери. Подав мне руку, он молча глядел мне в глаза. (…) Я передал ему письменный доклад о деятельности Думы. Он взял его и продолжал молчать. (…) Я твердо заявил, что желаю сделать устные разъяснения к представленному мной письменному докладу.

«В таком случае сядем», – сказал государь и повел меня в стеклянный фонарь с видом на море. Мы сели за маленький круглый стол друг против друга. Государь снова уставился на меня молча, выжидая, что я ему скажу. (…)

Он слушал меня внимательно, но с холодным выражением лица. Я видел, что он питает ко мне враждебное чувство, но сдерживается. Выслушав мою довольно длинную речь и ничего на нее не возразив, государь встал со словами: «Раз мы с Вами беседуем, я воспользуюсь случаем, чтобы выяснить некоторые интересующие меня вопросы, касающиеся Вас и Думы».

Достав из письменного стола лист бумаги, исписанный на машинке, он снова сел, положив этот лист на столик перед собой. (…) Это был, в сущности, обвинительный акт против Думы и ее председателя. (…) Государь задавал мне вопросы по этому листу в том порядке, как они были там написаны, пропуская только те вопросы, которых я коснулся в своей речи. (…) Я (…) заметил один пункт обвинения, через который государь перескочил. (…) Мне бросилась в глаза фамилия – Зурабов. Мне стало ясно, что Николай не только не забыл этого инцидента, но что он-то и является занозой, которая настраивает государя враждебно по отношению ко мне, причем эта враждебность была столь велика, что он не решался заговорить о Зурабове, опасаясь потерять самообладание. Воспользовавшись первым подходящим случаем, я заговорил о том, как неправильно можно судить о Думе по отдельным фактам, если не знать всей

подноготной думской жизни, и (…) рассказал государю весь «Зурабовский инцидент» во всех деталях.

«Как, – вскричал государь, – разве председатель Думы не имеет права своею властью исключить из заседания члена Думы?»

Я указал ему на статьи закона. (…)

«Так вот каков закон и как было дело! – сказал государь. – Значит, мне неверно докладывали и закон, и дело».

С этого момента лед был проломлен и государь совершенно изменился ко мне. Я снова встретил в нем приятного собеседника, с которым легко говорить. (…) Государь стал очень сердечно убеждать меня, что не следует придавать большого значения всей этой истории, (…) и с грустью в голосе и с печалью в глазах он так закончил свою речь, имея в виду, вероятно себя самого:

«Да, чем выше положение занимает человек, тем чаще и сильнее приходится ему чувствовать на себе людскую злобу и несправедливость».

(…) Он продолжал настаивать на необходимости изменения избирательного закона, причем говорил об этом так просто и спокойно, что мне не пришло в голову, что он имеет в виду государственный переворот. (…) Если б я догадался, что государь имеет намерение…помимо законодательных учреждений изменить избирательный закон, я, конечно, не преминул бы разъяснить ему, что в таком случае он нарушил бы основные государственные законы и не сдержал бы своего царского слова. (…) Возможно, что Николай хитрил со мной. Он мог притвориться, будто в «Зурабовском инциденте» он был обманут, чтоб тем правдоподобнее разыграть роль обманутого при подписании незаконного указа 3 июня. Может быть также и то, что он не решился прямо сознаться, что он собирается совершить беззаконие, а все ходил вокруг да около. «Не лжет, но и правды не говорит», – по меткому определению Н. А. Хомякова. Последнее предположение мне кажется более отвечающим характеру Николая. (…) Дума была распущена 3 июня 1907 года.

Из воспоминаний Павла Николаевича Милюкова:

Провокаторам и шпионам нетрудно было найти в тактике социалистов криминал, против которого спорить было невозможно: их деятельность в стране и в армии по организации революции. Был подготовлен обыск у депутата Озола; найдено – настоящее или поддельное – обращение солдат

к социалистической фракции, и Столыпин предъявил Думе требование – лишить депутатских полномочий всю с.-д. фракцию за антиправительственный характер ее деятельности. Такое суммарное требование, затрагивающее капитальный вопрос о неприкосновенности депутатского звания, не могло быть удовлетворено без разбора данных относительно каждого депутата, и озабоченная фракция к.-д. настояла на передаче требования в комиссию, назначив кратчайший срок для ее решения. (…) Не дожидаясь решения комиссии, Столыпин распустил Думу и опубликовал, в порядке coup d'état[20], избирательное «положение» 3 июня.

Из воспоминаний Марии Петровны фон Бок:

Перед тем как решиться на роспуск Думы, мой отец постановил обождать ответа от ее председателя Головина о снятии неприкосновенности с членов Думы социал-демократической партии. Последним сроком для ответа было поставлено Головину 2 июня. Ответ последовал отрицательный, и 3 июня Государственная дума была распущена. Одновременно с этим был опубликован Указ Сенату с утверждением в исключительном порядке, через Совет министров, новых правил о выборах в Государственную думу, заменивших собой правила от 11 декабря 1905 года.

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

3 июня 1907 года. Дума распущена в 5 ч. Из «Речи» говорили, что «Русь» говорит, что это вздор. Мы им подтвердили. Новый избирательный закон. Новая Дума 1 ноября. (…) Роспуск Государственной думы прошел совершенно равнодушно. Само общество, к сожалению, сонно и недеятельно, а оппозиционный элемент многочислен и деятелен. (…)

5 июня 1907 года. (…) Большой разговор. «Царь самоуверен. Во время японской войны он после всякого несчастья думал, что вот теперь мы победим и все исправим. И теперь так же. Распустив Думу, он думает, что настанет благословление Божие и революции конец». Когда Витте начинал ему советовать, он говорил: «Сергей Юльевич, Вы забываете, что мне 38 лет».

Но в его поступках что-то детское, хотя про него нельзя сказать, что он не умен и не образован и т. п. Он очень добрый человек.

Я напомнил ему (Витте. – *Н. Е.*). В первые дни царствования Николая II я спросил Витте: «Что же будет?»

«А будет то, что дела понемногу пойдут, в лет 35–36 он будет хорошим правителем».

Я то же самое сказал П. Н. Дурново. Он мне отвечал: «Вы жестоко ошибаетесь. Это будет слабосильный деспот».

Мне жаль наследника, этого милого мальчика. Я давно говорю, что царю следует отказаться от престола в пользу сына. И вот нам 15 лет покою, потому что против мальчика никто не восстанет. Он действительно милый. Служили молебен. Когда провозглашали долголетие самодержавию и т. д., он молчал, но когда дело дошло до наследника-цесаревича, он вдруг закричал: «Уйя, уйя!» Царь сконфузился.

Из воспоминаний Мориса Палеолога:

9 (22) февраля 1916 года открытие сессии IV Государственной думы. В обширной зале с колоннами, где некогда Потемкин восхищал Екатерину своими великолепными празднествами, поставлен аналой для молебна. Депутаты стоят кругом тесными рядами….Император подходит к аналою; начинается служба; дивные песнопения, то широкие и могучие, то нежные и эфирные…

Император слушает службу со свойственным ему умилением. Он страшно бледен. Рот его ежеминутно подергивается, как будто он делает усилия, чтобы глотать. Более десяти раз трогает он правой рукой ворот – это его обычный тик; левая рука, в которой перчатка и фуражка, то и дело сжимается. Видно, что он сильно взволнован… Затем он произносит речь:

«Счастлив находиться посреди вас и посреди моего народа, избранниками которого вы здесь являетесь. Призывая благословление Божие на предстоящие вам труды, в особенности в такую тяжкую годину, твердо верую, что все вы и каждый из вас внесете в основу ответственной перед Родиной и передо Мной вашей работы весь свой опыт… и всю свою горячую любовь к нашему отечеству…»

Тяжело смотреть на Николая во время произнесения этой речи. Слова с трудом выходят из его сдавленного горла. Он останавливается, запинается после каждого слова. Левая рука лихорадочно дрожит; правая судорожно уцепилась за пояс. Последнюю фразу он произносит, совсем задыхаясь.

Из дневников Николая II:

1 ноября 1905 года. Познакомился с человеком Божиим Григорием из Тобольской губернии.

Из книги Александра Федоровича Керенского «Трагедия династии Романовых»:

Болезнь ребенка была практически неизлечимой. Но Александра Федоровна не из тех женщин, которые без борьбы смиряются с судьбой. Если молитвы бессильны, значит, она недостойна, чтобы Бог к ней прислушался. Она твердо знала, что вера способна горы переставлять. Признав тяжесть своих грехов, императрица искала святого, молитвы которого за нее и за сына Бог не отвергнет. Его надо было найти, чтобы Алексей – который, разумеется, будет жить – в один прекрасный день стал настоящим самодержцем. И вот из гущи народа, из самых низов, откуда она ожидала своего святого, явился Григорий Распутин.

Из воспоминаний Пьера Жильяра:

Именно тогда возле нее появился простой сибирский крестьянин Распутин и сказал: «Верь в силу моих молитв, верь в мою помощь, и сын твой будет жить!» Мать уцепилась за надежду, которую он ей дал, как тонущий хватается за протянутую руку, она поверила в него всем сердцем. Кстати, она долгое время была убеждена, что спаситель России и народа из народа же и придет. Она решила, что этот мужик послан Богом, чтобы спасти того, кто был надеждой всей нации. Сила ее веры довершила остальное, и путем простейшего самовнушения, которому способствовали некоторые совпадения, она убедила себя, что жизнь ее сына находится в руках этого человека. Распутин отлично понял душевное состояние отчаявшейся матери, надломленной неравной борьбой и, казалось, исчерпавшей лимит человеческого страдания. Он знал, как наилучшим способом воспользоваться этим, и с дьявольской изобретательностью сумел соединить собственную жизнь (по крайней мере, в представлении императрицы) с жизнью этого ребенка.

Соколов Николай Алексеевич (1882, с. Мокша Пензенской губ. – 23 ноября 1924, Сальбери) – юрист, судебный следователь по уголовным делам в Пензе. 6 февраля 1919 года А. В. Колчак назначил его главным следователем по делу об убийстве царской семьи. Из книги «Убийство царской семьи»:

Лжемонархисты распутинского толка пытаются нынче утверждать, что Распутин «благотворно» влиял на здоровье

Наследника. Неправда. Его болезнь никогда не проходила и не прошла, и он умер, будучи болен. (…) Лгать помогала Распутину сама болезнь Наследника. Она всегда была одна: он начинал страдать от травмы или от ушиба, появлялась опухоль, твердела, появлялись параличи, мальчик испытывал сильные муки. Около него был врач Деревенько. Наука делала свое дело, наступал кризис, опухоль рассасывалась, мальчику делалось легче. Состояние матери понятно. Веря в Распутина, она в силу целого комплекса психопатологических причин весь результат благополучного исхода относила не к врачу, а к Распутину. (…) Большая близость была между Распутиным и врачом Бадмаевым. (…) Жильяр говорит: «Я убежден, что, зная через Вырубову течение болезни (Наследника), он, по уговору с Бадмаевым, появлялся около постели Алексея Николаевича как раз перед самым наступлением кризиса, и Алексею Николаевичу становилось легче. Ее Величество, не зная ничего, была, конечно, не один раз поражена этим, и она поверила в святость Распутина…» Фрейлина Занотти показывает: «Я не могу Вам сказать, каково было влияние на здоровье Алексея Николаевича в первое посещение Распутина, но в конце концов у меня сложилось мнение, что Распутин появлялся у нас по поводу болезни Алексея Николаевича именно тогда, когда острый кризис его страданий уже проходил. Я, повторяю, в конце концов это заметила».

Юсупов (граф Сумароков-Эльстон) Феликс Феликсович-младший (11 (23) марта 1887, Петербург – 27 сентября 1967, Париж) – князь, сын последнего московского генерал-губернатора. Муж внучки Александра III, великой княгини Ирины Александровны. Убийца Григория Распутина. Из воспоминаний:

Гипнотическая власть Распутина была огромна. Я чувствовал, как неведомая сила проникает в меня и разливает тепло по всему телу. В то же время наступило оцепенение. Я одеревенел. (…) Постепенно погрузился в забытье, словно выпил сонного зелья. Только и видел перед собой горящий распутинский взгляд. Два фосфоресцирующих луча слились в огненное пятно, и пятно то близилось, то отдалялось. Я слышал голос «старца», но не мог разобрать слов. (…) Усилием воли я пытался гипнозу сопротивляться. Сила его, однако, росла, как бы окружая меня плотной оболочкой.

Из дневника Мориса Палеолога:

Среда, 24 февраля 1910. Сегодня днем, когда я наконец наношу визит г-же О., которая деятельно занимается благотворительными делами, внезапно с шумом открывается дверь гостиной….Это Распутин….Все выражение лица сосредотачивается в глазах, голубых, как лен, глазах со странным блеском, с глубиною, с привлекательностью. Взгляд в одно и то же время пронзительный и ласковый, открытый и хитрый, прямой и далекий. Когда его речь оживляется, можно подумать, что его зрачки излучают магнетическую силу. Он всюду влачит за собой тяжелый животный запах, подобный козлиному.

Из книги Николая Алексеевича Соколова «Убийство царской семьи»:

Руднев[21] считает Распутина бедняком, бессребреником. Не знаю, на чем он основывается. Мною установлено, что только в Тюменском отделении Государственного банка после его смерти оказалось 150 000 рублей.

Из воспоминаний Владимира Николаевича Коковцова:

Когда Распутин вошел ко мне в кабинет и сел на кресло, меня поразило отвратительное выражение его глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они были пристально направлены на меня, и Распутин долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие…

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

3 июня 1910. Императрица продолжает злиться на тех, кто ей в глаза говорит, что Распутин мошенник и проч. Поэтому фрейлину Тютчеву и старшую нянюшку Вишнякову отпустили на два месяца в отпуск.

Обе они восставали против Распутина, чтобы он не показывался в комнатах детей. На место Тютчевой теперь временно назначена Вырубова. Бедные дети!

Из книги Николая Алексеевича Соколова «Убийство царской семьи»:

У Наследника, когда он был еще маленьким ребенком, была няня Мария Ивановна Вишнякова, простая женщина. Занотти рассказывает: «Распутин соблазнил у нас няньку, Марию

Ивановну Вишнякову. Это была няня Алексея Николаевича. Распутин овладел ею, вступил с ней в связь. Мария Ивановна страшно любила Алексея Николаевича. Она потом раскаялась и искренне рассказала о своем поступке Императрице. Государыня не поверила ей. Она увидела в этом чье-то желание очернить Распутина и уволила Вишнякову. А то была самая настоящая правда, о которой она в раскаянии не таилась, и мнение это знали от нее же самой. Вишнякова сама мне рассказывала, что Распутин овладел ею в ее комнате, у нас во дворце. Она называла его „собакой“ и говорила о нем с чувством отвращения: Вишнякова тогда именно хотела открыть глаза на Распутина: какой это человек. Она хотела рассказать это и Государю, но не была допущена к нему».

Вырубова (Танеева) Анна Александровна (16 (28) июля 1884 – 20 июля 1964, Хельсинки) – фрейлина и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны, праправнучка фельдмаршала М. И. Кутузова. Горячая поклонница Григория Распутина. Из воспоминаний:

Принимали Распутина обыкновенно вечером, потому что это было единственное время, когда Государь был свободен….Все они по русскому обычаю троекратно целовались и потом садились беседовать. Он им рассказывал про Сибирь и нужды крестьян, о своих странствованиях. Их величества всегда говорили о здоровье Наследника и о заботах, которые в ту минуту их беспокоили. Когда после часовой беседы с семьей он уходил, он всегда оставлял Их Величества веселыми, с радостными упованиями и надеждами в душе.

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

20 марта 1910 года. Сегодня много интересного, но грустного, даже возмутительного слышала о Григории Ефимовиче Распутине, этом пресловутом «старце», который проник в «непроникновенные» места. Газеты разоблачают этого «старца», но на высоких его покровителей эти разоблачения не производят впечатления, они им не верят, и двери их открыты этому проходимцу….В Царском Селе все служащие во дворце возмущены против «Ефимова», его нахальством, поведением, но сильную поддержку он имеет в самой царице. Этого дрянного человека допускают во всякое время во дворец… Когда слуга хозяина стал ему говорить, что это распутный мужик, что горько думать, что хозяин с ним говорит, и проч., он получил ответ,

что хозяину очень тяжело слышать, что он неверующий, что кощунствует, и проч. (…)

13 сентября 1911. Мельком слышала рассказ, что Распутин был у царицы в Киеве, был ею вызван из Петербурга. Боже! Это что-то умопомрачительное! Это поистине кошмарно, что творится вокруг бедного царя. Царь едет в Чернигов, в это время царица принимает Распутина и, того гляди, вызывала этого мужика для совета, как заместить Столыпина, убитого не кем иным, как охранкой…

Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865 – 17 (30) декабря 1916, Петербург) – последний фаворит императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, авантюрист. Убит князем Ф. Ф. Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем, В. М. Пуришкевичем и доктором С. Лазовертом. Из письма Григория Распутина Николаю II и Александре Федоровне во время его паломничества в Палестину (написано кем-то из его окружения, возможно, Манасевичем-Мануйловым):

Окончил путешествие, прибыл в град святой Иерусалим переднею дорогою….Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила бессильны – невозможно, да и слезы у всякого поклонника с радостью потекут…

…О, какое впечатление производит Голгофа! Тут же в храме Воскресения, где Царица Небесная стояла, на том месте сделана круглая чаша, и с этого места Матерь Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на кресте. Как взглянешь на то место, где Матерь Божия стояла, поневоле слезы потекут и видишь перед собой, как все это было.

…Боже, не будем более грешить, спаси нас Своим страданием!..А всякий грех все равно что пушечный выстрел – все узнают…

Симанович Арон Самуилович (1873, Киев – 1978, Монровия) – купец II гильдии, ювелир, личный секретарь Григория Распутина. После Второй мировой войны жил в Либерии. Дружил с президентом Либерии Табменом. Из воспоминаний:

Распутин вел себя в аристократических салонах с невозможным хамством….Он нарочно показывал свою мужицкую грубость и невоспитанность.

Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всесильные министры и высокопоставленные лица ухаживали за пьяным мужиком.

Он обращался с ними хуже, чем с лакеями и горничными. По малейшему поводу он ругал этих аристократических дам самым непристойным образом и словами, от которых покраснели бы конюхи. Его наглость была неописуема.

К дамам и девушкам из общества он относился самым бесцеремонным образом, и присутствие их мужей и отцов его нисколько не смущало. Его поведение возмутило бы самую отъявленную проститутку, но, несмотря на это, почти не было случаев, когда кто-нибудь показывал свое возмущение. Все боялись его и льстили ему. Дамы целовали его испачканные едой пальцы и не гнушались его черных ногтей. Он не употреблял столовых приборов и за столом руками распределял среди своих поклонниц куски пищи, и те старались уверить его, что для них это блаженство. Было отвратительно наблюдать такие сцены. Но гости Распутина привыкли к этому и все это принимали с беспримерным терпением.

Из дневника Александры Викторовны Богданович:

18 февраля. Управляет теперь Россией не царь, а проходимец Распутин, который громогласно заявляет, что не царица в нем нуждается, а больше он, Николай. Тут же показывает письмо к нему, Распутину, царицы, в котором она пишет, что только тогда успокаивается, когда приклонится к его плечу. Эти подробности сегодня рассказал Шелькинг, который провел целый вечер с Распутиным у m-me Головиной, где было много разных лиц, кроме Шелькинга, и где женщины все с подобострастием глядели на Гришку. Когда вошел Шелькинг, Гришка пошел ему навстречу, сказав, что больше любит мужчин, чем женщин. Жаловался, что пресса на него нападает, что он готов уехать, но нужен здесь «своим». Под словом «свои» он подразумевает царскую семью.

Из письма Александры Федоровны Николаю II от 11 января 1916 года:

Не сочти меня помешанной за мою бутылочку, но наш Друг (Распутин. – Н. Е.) прислал ей (Анне Вырубовой. – Н. Е.) вина со своих именин, и мы все выпили по глотку, а это я отлила для тебя – кажется, мадера. Я проглотила ему в угоду (как лекарство). Ты сделай то же, пожалуйста, хотя бы тебе и не понравилось: вылей в рюмку и выпей все за его здоровье, как и мы!

Из воспоминаний Владимира Николаевича Коковцова:

Распутин – типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад простеца и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту. По внешности ему недоставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине. По замашкам это человек, способный на все. В свое кривляние он, конечно, не верит, но выработал себе твердо заученные приемы, которыми обманывает как тех, кто искренне верит всему его чудачеству, так и тех, кто надувает его самого, имея на самом деле в виду только достигнуть через него тех выгод, которые не даются иным путем.

Самарин Александр Дмитриевич (30 января (11 февраля) 1868, Москва – 30 января 1932, Кострома) – русский общественный и церковный деятель, обер-прокурор Святейшего Синода (1915). В 1916 году уволен в отставку за критику Григория Распутина и его окружения. Участник Поместного собора РПЦ 1917–1918 годов. После Октябрьской революции продолжал активную церковную деятельность. Неоднократно арестовывался. Из воспоминаний:

Мои аргументы исчерпывались, а между тем цели они не достигали; государь молчал и, видимо, не считал их достаточными для того, чтобы согласиться на мой отказ. Тогда, после некоторой паузы, я сказал:

«Ваше Величество, есть еще одно обстоятельство, которое заставляет меня отказываться от должности обер-прокурора Синода. Хотя мне крайне тяжело его касаться, но я просил бы Вас, государь, дозволить мне высказать и его».

«Пожалуйста, говорите совершенно откровенно».

«Я хочу сказать о Распутине».

При этих словах государь опустил голову.

«Государь, вот уже несколько лет, как Россия находится под гнетом сознания, что вблизи Вас, вблизи Вашего семейства находится человек недостойный. Жизнь его хорошо известна в России, а между тем этот человек влияет на церковные и государственные дела. Это сознают многие епископы русской церкви, но не решаются высказать. (…) Есть факты, доказывающие, что его голос имеет значение для некоторых сановников. Он останавливается у товарища обер-прокурора Св. Синода Даменского, благодаря его влиянию посвящен в епископы тобольский архиерей Варнава».

«Он был, кажется, у Вас в Коломне?»

«Да, государь, он был там архимандритом. Жизнь его недостойная всем там известна, и я уверен, что ни один архиерей не считает его посвящение в епископы законным, а его теперешнее управление Тобольской епархией возбуждает смущение среди православного народа. Благодаря его влиянию удален в монастырь бывший саратовский епископ Гермоген».

«Нет, удаление епископа Гермогена не находится в связи с Распутиным. Он был очень резок в своих речах».

«Да, государь, он держался самостоятельно и высказывался смело и откровенно, но это, я полагаю, то, чего нужно теперь желать, у нас архиереи отвыкли говорить смело и откровенно».

«Совершенно верно… Послушайте, Самарин, ведь Вы признаете Ее Величество и меня людьми верующими?»

«Да, государь, не только я, но вся Россия счастлива этим сознанием».

«Как же мы могли бы допустить возле себя человека такого, каким изображают Распутина? Ведь мы не дети».

«Государь, это человек хитрый, несомненно, он при Вас является не таким, каким его знает Россия. Ведь то, что он делает не при Вас, у всех на виду, хотя бы в последний его приезд».

«Да, мне говорил Джунковский[22]».

«А между тем близостью к Вам, государь, он пользуется».

«Он у нас бывал, только редко».

«Государь, если каждому русскому человеку трудно молчать, зная обо всем этом, то каково же положение обер-прокурора Св. Синода? Молчание с его стороны было бы преступлением».

У государя показались слезы.

«Можно было бы удалить его из Петербурга», – сказал он.

«Государь, к этой мере уже прибегали, и пользы от нее не было. Тут нужна мера коренная, решительная, необходимо, чтобы все видели, что этому влиянию положен окончательный, бесповоротный конец».

(…) Наступило молчание. Государь поник головой. Через несколько секунд, показавшихся мне большим промежутком времени, государь сказал:

«Обдумав все, что Вы мне сказали, я все-таки прошу Вас принять должность обер-прокурора Св. Синода».

«Если, государь, несмотря на все соображения, которые я привел, Вашему Величеству угодно, чтобы я принял должность обер-прокурора, мне ничего не остается, как подчиниться воле Вашего Величества».

Государь просиял; с одной стороны, ему было приятно, что я согласился, с другой – что кончился тяготивший его разговор. Он встал и трижды поцеловал меня. Я поцеловал его руку.

Из писем Александры Федоровны Николаю II:

Во время вечернего Евангелия я много думала о нашем Друге, как книжники и фарисеи преследовали Христа, утверждая, что на их стороне истина… Действительно, пророк никогда не бывает признан в отечестве. А сколько у нас причин быть благодарными, сколько молитв его было услышано! А там, где есть такой слуга Господа, лукавый искушает его и старается совратить его с пути истинного… Он живет для своего государя и России и выносит все поношения ради нас… Он великодушен и добр ко всем, каким был Христос… каким и должен быть истинный христианин. И раз ты находишь, что его молитвы помогают нам переносить испытания – а у нас было довольно примеров, – они не смеют говорить против Него, – будь тверд и заступись за нашего Друга! (…)Теперь, чтобы не забыть, я должна передать тебе поручение Друга (Распутина. – *Н. Е.*), вызванное его ночным видением. Он просит тебя начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застанем их врасплох и добьемся того, что они отступят.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (12 (24) августа 1870, Кишинев – 11 января 1920, Новороссийск) – русский общественный деятель. Один из создателей и руководителей черносотенных «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственных дум. Участник убийства Григория Распутина. Активный участник белогвардейского движения. Умер от тифа. Из речи в Думе 19 ноября 1916 года:

В былые годы, в былые столетья Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий в других условиях, опаснее того…

Из воспоминаний князя Феликса Феликсовича Юсупова (младшего):

Старец был доверчив и спокоен, где же его хваленое ясновидение? И что толку прорицать и читать в чужих мыслях, если ловушки самому себе разглядеть не умеешь? Сама судьба ослепила его, чтобы свершилось правосудие. (…)

Распутин глянул на меня удивленно, почти испуганно.

В глазах его я увидел новое, незнакомое мне выражение. Была в них покорность и кротость. Он подошел ко мне вплотную и заглянул в лицо….Я выстрелил.

Из воспоминаний Владимира Митрофановича Пуришкевича:

Перевернутый лицом вверх, он хрипел, и мне совершенно ясно было видно сверху, как у него закатился зрачок правого открытого глаза, как будто глядевшего на меня бессмысленно, но ужасно.

Елизавета Федоровна ((Елизавета Александра Луиза Алиса Гессен-Дармштадтская), 20 октября 1864, Дармштадт – 18 июля 1918, Алапаевск) – великая княгиня, старшая сестра императрицы Александры Федоровны. Жена московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. После убийства мужа 4 февраля 1905 года посетила в тюрьме убийцу, эсера И. П. Каляева. После 1905 года удалилась из светского общества. В 1909 году основала Марфо-Маришнскую обитель. Развернула широкую благотворительную деятельность. Добивалась восстановления древнего церковного института диаконис. Убита (сброшена в шахту) в Алапаевске 18 июля 1918. В 1992 году РПЦ причислила ее к лику святых. Телеграмма вел. кн. Елизаветы Федоровны вел. кн. Дмитрию Павловичу:

Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве… Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного.

Семейное счастье

Из книги Сергея Анатольевича Циона:

Глухою осенью 1894 г. днем по Невскому проспекту шел молодой офицер с задумчивыми печальными глазами. Офицер шел, не привлекая ничьего внимания, и благополучно миновал уже Милютины ряды, как вдруг перед ним выросла фигура градоначальника фон Валя. Он бешено мчался в своем экипаже по направлению от Зимнего дворца, зорко осматривая прохожих по Невскому. Увидев офицера, он выскочил из экипажа и, в упор глядя на смущенного офицера, тихо сказал ему:

«Это невозможно, Ваше Величество!»

«Но, генерал…»

«Это невозможно, Ваше Величество, я Вас умоляю вернуться во дворец…»

Моментально вокруг государя – офицер с печальными глазами был, действительно, не кто иной, как Николай, самодержец всероссийский, – и фон Валя собралась толпа. Царь продолжал идти по тротуару; фон Валь шел по проезду…

«Но, генерал, я вышел погулять…»

«Это невозможно, Ваше Величество…»

В это время из Зимнего же дворца прискакали адъютанты, окружили плотной цепью царя и повели в Аничков дворец к вдовствующей императрице…

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Путешествия по железной дороге вызывали крупные осложнения. (…) Сколько бумаг надо было составить!.. Дворцовая полиция: охрана во время пути. Железнодорожный батальон: охрана мостов и туннелей. Военное министерство: часовые на всем протяжении дороги. Министерство внутренних дел: кто и где будет представляться Их Величествам. Гофмаршальская часть: подготовка резиденции. Инспектор высочайших поездов: отход и приход поезда. Кабинет Его Величества: подарки, которые необходимо взять на всякий случай, так как никогда нельзя было знать заранее, где, кто и когда удостоится высочайшего подарка; в виде правила я возил с собой тридцать два сундука, наполненных портретами, ковшами, портсигарами и часами из всех возможных металлов и всех возможных цен. Приготовления осложнялись тем обстоятельством, что все переезды Их Величеств окружались великой таинственностью.

Государь и государыня терпеть не могли отвечать на вопросы, куда они поедут и когда и кого будут принимать. В полдень иногда я не знал еще, что поезд назначен на 3 часа пополудни… Приходилось поддерживать «дружеские» отношения с челядью: скороходами, горничными, лакеями, гоф-фурьерами… Они подбирали на ходу обрывки разговоров, и от них по телефону я узнавал, что́ царь и царица сказали насчет предстоящего путешествия. Эти услуги, конечно, не были бескорыстными. (…) В течение всего путешествия государь работал в своем вагоне. Если выходил в столовую для вечернего чая, то иногда оставался там с членами свиты: устраивалась партия домино; в случае проигрыша государь посылал лакея за деньгами, так как у него никогда не было денег в карманах. Царь даже мало знал цену деньгам. Вспоминаю по этому поводу инцидент в Скерневицах. Лошади понесли, и экипаж остановился только благодаря мужеству казака, который схватил коренника за узду и протащился по земле на довольно длинное расстояние, с явной опасностью для жизни. Государь приказал мне вознаградить казака.

«Дайте ему или золотые часы, или 25 рублей – по его выбору».

Я выдал смельчаку золотые часы и в письменном докладе указал на несоответствие стоимости часов с назначенной государем суммой.

«Это большой пробел в моем образовании, – сказал мне Император, смеясь. – Я не знаю, сколько что стоит, мне никогда ни за что не приходится расплачиваться деньгами».

Из воспоминаний великой княгини Ольги Александровны, записанных Й. Ворресом:

Императорская фамилия была сказочно богата – в особенности если мы вспомним о замороженных авуарах семьи. Помимо семи дворцов, наполненных сокровищами искусства, они владели драгоценностями, приобретенными за триста лет существования дома Романовых. Их стоимость, по самым скромным подсчетам, составляла сотни миллионов золотых рублей. В их числе был знаменитый бриллиант Орлова в 194, 5 карата весом, приобретенный графом Алексеем Орловым в Амстердаме в 1776 году и поднесенный им Екатерине II; бриллиант Шаха весом в 82 карата; «Горная Луна» – нешлифованный бриллиант 120 карат и «Полярная Звезда» – превосходный бледно-красный рубин 40 карат весом. (…) «Все эти сокровища представляли собой баснословный капитал,

к которому ни в коем случае нельзя было прикоснуться. Сомневаюсь, чтобы мог отыскаться покупатель хотя бы одного из этих сокровищ», – заявила Великая Княгиня Ольга Александровна. (…) Одним из источников доходов Императорской фамилии были удельные земли – Императорские имения, разбросанные по просторам империи. Сотни тысяч десятин земли были приобретены прозорливой Екатериной II в качестве меры, обеспечивающей благосостояние Императорской Семьи. В удельные земли входили имения, фруктовые сады, охоты, обширные леса, рыбные промыслы и виноградники. Самые доходные удельные земли находились на юге, в частности в Крыму. Их подлинная стоимость достигала астрономической суммы. Однако из-за неэффективного управления ими и хищений их доходность составляла немногим более 4 миллионов в год. Сумма кажется огромной, но лишь на первый взгляд. Финансовый год начинался 1 января. «Однако очень часто Ники испытывал материальные затруднения задолго до конца сметного периода», – отмечала Великая Княгиня Ольга Александровна. (…) Трудности, с которыми сталкивалась Императорская фамилия, постоянно усугублялись невероятной некомпетентностью чиновников. Император хотел приобрести гору Ай-Петри, находившуюся рядом с его имением Ливадия. Ай-Петри вместе с соседней землей принадлежала одному знатному семейству. В конце концов стороны договорились о цене – которая была огромной, – и владения перешли к новому хозяину. Но когда Император решил построить на Ай-Петри небольшой особняк, то выяснилось, что сделать он этого не вправе: уплаченная им сумма не подразумевала такого использования земли. «Помню, как рассердился Ники, – рассказывала Великая Княгиня, – но в скандальной этой истории было замешано столько влиятельных людей, что он решил махнуть на нее рукой».

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Государь особенно любил яхту «Штандарт». Построенная в Дании, она считалась лучшим из судов этого рода. (…) Командовали яхтой капитан 1-го ранга Чагин и старший офицер Саблин. Оба они могли гордиться теми сердечными отношениями, которые у них были с Их Величествами. В письмах, которые Государыня отправляла мужу в Ставку, постоянно упоминается имя Саблина. Чагин кончил жизнь трагически – самоубийством. По некоторым сведениям, женщина, с которой он был в связи, оказалась принадлежащей к группе эсеров-террористов. Верно ли это, не знаю.

Как только Высочайшие особы поднимались на «Штандарт», каждый из детей получал особого дядьку, то есть матроса, приставленного следить за личной безопасностью ребенка. Дети играли с дядьками, устраивали им разные каверзы, дразнили их… Младшие офицеры «Штандарта» мало-помалу присоединялись к играм Великих Княжон. Когда те выросли, игры превратились незаметно в ряд флиртов, конечно, вполне безобидных. Слово «флирт» я употребляю не в том вульгарном смысле, который ему теперь придают: офицеров «Штандарта» лучше всего было бы сравнить с пажами или рыцарями Средневековья. Много раз вся эта молодежь потоком проносилась мимо меня, и никогда я не слышал ни одного слова, могущего вызвать нарекания. Во всяком случае, эти офицеры были чудесно вышколены одним из их начальников, который, со своей стороны, считался кавалером Государыни. Надо отметить, что Великие Княжны – я говорю о том периоде, когда две старшие были вполне взрослыми барышнями, – часто разговаривали как 10–12-летние дети.

Из воспоминаний Пьера Жильяра:

Старшая из Великих княжон, Ольга, девочка 10 лет, очень белокурая, с глазками, полными лукавого огонька, с приподнятым слегка носиком, рассматривала меня с выражением, в котором, казалось, было желание с первой же минуты отыскать слабое место – но от этого ребенка веяло чистотой и правдивостью, которые сразу привлекали к нему симпатию.

Вторая, Татьяна, восьми с половиною лет, с каштановыми волосами, была красивее своей сестры, но производила впечатление менее открытой, искренней и непосредственной натуры. (…) Мария Николаевна была красавицей, крупной для своего возраста. Она блистала яркими красками и здоровьем; у нее были большие, чудные серые глаза. Вкусы ее были очень скромны; она была воплощенной сердечностью и добротой… Анастасия Николаевна была, наоборот, большая шалунья и не без лукавства. Она во всем быстро схватывала смешные стороны; против ее выпадов трудно было бороться. Очень ленивая, как это бывает иногда с очень способными детьми, она обладала прекрасным произношением французского языка и разыгрывала маленькие театральные сцены с настоящим талантом. Она… умела разгонять морщинки у всякого, кто был не в духе.

Из воспоминаний Александра Александровича Мосолова:

Сама Государыня становилась общительной и веселой, как только она ступала на палубу «Штандарта». Императрица участвовала в играх детей и подолгу разговаривала с офицерами. (…) Страдали ли офицеры «Штандарта» излишней светскостью? Об этом часто поговаривали в военно-морских кругах, особенно после печального инцидента с аварией «Штандарта». В один прекрасный день в финляндских шхерах внезапный толчок всполошил весь «Штандарт» в такой момент, когда этого менее всего ожидали. Яхта дала крен. Никто не мог предугадать, чем вся эта история кончится. Государыня бросилась к детям. Собрала их вокруг себя всех, кроме цесаревича: мальчика нигде не могли найти. Можно себе представить, какое волнение пережили родители в эту страшную минуту. Наконец яхта перестала крениться. Моторные лодки окружили ее со всех сторон. Царь побежал по палубе, крича, чтобы все искали цесаревича. Прошло немало времени, прежде чем обнаружили его местонахождение. Оказалось, что дядька Деревенько при первом же ударе о скалу взял его на руки и пошел на нос яхты, считая вполне правильно, что с этой части «Штандарта» ему будет легче спасать наследника в случае полной гибели судна.

Паника улеглась, и пассажиры сошли в шлюпки.

Возник вопрос об ответственности за происшедшее. Виноватым, очевидно, мог быть только финн лоцман, старый морской волк, ведший яхту в момент инцидента. Бросились к картам; оказалось – в этом не могло быть ни малейшего сомнения, – что скала, на которую сел «Штандарт», не была никому до сего известна.

В принципе отвечает за безопасность Их Величеств флаг-капитан. Таковым являлся адмирал Нилов, царь и бог на яхте.

После катастрофы поведение Нилова было таковым, что государь счел нужным пойти за ним в его каюту. Войдя не постучав, государь увидел, что Нилов рассматривает карту и держит в руке револьвер. Царь поспешил его успокоить, сказав ему, что избежать суда по закону невозможно, что суд должен, во всяком случае, быть созван; но оправдательный приговор является неизбежным, так как все сводится к слепой игре случая. Государь унес револьвер Нилова.

Теперь уже нет в живых ни одного из участников этой драмы. Инцидент с револьвером создал между царем и адмиралом род трогательной дружбы. Эта дружба всегда оставалась загадкой для тех, кто не знал ее источника и удивлялся ей, считая, что царь и адмирал были слишком не похожи друг на друга

по характеру, по воспитанию и по общей культурности.

Заговор молчания создался при дворе почти немедленно вокруг аварии «Штандарта». Всякий знал, что малейшая критика по адресу офицеров яхты вызвала бы немедленные санкции по адресу критикующего.

Офицеров выбирали на яхту с таким расчетом, чтобы они умели создавать атмосферу идиллии и сказки… Весьма возможно, что их технические познания были не вполне на уровне необходимого.

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

Осенью 1897 года царь и царица провели несколько недель (…) в Вольфсгартене и меня несколько раз приглашали туда или в Дармштадтский теннис-клуб, куда царь иногда приходил играть, в то время как царица сидела и наблюдала за играющими. Царь принял меня также и в частной аудиенции, где мы беседовали с ним о самых разнообразных предметах. Он начал с тенниса, перешел на охоту, рассказав об оленях, буйволах и диких кабанах, на которых он недавно охотился в Польше, о том, что самое большое число фазанов, которое он настрелял в один день, 1400 штук, что, по его мнению, совершенно достаточно. Когда разговор принял более политический характер, я заметил, что, согласно германской прессе, британское правительство преследует дальновидную макиавеллистскую политику с целью вызвать европейскую войну, между тем как, если говорить правду, у него вовсе нет определенной политики. (…) Царь засмеялся и сказал, что одним из недостатков парламентского образа правления является то обстоятельство, что политика сегодняшнего правительства может быть совершенно изменена завтрашним.

Из воспоминаний великой княгини Ольги Александровны, записанных Й. Ворресом:

В июле 1899 года в предгорье Кавказа, в Аббас-Тумане, скончался от туберкулеза Великий Князь Георгий Александрович. Узнав из телеграммы о кончине брата, Николай II сообщил печальное известие матери.

«Мама, Жоржа больше нет», – произнес он спокойно, и Императрица зарыдала. Великому Князю Георгию было 27 лет, и его смерть, по словам Великой Княгини Ольги Александровны, явилась невосполнимой потерей. Умный, великодушный, умевший располагать к себе людей, Великий Князь мог бы

оказать большую поддержку Николаю II. По мнению Ольги Александровны, из всех ее братьев Георгий наилучшим образом подходил на роль сильного, пользующегося популярностью царя. Она была убеждена, что если бы он был жив, то охотно возложил бы на свои плечи бремя Царского служения вместе с короной, от которой брат столь смиренно отказался в 1917 году. (…) «Жорж не должен был умереть. С самого начала доктора проявили свою некомпетентность. Они то и дело посылали его с одного курорта на другой. Они не желали признавать, что у него туберкулез. Только заявляли, что у Жоржа „слабая грудь“». Ольга Александровна рассказала, что брата нашла крестьянка. Он лежал на обочине дороги рядом с перевернувшимся мотоциклом. Умер он у нее на руках. Изо рта у него текла кровь, он кашлял и задыхался. Женщина, принадлежавшая к религиозной секте молокан, была доставлена в Петергоф, где поведала убитой горем Императрице-Матери о последних мучительных минутах жизни ее любимого сына.

«Мне запомнилась высокая, в черном платье и черной с белым накидке, женщина, приехавшая с Кавказа, которая молча скользила мимо фонтанов. Она походила на персонаж из какой-нибудь греческой трагедии».

Относительно кончины Великого Князя ходили самые зловещие слухи, но Великая Княгиня была уверена, что смерть его была вызвана легочным кровоизлиянием из-за тряски при езде на мотоцикле, кататься на котором ему было строго запрещено.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Царь был идеальным мужем и любящим отцом. Он хотел иметь сына. От его брака с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской у него родились в течение семи лет четыре дочери. Это угнетало его. Он почти что упрекал меня за то, что у меня от брака с его сестрой Ксенией в тот же промежуток времени родилось пятеро сыновей. Как это ни покажется малоправдоподобным, но мои отношения с Императрицей были далеки от сердечности по причине той же разницы пола наших детей! Однажды во дворце появился таинственный господин, «доктор Филипп» из Парижа. Он был представлен Царской чете «черногорками» – великими княгинями Милицей и Анастасией Николаевнами. Французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого шарлатана, но Царь и Царица придерживались другого мнения. Люди, которые хотят быть обманутыми, попадают впросак. Псевдонаучное красноречие

д-ра Филиппа достигло цели. Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказать влияние на пол развивающегося в утробе ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными медиками. Секрет его искусства заключался в сериях гипнотических пассов. После двух месяцев лечения он объявил, что Императрица находится в ожидании ребенка. Все придворные празднества были отменены. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского Царя. Прошло шесть месяцев. Императрица вдруг заболела острым нервным расстройством, и, несмотря на упорные протесты д-ра Филиппа, к постели больной были приглашены врачи. Они быстро и решительно поставили диагноз: ложная беременность. Доктор Филипп уложил свои чемоданы и уехал в Париж. Прошло два года, и 30 июля 1904 года Императрица разрешилась от бремени долгожданным сыном.

Из дневника Николая II:

30 июля 1904 года. Незабвенный, великий для нас день, в который так ясно посетила нас милость Божья.

Из дневника Алексея Сергеевича Суворина:

Сегодня мебельщик Михайлов говорил мне: «Еду с дачи по железной дороге. Разговор о новорожденном наследнике. Радуются. Вдруг какой-то господин очень громко говорит: „Странные какие-то русские. Завелась новая вошь в голове и будет кусать, а они радуются“. Все разом так и притихли. До чего вольно разговаривают, так просто удивительно».

Из дневника Николая II:

8 сентября 1904. Среда….Аликс и я были обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось до вечера из пуповины! Пришлось выписать Коровина и хирурга Федорова; около 7 часов они наложили повязку. Как тяжело переживать такие минуты беспокойства… День простоял великолепный.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Трех лет от роду, играя в парке, Цесаревич Алексей упал и получил ранение, вызвавшее кровотечение. Вызвали

придворного хирурга, который применил все известные медицине средства для того, чтобы остановить кровотечение, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало это кровотечение: гемофилия – наследственная болезнь Гессен-Дармштадтского рода.

Из воспоминаний Пьера Жильяра:

В сентябре 1912 года семья отправилась в Беловежскую Пущу, где они провели две недели, а затем – в Спалу, где хотели пробыть подольше. (…) Вскоре после этого императрица попросила меня начать заниматься с Алексеем Николаевичем. (…) Скоро наши занятия прервались на некоторое время, так как мальчик, который с самого начала показался мне не вполне здоровым, был вынужден остаться в постели. Я был потрясен его бледностью и тем, что его носили на руках, как будто он не мог ходить. Очевидно, болезнь, которой он страдал, обострилась, и его состояние ухудшилось. Несколько дней спустя поползли слухи о том, что состояние цесаревича внушает серьезные опасения и что из Петербурга были вызваны профессора Раухфусс и Федоров. Тем не менее жизнь продолжалась, охоты следовали одна за другой; гостей было еще больше, чем всегда. Однажды вечером две великие княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна разыграли две небольшие сценки из «Bourgeois Gentilhomme» («Мещанин во дворянстве») – зрителями были их величества, ближайшие придворные и несколько гостей. Я выполнял обязанности суфлера, спрятавшись за ширмой, которая одновременно служила кулисами. Слегка вытянув шею, я мог видеть, как царица, сидевшая в первом ряду, улыбалась и оживленно разговаривала с соседями. Когда представление закончилось, я вышел из боковой двери и оказался в коридоре прямо напротив комнаты Алексея Николаевича, откуда донесся стон. Неожиданно я заметил, что царица вскочила и побежала к комнате цесаревича. Я отшатнулся, давая ей пройти, но она даже не заметила моего присутствия. У нее был отсутствующий вид. Она была в панике. Я вернулся в столовую. Там все были оживлены и веселы. Лакеи в ливреях разносили гостям легкое угощение. Все смеялись и шутили. Вечер был в полном разгаре. Через несколько минут вернулась царица. Она вновь надела на себя маску счастливой и беззаботной хозяйки и заставила себя улыбаться собравшимся. Но я заметил, что император, по-прежнему участвовавший в общей беседе, занял позицию, с которой можно было наблюдать

за дверью. И еще я увидел, какой отчаянный взгляд бросила ему царица, войдя в комнату. Час спустя я вернулся к себе в комнату, глубоко опечаленный всем виденным, – я вдруг понял всю трагедию этой двойной жизни. Хотя состояние больного ухудшалось, жизнь в целом не претерпела внешних изменений. Единственное – мы реже стали видеть императрицу. Что касается императора, то ему удавалось скрывать свою тревогу и он продолжал участвовать в охотах, а на обеды по вечерам по-прежнему собирались многочисленные гости. 17 октября из Петербурга наконец прибыл профессор Федоров. (…) 20 октября Алексею Николаевичу стало еще хуже. На следующий день граф Фредерикс попросил у императора разрешения опубликовать бюллетень о состоянии здоровья наследника престола. В тот же день первый бюллетень был отправлен в Санкт-Петербург. Потребовалось вмешательство высшего сановника двора, чтобы было решено признать серьезность положения Алексея Николаевича. Почему царь и царица подвергли себя этой мучительной процедуре? Почему они заставляли себя появляться среди гостей с улыбками на лице, в то время как их единственным желанием было неотлучно находиться рядом со своим тяжелобольным сыном? Причина тому была проста: они не хотели, чтобы мир узнал о природе болезни наследника, и считали это, как я уже мог убедиться, государственной тайной. (…) Через несколько дней, в течение которых нас всех мучили дурные предчувствия, наступил кризис, после чего здоровье цесаревича постепенно пошло на поправку. (…) Поскольку состояние больного требовало постоянного наблюдения врачей, профессор Федоров послал за доктором Деревенко. С тех пор он неотлучно находился при цесаревиче. В это время в газетах очень много писали о болезни юного наследника, причем теории выдвигались самые невероятные. Я лично узнал правду из уст самого доктора Деревенко. (…) Он сообщил, что наследник страдает гемофилией – наследственным заболеванием, которое передается из поколения в поколение по женской линии, но только мальчикам. Он также сказал мне, что малейшая царапина может привести к смерти мальчика, поскольку его кровь не сворачивается, как у нормальных людей. (…) Вот такой ужасной болезнью страдал Алексей Николаевич. Его жизнь была под постоянной угрозой. (…) Однажды я наблюдал мать у изголовья больного. Он провел очень беспокойную ночь. Доктор Деревенко нервничал, так как кровотечение все не останавливалось, а температура поднималась. Воспаление распространилось дальше, а боли усилились. Цесаревич жалобно стонал. Его голова покоилась

на руке матери, его тонкое бескровное личико было неузнаваемо. Временами он переставал стонать и повторял одно только слово: «Мама». В этом слове он выражал все свое страдание, все свое отчаяние. Мать целовала его волосы, лоб, глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания и удержать жизнь, которая покидала его. Подумайте только о мучениях матери, бессильной свидетельнице страданий своего сына, – матери, которая знала, что именно она является их причиной, что именно она «наградила» его болезнью, с которой не может справиться современная наука. Теперь только я понял темную трагедию ее жизни.

Из письма Николая II Александре Федоровне от 6 октября 1915 года:

Его (цесаревича Алексея. – Н. Е.) присутствие дает свет и жизнь всем нам – включая и иностранцев. Ужасно уютно спать друг возле друга; я молюсь с ним каждый вечер с той поры, как мы находимся в поезде; он слишком быстро читает молитвы, и его трудно остановить; ему страшно понравился смотр, он следовал за мною и стоял все время, пока войска проходили мимо, что было великолепно… Только в первый день Алексей завтракал с Жильяром в моей комнате, но потом он стал сильно упрашивать позволить ему завтракать со всеми. Он сидит по левую руку от меня и ведет себя хорошо, но иногда становится чрезмерно весел и шумен, особенно когда я беседую с другими в гостиной. Им это приятно и заставляет их улыбаться. Перед вечером мы выезжаем в моторе (по утрам Алексей играет в саду) либо в лес, либо на берег реки, где мы разводим костер, а я прогуливаюсь около. Я поражаюсь, как много он может и желает ходить, а дома не жалуется на усталость. Спит он спокойно, я тоже, несмотря на яркий свет его лампадки.

Часть III
Смерть Николая Александровича (1914–1918)

Первая мировая война

Из письма В. И. Ленина А. М. Горькому от 25 января 1913 г.:

Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие.

Из дневника Мориса Палеолога:

20 июля 1914 года. После нескольких общих фраз император выражает мне свое удовольствие по поводу приезда президента Республики. «Нам надо поговорить серьезно, – говорит он мне. – Я убежден, что по всем вопросам мы сговоримся… Но есть один вопрос, который особенно меня занимает: наше соглашение с Англией. Надо, чтобы мы привели ее к вступлению в наш союз. Это был бы залог мира». – «Да, государь, тройственное согласие не может считать себя слишком сильным, если хочет охранить мир». – «Мне говорили, что Вы лично обеспокоены намерениями Германии?» – «Обеспокоен? Да, государь, я обеспокоен, хотя у меня нет теперь определенной причины предсказывать немедленную войну. Но император Вильгельм и его правительство допустили создаться в Германии такому состоянию духа, что, если возникнет какой-нибудь спор в Марокко, на Востоке, безразлично где, они не смогут более ни отступить, ни мириться. Какой бы то ни было ценой, им будет необходим успех. И чтобы его получить, они бросятся в авантюру». Император на минуту задумывается: «Я не могу поверить, что император Вильгельм хочет войны. Если бы Вы знали его как я. Если бы Вы знали, сколько шарлатанства в его позах».

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

11 июля 1905 года Император Николай II пригласил Германского Императора к завтраку на борту Императорской яхты «Полярная Звезда», которая стояла в Бьерке. Кузен Вили решил соединить приятное с полезным и захватил с собой подробно разработанный проект русско-германского союза. Но, бросив взгляд на этот серьезный документ, кузен Никки смутился.

«Если ты интересуешься моим мнением, – сказал

Вильгельм, – то должен тебе сказать, что это очень высокая политика. Этот акт принесет благо не только нашим странам, но и всему миру».

«Да, это очень хороший проект», – вежливо согласился хозяин.

«Ты подпишешь его, Никки?»

«Я подумаю. Оставь мне его. Я, конечно, должен буду показать его моему министру иностранных дел».

«Слушай, Никки», – начал Вильгельм II, и Николай II опустил голову. Красноречие Вильгельма пользовалось мировой известностью. Государь попробовал переменить тему разговора. Эффекта не последовало. «Потсдамский оратор» произнес блестящую речь, после которой оставалось или же высказаться о договоре отрицательно, или же подписать договор. Вежливость Николая II превозмогла в нем стремление подражать во всем отцу, он протянул руку за пером.

«Вот и прекрасно, – обрадовался Вильгельм. – Еще одна маленькая формальность, и величайший в истории договор будет реальностью. Но кто засвидетельствует твою подпись? Кто-нибудь из твоих министров есть на борту?»

«Я попрошу завтра это сделать министра иностранных дел графа Ламздорфа».

«Но, если не ошибаюсь, я видел по дороге в твой кабинет морского министра, адмирала Бирилева?»

«Да, он тут, но я предпочел бы подпись Ламздорфа».

Последовал новый взрыв красноречия Вильгельма II, и адмирала Бирилева вызвали в кабинет. Николай II был настолько уверен, что аннулирует этот импровизированный договор, как только вернется в Царское Село, что даже не разрешил морскому министру ознакомиться с содержанием документа.

«Адмирал, – сказал, краснея, Царь, – Вы мне верите?»

«Ваше Величество, можете быть уверенными, что я сделаю все для престола и родины».

«Хорошо. Тогда скрепите Вашей подписью этот документ. Я не могу дать Вам его для ознакомления. На это у меня есть свои причины».

Адмирал Бирилев поклонился и скрепил своей подписью Бьеркский договор. А потом в Берлин была отправлена нота, в которой указывалось, что в силу договоров, заключенных до сего времени с Францией, Россия не может вступить в какие-либо новые договорные отношения с Германией. Император Вильгельм II рвал и метал по адресу вероломства русского Царя. Можно с уверенностью сказать, что своевременный обмен

телеграммами между обоими царственными кузенами в июле 1914 года предотвратил бы мировую войну, не будь у Вильгельма II на душе того запаса горечи, которая накопилась у него за эти девять лет.

Из дневника Мориса Палеолога:

20 июля 1914 года. «Возможно, что я, в сущности, приписываю слишком много чести императору Вильгельму, когда считаю его способным иметь волю или просто принимать на себя последствия своих поступков. Но если бы война стала угрожающей, захотел ли бы и смог ли бы он помешать?» – «Нет, государь, говоря откровенно, я этого не думаю». Император остается безмолвным, пускает несколько колец дыма из своей папироски; затем решительным тоном продолжает: «Тем более важно, чтобы мы могли рассчитывать на англичан в случае кризиса. Германия не осмелится напасть на объединенную Россию, Францию и Англию, иначе как если совсем потеряет рассудок».

Письмо Вильгельма II Николаю II:

С глубоким сожалением узнал я о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии. Недобросовестная агитация, которая велась в Сербии в продолжение многих лет, завершилась гнусным преступлением, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Состояние умов, приведшее сербов к убийству их собственного короля и его жены, все еще господствует в стране. Без сомнения ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы других правителей, заставляют нас настаивать на том, чтобы все лица, морально ответственные за это жестокое убийство, понесли бы заслуженное наказание. В этом случае политика не играет никакой роли. С другой стороны, я вполне понимаю, как трудно тебе и твоему правительству противостоять силе общественного мнения. Поэтому, принимая во внимание сердечную и нежную дружбу, связывающую нас крепкими узами в продолжение многих лет, я употреблю все свое влияние для того, чтобы заставить австрийцев действовать открыто, чтобы была возможность прийти к удовлетворяющему обе стороны соглашению с тобой. Я искренно надеюсь, что ты придешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые все еще могут возникнуть.

Твой искренний и преданный друг и кузен Вилли.

Из воспоминаний Анны Александровны Вырубовой:

Эти дни я часто заставала государя у телефона (который он ненавидел и никогда не употреблял): он вызывал министров и приближенных, говоря по телефону внизу, из дежурной комнаты камердинера.

Телеграмма Николая II Вильгельму II 15 июля 1914 года:

Рад твоему возвращению. В этот особенно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мной, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут нас к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как Европейская война, я умоляю тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко.

Из дневника Мориса Палеолога:

…мой австро-венгерский коллега, граф Сапари – типичный венгерский дворянин, безукоризненный по манерам, посредственного ума, неопределенного образования. В течение двух месяцев он отсутствовал в Петербурге, вынужденный оставаться при больных жене и сыне. Он неожиданно вернулся третьего дня. (…) После нескольких слов сочувствия по поводу убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда президент Пуанкаре спрашивает у Сапари:

«Имеете ли Вы известия из Сербии?»

«Судебное следствие продолжается», – холодно отвечает Сапари.

Пуанкаре снова говорит:

«Результаты этого следствия не перестают меня занимать, господин посол». (…)

Сапари сухо возражает: «Мы не можем терпеть, господин президент, чтобы иностранное правительство допускало на своей территории подготовку покушения против представителей нашей верховной власти».

Самым примирительным тоном Пуанкаре старается доказать ему, что при нынешнем состоянии умов в Европе все правительства должны усвоить осторожность.

«При некотором желании это сербское дело легко может быть

покончено. Но так же легко оно может разрастись. У Сербии есть очень горячие друзья среди русского народа. И у России союзница – Франция. Скольких осложнений следует бояться!» (…) Когда мы остаемся одни, Пуанкаре нам говорит: «Я вынес дурное впечатление из этого разговора. Посол явно получил предписание молчать. Австрия готовит неожиданное выступление. Необходимо, чтобы Сазонов был тверд и чтобы мы его поддержали».

Телеграмма Вильгельма II Николаю II 16 июля 1914 года:

Я получил твою телеграмму и разделяю твое желание сохранить мир, но, как я уже говорил тебе в своей первой телеграмме, я не могу рассматривать выступление Австрии против Сербии как «позорную войну». Австрия по опыту знает, что сербские обещания на бумаге абсолютно не заслуживают доверия. По моему мнению, действия Австрии должны рассматриваться как желание иметь полную гарантию в том, что Австрия не стремится к каким-либо территориальным завоеваниям за счет Сербии. Поэтому я считаю вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть. (…) Конечно, военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией как угроза, ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем, и повредили бы моей позиции посредника, которую я охотно взял на себя, когда ты обратился к моей дружбе и помощи.

Телеграмма Распутина Николаю II:

Не затевай войну будет конец России и Тебе положим всех до последнего человека.

Письмо Николая II Вильгельму II от 17 июля 1914 года:

Дорогой Вилли!

Посылаю к тебе Татищева с этим письмом. Он будет в состоянии дать тебе более подробные объяснения, чем я могу это сделать в этих строках. Мнение России следующее:

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены – ужасное преступление, совершенное отдельными сербами. Но где доказательство того, что сербское правительство причастно к этому преступлению? Увы! Мы знаем из многих фактов,

что часто нельзя относиться с полным доверием к результатам следствия или решению судебных властей, в особенности если к делу примешиваются политические причины. (…)

Вместо того чтобы довести дело до сведения Европы и дать другим странам время ознакомиться с результатами всего следствия, Австрия предъявила Сербии ультиматум, дав срок 48 часов, и затем объявила войну. Вся Россия и значительная часть общества других стран считают ответ Сербии удовлетворительным: невозможно ожидать, чтобы независимое государство пошло дальше в уступках требованиям другого правительства. Карательные экспедиции могут предприниматься только в собственном государстве или в колониях. Поэтому война эта возбудила такое глубокое негодование в моей стране: будет очень трудной задачей успокоить здесь воинственное настроение.

Чем дальше Австрия зайдет в своей агрессивности, тем серьезнее окажется положение. К тебе, ее союзнику, я обращаюсь как к посреднику в целях сохранения мира.

Из дневника Мориса Палеолога. Николай II послу Франции:

Нет, нет… несмотря на всю видимость, император Вильгельм слишком осторожен, чтобы кинуть свою страну в безумную авантюру… А император Франц-Иосиф хочет умереть спокойно.

Телеграмма Вильгельма II Николаю II 17/30 июля 1914 года:

Очень благодарен за телеграмму. Не может быть и речи о том, чтобы слова моего посла были в противоречии с содержанием моей телеграммы. Графу Пурталесу было предписано обратить внимание твоего правительства на опасность и серьезные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация. То же самое я говорил в моей телеграмме к тебе. Австрия мобилизовала только часть своей армии и только против Сербии. Если, как видно из сообщения твоего и твоего правительства, Россия мобилизуется против Австрии, то моя деятельность в роли посредника, которую ты мне любезно доверил и которую я принял на себя по твоей усиленной просьбе, будет затруднена, если не станет совершенно невозможной. Вопрос о принятии того или другого решения ложится теперь всей тяжестью исключительно на тебя, и ты несешь ответственность за войну или за мир.

Из дневника Мориса Палеолога:

Прочитав эту телеграмму, Сазонов делает жест отчаяния: «Нам не избежать более войны. Германия явно уклоняется от посредничества, которое мы от нее просим, и хочет только выиграть время, чтобы закончить втайне свои приготовления. При этих условиях я не думаю, чтобы Ваше Величество могло более откладывать приказ об общей мобилизации»

Очень бледный и с судорогой в горле, император ему отвечает:

«Подумайте об ответственности, которую Вы советуете мне принять! Подумайте о том, что дело идет о посылке тысяч и тысяч людей на смерть!»

Сазонов возражает:

«Если война вспыхнет, ни совесть Вашего Величества, ни моя не смогут ни в чем нас упрекнуть. Ваше Величество и Ваше правительство сделали все возможное, чтобы избавить мир от этого ужасного испытания… Но сегодня я убежден, что дипломатия окончила свое дело. Отныне надо думать о безопасности империи. Если Ваше Величество остановит наши приготовления к мобилизации, то этим удастся только расшатать нашу военную организацию и привести в замешательство наших союзников. Война, невзирая на это, все же вспыхнет в час, желательный для Германии, и застанет нас в полном расстройстве».

После минутного размышления император произносит печальным голосом:

«Сергей Дмитриевич, пойдите телефонируйте начальнику главного штаба, что я приказываю произвести общую мобилизацию».

Телеграмма Николая II Вильгельму II 18/31 июля 1914 года:

Сердечно благодарен тебе за твое посредничество, которое начинает подавать надежду на мирный исход кризиса. По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления, которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово. Я верю в Божье милосердие и надеюсь на успешность твоего посредничества в Вене на пользу наших государств и европейского мира.

Из дневника Мориса Палеолога:

Приказ об общей мобилизации опубликован на рассвете. Во всем городе, как в простонародных, так и в богатых и аристократических домах, единодушный энтузиазм. На площади Зимнего дворца, перед Казанским собором раздаются воинственные крики «Ура!».

Телеграмма Вильгельма II Николаю II 18/31 июля 1914:

Вследствие твоего обращения к моей дружбе и твоей просьбе о помощи я выступил в роли посредника между твоим и Австро-Венгерским правительством. В то время, когда еще шли переговоры, твои войска были мобилизованы против Австро-Венгрии, моей союзницы, благодаря чему, как я уже тебе указал, мое посредничество стало почти призрачным. Тем не менее я продолжал действовать, а теперь получил достоверные известия о серьезных приготовлениях к войне на моей восточной границе. Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предварительные меры защиты. В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до возможных пределов, и ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его. Никто не угрожает могуществу и чести России, и она свободно может выждать результатов моего посредничества. Моя дружба к тебе и твоему государству, завещанные мне дедом на смертном одре, всегда была для меня священна, и я не раз честно поддерживал Россию в моменты серьезных затруднений. Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии.

Из дневника Мориса Палеолога:

В три часа дня германский посол испрашивает аудиенцию у императора, который просит его немедленно приехать в Петергоф. (…) Принятый тотчас же, он заявляет, что, если в течение 12 часов Россия не прервет своих мобилизационных мер как на германской, так и на австро-венгерской границе, вся германская армия будет мобилизована. Затем, глядя на часы, которые показывают двадцать пять минут двенадцатого, он прибавляет:

«Срок окончится завтра в полдень».

Телеграмма Вильгельма II Николаю II 19 июля / 1 августа

1914:

Благодарю за твою телеграмму. Вчера я указал твоему правительству единственный путь, которым можно избежать войны. Несмотря на то что я требовал ответа сегодня к полудню, я еще до сих пор не получил от моего посла телеграммы, содержащей ответ твоего правительства. Ввиду этого я был принужден мобилизовать свою армию. *Вилли.*

Из дневника Мориса Палеолога:

Сегодня в три часа дня я отправляюсь в Зимний дворец, откуда, согласно обычаю, император должен объявить манифест своему народу. Я – единственный иностранец, допущенный к этому торжеству как представитель союзной державы. (…) В благоговейной тишине императорский кортеж проходит через зал и становится слева от алтаря. Император приглашает меня занять место около него, желая таким образом «засвидетельствовать публично уважение верной союзнице, Франции». Божественная служба начинается тотчас же, сопровождаемая мощными и патетическими песнопениями православной литургии. Николай II молится с горячим усердием, которое придает его бледному лицу поразительное выражение глубокой набожности. Императрица Александра Федоровна стоит рядом с ним неподвижно, с высоко поднятой головой, с лиловыми губами, с остановившимся взглядом стеклообразных зрачков; время от времени она закрывает глаза, и ее багровое лицо напоминает мертвую маску.

Сазонов Сергей Дмитриевич (29 июля (10 августа) 1860 – 25 декабря 1927, Ницца) – российский государственный деятель. Министр иностранных дел в 1910–1916. Активный участник белого движения. Министр иностранных дел в правительстве А. В. Колчака. С его слов, записанных в дневнике Морисом Палеологом:

Следует ожидать, что в первые недели мы принуждены будем отступать, Вашему Величеству не следует подставлять себя под удары критики, которую это отступление неизменно вызовет в народе, а то и в армии.

Родзянко Михаил Владимирович (19 (31) марта 1859, с. Попасное Екатеринославской губ. – 24 января 1924, с. Беодра, Югославия) – российский политический деятель. Один

из основателей партии октябристов. Председатель III и IV Государственной дум. Из записанного в дневнике Морисом Палеологом:

Война внезапно положила конец всем нашим внутренним раздорам. Во всех думских партиях помышляют только о войне с Германией.

Из воспоминаний Мориса Палеолога:

…народная толпа бросилась на германское посольство и разграбила его до основания. Расположенное на самой главной площади города, между Исаакиевским собором и Мариинским дворцом, германское посольство представляет собою колоссальное здание. (…) Чернь наводнила особняк, била стекла, срывала обои, протыкала картины, выбросила в окно всю мебель, в том числе мрамор и бронзу эпохи Возрождения, которые составляли прелестную частную коллекцию Пурталеса. И, чтобы кончить, нападавшие сбросили на тротуар конную группу, которая возвышалась над фасадом. Разграбление продолжалось более часу, под снисходительными взорами полиции.

Из дневника Мориса Палеолога:

Витте приехал в Санкт-Петербург из Биаррица и позавчера навестил меня. Он напомнил мне о нашей встрече осенью 1905 года и сразу же вступил со мной в дискуссию: «Эта война – сумасшествие! Она была навязана царю вопреки его благоразумию глупыми и недальновидными политиканами. (…) Наш престиж на Балканах, наш религиозный долг защищать своих кровных братьев, свою историческую и священную миссию на Востоке! Но это же романтическая, устаревшая химера! (…) Даже если мы допустим, что наша коалиция одержит полную победу, а Гогенцоллерны и Габсбурги снизойдут до того, что запросят мира и согласятся с нашими условиями, то это будет означать не только конец господства Германии, но и провозглашение республики повсюду в Восточной Европе. Это будет означать одновременный конец царизма! Я предпочитаю умалчивать относительно того, что может нас ожидать в случае принятия гипотезы нашего поражения. (…) Мои практические выводы заключаются в том, что мы должны покончить с этой глупой авантюрой как можно быстрее».

Гиппиус Зинаида Николаевна (8 (20) ноября 1869, Белев –

9 сентября 1945, Париж) – русская поэтесса, мемуаристка. Из дневника:

Что писать? Можно ли? Ничего нет, кроме одного – война! Не японская, не турецкая, а мировая. Страшно писать о ней мне здесь. Она принадлежит всем, истории….Да и я, как всякий современник, не могу ни в чем разобраться, ничего не понимаю, ошеломленная….Кажется, что все разыгралось в несколько дней. Но, конечно, нет. Мы не верили потому, что не хотели верить. Но если бы не закрывали глаз…

Ленш Пауль (31 марта 1873 – 18 ноября 1926) – немецкий социал-демократ. Депутат рейхстага. Издавал вместе с Парвусом[23] журнал «Die Glocke» («Колокол»). Доказывал, что мировая война и есть чаемая Карлом Марксом мировая революция. Из книги «Война и германская социал-демократия»:

Война кладет конец видимости, помогает настоящему отобрать свои права у прошлого, война выговаривает ясно и четко не то, что было, но то, что есть. Это мировая революция, это крах складывающейся с 16-го века системы баланса сил в Европе и во всем мире.

Путилов Алексей Иванович (24 июня 1866 – после 1937) – русский промышленник и финансист. Из записанного в дневнике Морисом Палеологом:

Дни царской власти сочтены; она погибла, погибла безвозвратно… Отныне революция неизбежна… Революция может быть большим счастьем для народа, если, разрушив, она сумеет построить вновь. С этой точки зрения, революции во Франции и в Англии кажутся мне скорее благотворными. У нас же революция может быть только разрушительной, потому что образованный класс представляет в стране лишь слабое меньшинство, лишенное организации и политического опыта, не имеющее связи с народом… Сигнал к революции дадут, вероятно, буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая этим спасти Россию. Но от буржуазной революции мы перейдем к революции рабочей, а немного спустя к революции крестьянской. Тогда начнется ужасающая анархия, бесконечная анархия.

Маркс Карл Генрих (5 мая 1818, Трир – 14 марта 1883, Лондон) – немецкий философ, экономист, революционер. Из статьи

«Об освобождении крестьян в России»:

Тогда настанет русский 1793 год. Господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным, но зато вместо фальшивой цивилизации, внедренной Петром, будет установлена общечеловеческая цивилизация…

Распутин Григорий Ефимович императрице Александре Федоровне. Из дневника Мориса Палеолога:

Слишком много мертвых, раненых, вдов, сирот, слишком много разорения, слишком много слез… Подумай о всех несчастных, которые более не вернутся, и скажи себе, что каждый из них оставляет пять, шесть, десять человек, которые плачут… Я знаю деревни, большие деревни, где все в трауре… А те, которые возвращаются с войны, в каком состоянии… Это ужасно! Двадцать лет на русской земле будут пожинать одно только горе!

Из воспоминаний Анны Александровны Вырубовой:

Стоя за хирургом, государыня, как обычная операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем и стойко вынося запахи и ужасные картины военного госпиталя. Она оказалась прирожденной сестрой милосердия.

Раупах Роман Романович, фон (20 ноября (2 декабря) 1870, Петербург – 20 декабря 1943, Хельсинки) – юрист, помощник прокурора Петербургского военно-окружного суда. Полковник. Член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Сыграл главную роль в освобождении генерала Л. Г. Корнилова из Быховской тюрьмы в ноябре 1917 года. В декабре 1917 года выехал в Финляндию. Из воспоминаний:

В начале войны мы обладали твердым, послушным и храбрым солдатом, в особенности в тех случаях, когда его вел за собой офицер. Была дисциплина, был порыв, и неправда, что наших солдат гнали в бой палками и плетьми. Нет, было сознание долга, было единение между солдатом и офицером. Безграмотный, темный, совершенно неспособный к самостоятельному мышлению, русский солдат умел умирать, но побеждать он не умел. Только очень немногие из них, от природы смышленые, после нескольких месяцев сидения в окопах научились воевать.

(…) К этому органическому, так сказать, недостатку нашей армии прибавился другой, технический – снарядный голод. Уже через шесть месяцев после начала войны наша артиллерия стала экономить снаряды. К февралю 1915 года гора Козюва, бывшая ключом нашей позиции на Карпатах, защищалась одной батареей, выпускавшей в лучшем случае 6–8 снарядов в день, и это в то время, когда немцы беспрерывным огнем тяжелой артиллерии буквально сметали наши окопы. Патроны выдавались защитникам Козювы по счету, и подготовленные артиллерийским огнем ежедневные атаки неприятеля нашим солдатам приходилось отражать голыми штыками. Во мне (…) это зрелище шедших на убой безоружных людей вызывало такое негодование и такую жгучую ненависть к бесстыдным виновникам этой длившейся месяцами бойни, что я поражался, как солдаты тогда уже не взбунтовались и как могли терпеть это гнусное издевательство и безропотно идти на смерть.

Из письма Александры Федоровны Николаю II:

17 ноября 1914 года.…Вчера присутствовала при перевязке. Ужасный вид, раненый прижался ко мне и держался спокойно, бедное дитя…

20 ноября 1914 года. Сегодня утром мы присутствовали (я, по обыкновению, помогала подавать инструменты, Ольга продевала нитки в иголки) при нашей первой большой ампутации (рука была отнята у самого плеча)….Мне пришлось перевязывать несчастных с ужасными ранами, они едва ли останутся мужчинами в будущем, так все пронизано пулями… Я все промыла, почистила, помазала йодинолом, покрыла вазелином, подвязала – все это вышло вполне удачно.

Из воспоминаний Романа Романовича фон Раупаха:

Командовавший во время войны последовательно дивизией, корпусом и VII армией генерал Селивачев в своем дневнике 18 марта 1917 года записывает, что интендант полковник Каминский, возвращаясь из Петербурга на фронт, ехал среди матросов Гвардейского экипажа, которые рассказывали ему, что «на царской яхте „Штандарт“ они часто подглядывали в каюту Государыни Александры Федоровны, когда она была в объятьях то одного, то другого офицера, получавших за доставлявшееся ей удовольствие флигель-адъютантство или другие награды. Охотница до наслаждений Венеры она была большая». Приведя этот рассказ, генерал Селивачев уже от себя патетически

восклицает: «И это в то время, когда всякий вход женщин на военный корабль воспрещен!» В записи от 7 марта он отмечает, что «одна из служивших в Царском Селе сестер милосердия слышала, будто бы из дворца был проведен кабель в Берлин, по которому Царица передавала Вильгельму буквально все наши военные тайны. (…) Какими жертвами платил народ за подобное предательство!» Не много ли страшнее подумать, какие жертвы должна была нести VII армия, руководимая начальником, способным верить подобным нелепостям.

Бубнов Александр Дмитриевич (1883, Варшава – 2 февраля 1963, Крань, Словения) – русский военно-морской деятель. Контр-адмирал. Участник русско-японской войны. Во время Первой мировой войны занимал должность начальника морского управления в Ставке Верховного Главнокомандования. Из воспоминаний:

Личный состав, который при вступлении своем в должность Верховного Главнокомандующего великий князь застал на высших командных постах в армии, к сожалению, во многих случаях далеко не отвечал своему назначению. Особенно неудовлетворительным был высший командный состав Северо-Западного фронта в лице его главнокомандующего генерала Жилинского и командующих армиями этого фронта: I-й генерала Ренненкампфа и II-й генерала Самсонова, что и было одной из причин происшедших в начале войны на этом фронте катастрофы армии генерала Самсонова и разгрома армии Ренненкампфа. (…) Карьере генералов Самсонова и Ренненкампфа положили начало «лихие» их действия во главе конных отрядов во время «боксерского» восстания в Китае 1901 года и во время Японской войны. Но командные их способности не шли далее начальника кавалерийской дивизии, что ясно обнаружилось в самом начале войны и имело решительное влияние на ход наших операций в Восточной Пруссии. Оба они не имели представления о руководстве крупными армейскими соединениями в условиях современной войны и применяли к этому руководству методы управления небольшим конным отрядом. В критические минуты они отрывались от своих штабов и совершенно выпускали из своих рук оперативное руководство; при этом не умели поддерживать связь по фронту и организовывать разведку, действовали вслепую и неожиданно оказывались лицом к лицу с внезапно создавшейся катастрофической для них обстановкой. (…) Причинами несоответствия своему назначению части высшего командного

состава были, с одной стороны, система выдвижения на командные должности, при коей решающую роль нередко играли не стратегические способности, а «лихость», «беззаветная преданность» и ханжество; с другой же стороны, неудовлетворительно поставленная перед войной теоретическая и практическая подготовка командного состава. (…) Только этим и можно объяснить нахождение на посту командира 1-го корпуса генерала Артамонова, сыгравшего такую печальную роль в катастрофе Самсоновской армии, карьера которого была основана на рассказах о том, как он «переплывал» при экспедиции в Абиссинию «Нил на крокодиле», а упрочилась перед войной (…) строгим требованием, чтобы во всех помещениях подчиненных ему войсковых частей были иконы и лампады.

Из воспоминаний Романа Романовича фон Раупаха:

Обоснованная оценка боевых способностей нашего высшего командного состава выходит за пределы моей компетентности, но в творчестве военных операций и их проведения бездарность руководителей была настолько очевидной, что ее видел и не вооруженный специальными знаниями наблюдатель. Успехи у нас были только там, где они обуславливались качествами солдата и младшего командного состава – упорных в обороне и мужественных в открытых полевых наступлениях. Все более или менее крупные *маневренные* операции неизменно оканчивались полным провалом. Таковы создавшая славу Гинденбургу операция под Танненбергом, позорный маневр генерала фон Ренненкампфа, нелепое форсирование Карпат, весеннее наступление 1916 года. (…) Удалялись начальники дивизий, командиры корпусов, командующие и главнокомандующие, но положение вещей оставалось неизменным: одно позорное поражение сменялось другим, еще более позорным. А между тем спрос на победы и трофеи был огромный, и так как материала для его удовлетворения не имелось, то очень скоро развелась склонность к дутым и ложным донесениям. Прочтя отчет сражения в Августовском лесу, где после боя мне удалось сделать много снимков, я, показывая их барону Бринкену, сказал, что число убитых немцев увеличено в отчете по крайней мере раз в двадцать. Он, смеясь, ответил: «А что их жалеть, ведь не свои, а неприятельские». И на основании такого рода донесений давались повышения, награды и создавались карьеры.

Из воспоминаний Пьера Жильяра. Николай II воспитателю

своего сына:

Вы не поверите, Жильяр, как тягостно мне пребывание в тылу. Мне кажется, что все здесь, даже воздух, которым дышишь, ослабляет энергию, размягчает характер. Самые пессимистические слухи, самые неправдоподобные известия встречают доверие и облетают все слои общества. Здесь заняты лишь интригами и мелкими интересами; там же дерутся и умирают за родину… Всякий человек, способный носить оружие, обязан быть в армии. Что касается меня, то я не могу дождаться минуты, когда присоединюсь к моим войскам!

Из воспоминаний Романа Романовича фон Раупаха:

Ключ наших позиций на Карпатах, гора Козюва, возвышалась над ущельем, по которому проходила прорезавшая горный хребет дорога. Один склон этой горы почти до ее вершины был занят нашими, противоположный – немецкими окопами. Огонь немецкой тяжелой артиллерии делал подъем на гору совершенно невозможным, ночью же настолько затруднялся гололедицей, что несшие котлы с жидкой пищей солдаты разливали ее и часто были вынуждены, сделав уже полпути, возвращаться обратно за новой. Носильщики доходили до полного изнеможения, а не евшие сутки солдаты, жадно бросались на часть еды, дошедшую благополучно, производили невероятную свалку, сопровождая ее самой отъявленной руганью, а иногда и побоищем. Кроме того, масса пищи пропадала, и кашевары никогда не знали количества, в котором ее надо было заготавливать. Немцы такого рода затруднений не знали. На сапогах их солдат, убитых во время атак, имелось очень несложное железное приспособление, вполне устранявшее все муки гололедицы.

Из писем Александры Федоровны Николаю II:

10 июня 1915.…Если бы ты мог быть строгим, мой родной, это так необходимо, они должны слышать твой голос и видеть недовольство в твоих глазах. Они слишком привыкли к твоей мягкой, снисходительной доброте… Они должны казниться, дрожать перед тобой. Помнишь, мосье Филипп и Григорий (Распутин. – *Н. Е.*) говорили то же самое… Поэтому наш Друг боится твоего пребывания в Ставке, так как там тебе навязывают объяснения, и ты невольно уступаешь… На Н. (великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий, дядя царя. – *Н. Е.*)

лежит только забота об армии и победе – ты же несешь внутреннюю ответственность и за будущее, и, если он наделает ошибок, тебе придется все исправлять (после войны он будет никто). Нет, слушайся нашего Друга; верь ему, его сердцу дороги интересы России и твои….Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы!

12 июня 1915. Как бы я хотела, чтобы Н. был другим человеком и не противился Божьему человеку… Я боюсь назначений Н. – он далеко не умен, упрям, и им руководят другие….Не враг ли он нашего Друга, что всегда приносит несчастье?

14 июня 1915.…Посылаю тебе Его (Распутина. – *Н. Е.*) палку (рыба, держащая птицу. – *Н. Е.*), которую ему прислали с Нового Афона, чтобы передать тебе. Он употреблял ее, а теперь посылает тебе как благословение… Будь более самодержавен, мой друг, покажи свою волю!..Выставка-базар началась сегодня в Большом (Царскосельском. – *Н. Е.*) дворце на террасе….Наши работы (царицы и царских детей. – *Н. Е.*) все уже распроданы – правда, мы сделали их немного, но мы еще будем работать и пошлем туда. Продали более 2100 входных билетов по 10 коп. Раненые солдаты не платят, так как они должны видеть работы, которые сами делают. Я послала несколько наших ваз и две чашки, потому что они всегда привлекают публику.

Из воспоминаний Александра Дмитриевича Бубнова:

По своим личным качествам великий князь Николай Николаевич был выдающимся человеком, а среди членов императорской фамилии представлял собой отрадное исключение. По природе своей честный, прямой и благородный, он соединял в себе все свойства волевой личности, т. е. решительность, требовательность и настойчивость. Причем эти свойства проявлялись в нем иногда в чрезмерной форме, создававшей ему репутацию подчас суровой строгости. Все – не исключая министра и высших чинов государства – его побаивались, а нерадивые и неспособные люди его панически боялись. (…) Помимо этого, великий князь, пройдя все ступени военной иерархии, был истинным знатоком военного дела, которое он искренно любил и которому посвятил всю свою жизнь. Имея высшее военное образование, он отдавал себе ясный отчет в задачах высшего командования и руководства военными операциями, чему способствовало продолжительное пребывание его в должности командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, а незадолго до войны

и на должности председателя Совета Государственной Обороны. (…) Государыня издавна не любила великого князя, потому что видела в нем волевую личность и потому, что до нее доходили слухи о его огромной популярности, которую она считала опасной для престола. Эту мысль она внушала Государю с самого начала войны. (…) Презрение великого князя к Распутину было также известно Государыне. Его ответ на попытку Распутина приехать в Ставку для благословления войск: «приезжай – повешу», был слишком распространен народной молвой (…), что не мог не дойти до Государыни. Однако вряд ли великий князь мог привести такую угрозу в исполнение, ибо никогда не решился бы нанести такой явный удар престижу царской семьи.

Из воспоминаний великого князя Александра Михайловича:

Смерть отца застала Николая командиром батальона Л.-гв. Преображенского полка в чине полковника, и всю свою жизнь он остался в этом сравнительно скромном чине. Это напоминало ему его беззаботную молодость, и он никогда не выражал желания произвести себя в чин генерала. Он считал недопустимым пользоваться прерогативами своей власти для повышения себя в чинах.

Из письма Александры Федоровны Николаю II от 24 июня 1915 года:

Когда ты возвращаешься? Сегодня 2 недели, как ты уехал, а кажется, что целый месяц (а наш Друг просил тебя не отлучаться на долгое время, – Он знает, что дела не пойдут как следует, если тебя там удержат и будут пользоваться твоей добротой). Поедешь ли ты, не предупреждая, в Белосток или Холм повидать войска? Покажись там до возвращения сюда – доставь им и себе эту радость! – Действ. Армия, слава Богу, не Ставка – ты наверное сможешь повидать войска. Воейков это устроит (не Джунк‹овский›). Никто не должен знать, только тогда это удастся. Скажи, что ты просто хочешь немного проехаться. Если бы я была там, я бы помогла тебе уехать. Моего любимца всегда надо подталкивать и напоминать ему, что он император и может делать все, что ему вздумается. Ты никогда этим не пользуешься. Ты должен показать, что у тебя есть собственная воля и что ты вовсе не в руках Н. и его штаба, которые управляют твоими действиями и разрешения которых ты должен спрашивать, прежде чем ехать куда-нибудь. Нет, поезжай

один, без Н., совсем один, принеси им отраду своим появлением. Не говори, что ты приносишь несчастье. (…) Извини, что я говорю с тобой так откровенно, но я слишком страдаю – я знаю тебя и Н. Поезжай к войскам, не говоря Н. ни слова. У тебя ложная, излишняя щепетильность, когда ты говоришь, что не честно не говорить ему об этом, – с каких пор он твой наставник и чем ты ему этим помешаешь? Пускай, наконец, увидят, что ты действуешь, руководясь собственным желанием и умом, который стоит их всех, вместе взятых. Поезжай, дружок, подбодри их всех, – теперь ожидаются тяжелые бои! Осчастливь войска своим дорогим присутствием, умоляю тебя их именем – дай им подъем духа, покажи им, за кого они сражаются и умирают, – не за Н., за тебя! Десятки тысяч никогда тебя не видали и жаждут одного взгляда твоих прекрасных, чистых глаз. Сколько народу туда проехало, тебя не смеют обманывать, будто туда нельзя пробраться. Но если ты скажешь об этом Н., шпионы в Ставке (кто?) сразу дадут знать германцам, которые приведут в действие свои аэропланы. Три простых автомобиля не будут особенно заметны. (…) Верь мне, я желаю твоего блага – тебя всегда надо ободрять, и помни – ни слова об этом Н., пусть он думает, что ты уехал куда-нибудь, в Бел. или куда тебе захотелось. Эта предательская Ставка, которая удерживает тебя вдали от войск…

Из воспоминаний Владимира Иосифовича Гурко (Ромейко-Гурко):

…темная клика, окружавшая Распутина и превратившая его в орудие достижения своих целей, усердно работала над упразднением влияния на государя великого князя Николая Николаевича. Ближайшей целью этой шайки – иначе назвать ее нельзя – было в то время внушение императрицы, а через ее посредство и государю подозрения в лояльности престолу великого князя. Сначала полусловами, а затем совершенно определенно стремятся они убедить императрицу, что при помощи своей популярности в войсках великий князь Николай Николаевич замышляет так или иначе свергнуть царя с престола и воссесть на нем самому. Единственным средством, способным, по утверждению этих лиц, предупредить готовящееся pronunciamento (военный переворот), является немедленное смещение великого князя, причем возможно это только при условии принятия государем верховного командования армиями лично на себя. Играя, как всегда, на мистических свойствах природы царской четы, Распутину и компании удается

внушить государю мысль, что долг царского служения повелевает царю делить с армией в тяжелые минуты ее горе и радости. Мысль эта падает на весьма благодатную почву. Стать самому во главе армии Николай II имел намерение еще при самом возникновении войны, и правительству стоило тогда большого труда убедить его отказаться от этого намерения. Под натиском Распутина, а в особенности царицы государь преисполняется этой мыслью, и, как это доказали последующие события, ничто не было в состоянии поколебать принятое им решение. Сведения о том, что государь решил сменить великого князя – верховного главнокомандующего, впервые достигли Совета министров в его заседании 6 августа. Под конец этого заседания, посвященного обсуждению других вопросов, военный министр Поливанов, все время хранивший упорное молчание, но выказывавший явные признаки крайней чем-то озабоченности, внезапно заявил, что он вполне сознательно нарушает приказание государя до времени не разглашать принятого им решения и считает своим долгом сообщить Совету, что Его Величество намерен в самом близком времени возглавить действующую армию. Известие это приводит господ министров в весьма возбужденное состояние; перебивая друг друга, хором высказываются они против принятого государем решения, приводя к этому множество разнообразных причин. Надо сказать, что такое же отношение к решению государя проявила и вся общественность, когда до нее дошла об этом весть. В основе такого отношения к решению государя крылись разнообразные причины. Одни тревожились за дальнейший ход военных действий, но в особенности страшились того громадного риска, который был сопряжен с принятием на себя государем военной ответственности как раз в тот момент, когда наше положение с каждым днем ухудшалось, причем предвиделась возможность захвата неприятелем любой из обеих столиц. Другие недовольны были главным образом устранением великого князя, завоевавшего симпатии передовой общественности. (…) Приблизительно такое же чувство испытывал и Совет министров, причем высказываемые министрами мотивы совпадали с мотивами, высказываемыми общественными кругами. Крайне болезненно отнеслись министры и к тому обстоятельству, что государь принял столь важное решение, не только предварительно с ними не посоветовавшись, но как бы тайком от них. Оказалось, однако, что председатель Совета уже знал про это решение. На упреки, обращенные к нему министрами по поводу того, что он утаил от них это важное обстоятельство, Горемыкин строго ответил: «Я не считал возможным разглашать то, что мне государь приказал хранить

в тайне. Я человек старой школы. Для меня высочайшее повеление закон». К этому Горемыкин прибавил: «Должен сказать, что все попытки отговорить государя будут все равно безрезультатны. Его убеждение сложилось уже давно. По словам Его Величества, долг царского служения повелевает монарху быть в момент опасности вместе с войсками, и когда на фронте почти катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть». Министры этими словами не убеждаются. «Надо протестовать, просить, умолять, настаивать, словом, исчерпать все доступные нам способы, – говорит Самарин и прибавляет: – Народ давно уже, со времени Ходынки и Японской войны, считает государя царем неудачливым, несчастливым. Наоборот, популярность великого князя прочна, и он является лозунгом, вокруг которого объединяются последние надежды. И вдруг смена главнокомандующего. Какое безотрадное впечатление и в обществе, и в народных массах, и в войсках».

Из письма Александры Федоровны Николаю II от 22 августа 1915 года:

Не нахожу слов, чтобы выразить тебе все то, чем наполнено сердце. Я жажду сжать тебя в своих объятиях и шептать слова любви и ободряющей ласки. Так тяжело отпускать тебя совершенно одного, но Бог очень близок к тебе, больше, чем когда-либо! Ты вынес один, с решимостью и стойкостью, тяжкую борьбу ради родины и престола. Никогда не видали они раньше в тебе такой решимости, и это не может не остаться бесплодным. Не беспокойся о том, что остается позади. Необходимо быть строгим и прекратить все сразу. Дружок, я здесь, не смейся над своей глупой, старой женушкой, но на мне надеты невидимые «брюки», и я смогу заставить старика быть энергичным. Говори мне, что делать, пользуйся мной, если я могу быть полезной. В такие времена Господь подает мне силу, потому что наши души борются за правое дело против зла. (…) Ты наконец показываешь себя государем, настоящим *самодержцем*, без которого Россия не может существовать! Если бы ты пошел на уступки, они бы еще больше вытянули из тебя. Единственное спасение в твоей твердости. Я знаю, чего тебе это стоит, и ужасно за тебя страдаю. Прости меня – умоляю, мой ангел, – что не оставляла тебя в покое и приставала к тебе так много! Но я слишком хорошо знала твой исключительно мягкий характер, и тебе пришлось преодолеть его на этот раз и победить, одному против всех. Это будет славная страница твоего царствования

и истории России – вся история этих недель и дней. Бог, который справедлив и около тебя, спасет твою страну и престол через твою твердость. (…) Молитвы нашего Друга денно и нощно возносятся за тебя к небесам, и Господь их услышит. Те, которые боятся и не могут понять твоих поступков, убедятся позднее в твоей мудрости. Это начало славы твоего царствования. Он это сказал – и я глубоко этому верю. Твое солнце восходит, и сегодня оно так ярко светит. И этим утром ты очаруешь всех этих взбалмошных людей, трусов, шумливых, слепых и узких (нечестных, фальшивых). И Твой Солнечный Луч появится около тебя, чтобы тебе помочь – твой родной сын. Это тронет все сердца, и они поймут, что ты делаешь и чего они смели желать – поколебать твой престол, запугивая тебя мрачными внутренними предзнаменованиями! (…) Не будь слишком добр (к Н.), так как это было бы непоследовательно: ведь были же вещи, за которые ты действительно был им недоволен. (…) Все к лучшему, как говорит наш Друг, худшее позади. (…) Если ты выедешь, я протелеграфирую нашему Другу сегодня вечером, чтобы он думал о тебе. Только поскорее назначь Н. – не надо колебаний, что вредно для дела (…) – решенное дело скорей успокаивает умы, даже если оно против их желания, – чем это ожидание и неясность и старание на тебя повлиять, – это очень мучительно. Я совершенно разбита и держусь только силою воли: они не должны подумать, что я подавлена и напугана, напротив, я спокойна и тверда. (…) Будь твердым до конца, дай мне быть в этом уверенной, иначе я совсем заболею от беспокойства. Тяжко и больно не быть с тобою, зная, что ты переживаешь! Встреча с Н. не будет приятной – ты ему верил, а теперь убеждаешься в правоте того, что наш Друг говорил столько месяцев тому назад, что он неправильно поступает по отношению к тебе, твоей стране, твоей жене. (…) Дружок, если ты услышишь, что я не совсем здорова, не пугайся – я так ужасно страдала, физически переутомилась за эти два дня и нравственно измучилась (и буду мучиться все время, пока в Ставке все не уладится и Н. не уйдет), – только тогда я успокоюсь. Когда я вблизи тебя, я спокойна. Когда мы разлучены, другие сразу же тобой овладевают. Видишь, они боятся меня и поэтому приходят к тебе, когда ты один. Они знают, что у меня сильная воля, когда я сознаю свою правоту – и теперь ты прав, мы это знаем, – заставь их дрожать перед твоей волей и твердостью. Бог с тобой и наш Друг за тебя, поэтому все хорошо, и позднее все тебя будут благодарить за то, что ты спас страну. Не сомневайся, верь и все будет хорошо. Все дело в армии, по сравнению с ней несколько забастовок ничто, так как они должны быть и будут подавлены.

Рескрипт Николая II об освобождении великого князя Николая Николаевича от должности главнокомандующего и принятии этой функции на себя:

23 августа 1915. Сего числа я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий. С твердой верой в милость Божию и с неколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш священный долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской.

Из дневника Мориса Палеолога:

«Я в отчаянии от этого решения, – говорил министр иностранных дел Сазонов. – …Не страшно ли думать, что отныне государь будет лично ответственен за все несчастья, которые нам угрожают? А если неумелость кого-нибудь из наших генералов повлечет за собою поражение, это будет поражение не только военное, но вместе с тем поражение политическое и династическое».

Из воспоминаний Сергея Юльевича Витте:

Кажется, в особенности увлекался Филиппом великий князь Николай Николаевич, который вообще был мистически тронут. Благодаря верчению столов и вызову духов он сошелся с купчихой Буреминой, с которой долго жил maritalement (в гражданском браке. – Н. Е.), а Буренина, кажется, на этом совсем помешалась. С тех пор он постоянно занимался шарлатанами мистицизма. Чтобы судить о его психологии, приведу такой разговор, который я однажды с ним имел. (…) Мы заговорили о Государе, и вдруг он мне задает такой вопрос:

«Скажите мне откровенно, Сергей Юльевич, как Вы считаете Государя – человеком или нет?»

Я ответил:

«Государь есть мой Государь, и я его верный на всю жизнь слуга, но хотя он самодержавный Государь, Богом или природой нам данный, он все-таки человек со всеми людям свойственными особенностями».

На это Великий Князь мне ответил:

«Видите ли, а я не считаю Государя человеком, он не человек и не Бог, а нечто среднее». Так мы с ним и расстались.

Из письма Николая II Александре Федоровне:

Н. (Николай Николаевич. – *Н. Е.*) вошел с доброй бодрой улыбкой и просто спросил, когда я прикажу ему уехать. Я таким же манером ответил, что он может оставаться на два дня; потом мы поговорили о вопросах, касающихся военных операций, о некоторых генералах, и это было все. В следующие дни за завтраком и обедом он был очень словоохотлив и в хорошем расположении духа, в каком мы редко его видели в течение многих месяцев….Но выражение лица его адъютантов было мрачное – это было даже забавно.

Из письма Александры Федоровны Николаю II:

Слава Богу, что все сделано и что заседания прошли благополучно! Христос с тобой, мой ангел, да благословит Он твои начинания и увенчает их успехом и победой внешней и внутренней!

Из воспоминаний Георгия Ивановича Шавельского:

Нельзя оспаривать, что отношение и высшего командного состава, и офицерства к Ставке летом 1915 года было определенно недоброжелательным. Ставку винили во многом, ее считали виновницей многих наших неудач и несчастий. Но эти обвинения падали главным образом на генералов Янушкевича и Данилова, проносясь мимо великого князя. Престиж последнего и после всех несчастий на фронте оставался непоколебимым. Его военный талант по-прежнему не отвергался; сам он в глазах офицерства оставался рыцарем без страха и упрека. (…) Его имя везде произносили с уважением, почти с благоговением, часто с сожалением и состраданием, что все его усилия и таланты парализуются бездарностью его ближайших помощников, бездействием тыла – главным образом Петрограда, – нашей неподготовленностью к войне и разными неурядицами в области государственного управления. Смена Верховного, которому верили и которого любили, не могла бы приветствоваться даже в том случае, если бы его место заступил испытанный в военном деле вождь, государь же в военном деле представлял, по меньшей мере, неизвестную величину: его военные дарования и знания доселе ни в чем и нигде не проявлялись, его общий духовный уклад менее всего был подходящ для верховного военачальника. Надежда, что император Николай II вдруг станет Наполеоном,

была равносильна ожиданию чуда. Все понимали, что государь и после принятия на себя звания Верховного останется тем, чем он доселе был: Верховным вождем армии, но не мозгом и волей армии. (…) Армия, таким образом, теряла любимого старого Верховного главнокомандующего и не приобретала нового.

Помимо этого, многие лучшие и наиболее серьезные начальники в армии по чисто государственным соображениям не приветствовали решения государя, считая, что теперь, в случае новых неудач на фронте, нападки и обвинения будут падать на самого государя, что может иметь роковые последствия и для него, и для государства.

Брусилов Алексей Алексеевич (31 августа (12 сентября) 1853, Тифлис – 17 марта 1926, Москва) – русский военачальник. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Генерал-адъютант (1915). Организатор удачного наступления русских войск на Юго-Западном фронте в 1916-м. Главный инспектор кавалерии РККА (1923). Из воспоминаний:

Николай II не умел добраться до души солдата, притянуть его сердце, возбудить его дух. Ни его физический внешний облик, ни манера говорить не возбуждали энтузиазма.

Из письма Александры Федоровны Николаю II от 23 августа 1915 года:

Еще одно слово en passant[24]. Муж Али вернулся и каждый раз высказывается против Брусилова, Келлер тоже, – ты собрал бы мнения и других о нем. Ставка отдала приказание, чтобы все офицеры с немецкими фамилиями, служащие в штабе, были отосланы в армию. Это касается и мужа Али, хотя Пистолькорс имя шведское, и у тебя вряд ли имеется более преданный слуга. По-моему, все опять неправильно сделано. Надо было бы, чтобы каждый генерал деликатно намекнул им вернуться в свои полки, так как им надо побывать на фронте. Все у нас делается так грубо!

Из воспоминаний Пьера Жильяра:

Мы вернулись в Ставку только 17 мая 1916. Царю пришлось оставаться там безвыездно долгое время. Через две недели после нашего приезда – 4 июня – армия генерала Брусилова начала наступление в Галиции. Оно закончилось полной победой русских

войск, а в последующие дни они развили свой успех. Под давлением русского наступления австрийский фронт дрогнул и отодвинулся к Лембергу (Львову). Число пленных было огромно. Скоро положение австрийцев в районе Луцка стало критическим. Новости об этой прекрасной победе были с энтузиазмом восприняты в Ставке. Однако для царя это был последний повод для радости.

Из письма Николая II Александре Федоровне от 23 сентября 1916:

Подумай, женушка моя, не прийти ли тебе на помощь к муженьку, пока он отсутствует? Какая жалость, что ты не исполнила этой обязанности давно уже… Я не знаю более приятного чувства, как гордиться тобой, как гордился все эти последние месяцы, когда ты неустанно докучала мне, заклиная быть твердым и держаться своего мнения. Мы только что кончили играть в домино, как я получил через Алексеева телеграмму от командующего фронтом Иванова, сообщавшего, что сегодня наша 11-я армия в Галиции атаковала две германские дивизии… с тем результатом, что было взято свыше 150 офицеров и 1500 солдат, 30 орудий и много пулеметов…

Да, действительно тебе надо быть моими глазами и ушами там, в столице, пока мне приходится сидеть здесь… На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров – этим ты принесешь огромную пользу мне и нашей стране! О, бесценное солнышко, я так счастлив, что ты наконец нашла себе подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен и не буду мучиться по крайней мере о внутренних делах.

Из писем Александры Федоровны Николаю II 1916 года:

Не забудь перед заседанием министров подержать в руке образок и несколько раз расчесать волосы Его (Распутина. – *Н. Е.*) гребнем. (…) Я твердо верю в слова нашего Друга, что слава твоего царствования еще впереди. Всякий раз, когда ты наперекор желаниям кого бы то ни было упорствуешь в своем решении, мы видим его хороший результат….Ты властелин, а не какой-нибудь Гучков, Щербатов, Кривошеин, Николай III (как некоторые осмеливаются называть Н.)….Они – ничто, а ты – всё, помазанник Божий! (…)

Гучков очень болен, желаю ему отправиться на тот свет ради блага твоего и всей России – поэтому мое желание не греховно….Милый, подумал ли ты серьезно о Штюрмере.

Я понимаю, что стоит рискнуть немецкой фамилией, так как мне известно, какой он верный человек… и он хорошо будет работать с новыми энергичными министрами.

Наш Друг очень просит, чтобы ты не назначал Макарова министром внутренних дел. (…) Наш Друг просит тебя сделать распоряжение о том, чтобы не повышали цен за трамвайный проезд в городе – сейчас вместо 5 коп. приходится платить 10 коп. Это несправедливо по отношению к бедному народу – пусть облагают богатых, но не тех, которым приходится ежедневно, притом неоднократно, ездить в трамвае. (…)

Я уверена, что, если тебе бы удалось убедить французское правительство отозвать командующего французскими войсками на Салоникском фронте Серайля (это мое личное мнение), – там сразу бы все успокоилось. (…)

Я больше уже ни капли не стесняюсь и не боюсь министров и говорю по-русски с быстротой водопада!!! И они имеют любезность не смеяться над моими ошибками. Они видят, что я полна энергии и передаю тебе все, что слышу и вижу, что я твоя опора, очень твердая опора в тылу. (…)

Ангел мой! Вчера мы обедали с нашим Другом у Ани (Вырубовой. – *Н. Е.*)….Друг умоляет тебя быть твердым и властным… Как давно уже многие люди говорили мне все то же: «Россия любит кнут!» Это в их натуре – нежная любовь, а затем железная рука, карающая и направляющая. Как бы я желала влить свою волю в твои жилы! Пресвятая Дева над тобой, за тобой, с тобой! Помни чудо – видение нашего Друга! (…)

Любимый наш Друг просил тебя закрыть сессию Думы 14-го (14 декабря 1916 г. – *Н. Е.*)… Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом – сокруши их всех, – не смейся, гадкий, я страстно желала бы видеть тебя таким по отношению к этим людям, которые пытаются управлять тобою, тогда как должно быть наоборот.

Николай Михайлович, великий князь (14 (26) мая 1859, Царское Село – 28 января 1919, Петроград) – историк, внук Николая I. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Автор трудов, посвященных эпохе Александра I и наполеоновских войн. Расстрелян 28 января 1919 года в Петропавловской крепости. Из письма Николаю II от 1 ноября 1916 года:

Ты неоднократно выражал Твою волю «довести войну до победного конца». Уверен ли Ты, что при настоящих тыловых условиях это исполнимо? Осведомлен ли Ты о внутреннем положении не только внутри Империи, но и на окраинах (Сибирь,

Туркестан, Кавказ)? Говорят ли Тебе всю правду или многое скрывают? Где кроется корень зла? Разреши в кратких словах разъяснить Тебе суть дела.

Пока производимый Тобою выбор министров при том же сотрудничестве был известен только ограниченному кругу лиц, дела могли еще идти; но раз способ стал известен всем и каждому и знание об этих методах распространилось во всех слоях населения, так дальше управлять Россией немыслимо. Неоднократно Ты мне сказывал, что Тебе некому верить, что Тебя обманывают. Если это так, то то же явление должно повторяться и с Твоей супругой, горячо Тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному сплошному обману окружающей Ее среды. Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из Ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды. Если Ты не властен отстранить от Нее эти влияния, то, по крайней мере, огради Себя от постоянных, систематических вмешательств этих нашептываний через любимую Тобой Супругу. Если Твои убеждения не действуют, а я уверен, что Ты уже неоднократно боролся с этими явлениями, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой. Твои первые порывы и решения всегда замечательно верны и попадают в точку. Но, как только являются другие влияния, Ты начинаешь колебаться и последующие Твои решения уже не те. Если бы Тебе удалось устранить это постоянное вторжение, сразу бы вернулось утраченное Тобой доверие громадного большинства Твоих подданных. Все последующее быстро наладится само собой; Ты найдешь людей, которые при изменившихся условиях согласятся работать под Твоим личным руководством. Когда время настанет, а оно уже не за горами, Ты сам с высоты Престола можешь даровать желанную ответственность министров перед Тобой и законодательными учреждениями. Это сделается просто, само собой, без напора извне и не так, как совершился достопамятный акт 17 октября 1905 года.

Я долго колебался открыть Тебе истину, но после того, как Твоя матушка и Твои обе сестры меня убедили это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше, накануне эры покушений. Поверь мне, если я так напираю на Твое собственное освобождение от создавшихся оков, то я это делаю не из личных побуждений, которых у меня нет, в чем Ты уже убедился и Ее величество тоже, а только ради надежды и упования спасти Тебя, Твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий.

Из письма Александры Федоровны от 4 ноября 1916 года:

Я прочла письмо Николая с полным отвращением. Если бы ты его остановил в середине его разговора и сказал ему, что, если он хотя бы еще раз коснется этого предмета или меня, ты его сошлешь в Сибирь – так как это выходит почти государственная измена. Он всегда меня ненавидел и дурно обо мне отзывался уже 22 года, и в клубе также (этот самый разговор у меня с ним был в этом году), но во время войны и в такую пору ползти за твоей мамашей и твоими сестрами и не встать отважно на защиту жены своего императора (все равно, согласен он со мной или нет) – это отвратительно, это измена. Он чувствует, что со мной считаются, начинают меня понимать и интересоваться моим положением, и этого он не может вынести. Он – воплощение всего, что есть дурного, все преданные люди его презирают, даже те, которые не очень нас любят, чувствуют отвращение к нему и к его разговорам, – а Фредерикс стар и не годится и не смеет его заставить замолчать и намылить ему голову, а ты, моя любовь, слишком добр и мил и мягок – такого человека надо держать в страхе перед тобой: он и Николаша – мои величайшие враги в семье, не считая черных женщин и Сергея… Душка моя, ты должен заступиться за меня ради тебя и Бэби. Если бы у нас не было Его, все было бы уже давно кончено – я в этом убеждена.

Из воспоминаний Георгия Ивановича Шавельского:

И в Барановичах, и тут в Могилеве, все ближе знакомясь со свитой государя, я не раз задавался вопросом: ужель в своем 180-миллионном народе не мог государь найти для окружения себя десяток таких лиц, которые были бы не только его сотрапезниками, компаньонами на прогулках, партнерами в играх, но и советниками и помощниками в государственных делах? Теперь же его свиту составляли лица по душе добрые, почти все без исключения – благонамеренные, в большей или меньшей степени ему преданные, но у лучших из них недоставало мужества говорить правду и почти у всех – государственного опыта, знаний, мудрости, чтобы самим разбираться в происходящем и предостерегать государя от неверных шагов.

Бесспорно, самым ловким, энергичным и распорядительным среди них был генерал Воейков, как самым умным и образованным был профессор С. П. Федоров. Но первый имел дурную привычку совсем легковесно расценивать очень крупные события и грозные тучи принимать за маленькое облачко,

а второй избрал своим девизом: «Моя хата с краю». Где дело касалось парада, церемониала или коммерческого оборота и вообще материального предприятия, там генерал Воейков оказывался перворазрядным дельцом. В государственных же делах он был недалек и легкомыслен. (…)

Первым в свите – и по положению, и по влиянию на государя – должен был быть министр двора. Но престарелый граф Фредерикс…в то время представлял собой, так сказать, лицо без лица. (…) Правдивый и прямой адмирал Нилов в последние три года был в немилости у императрицы за свое открыто враждебное отношение к Распутину. Что касается государя, то его отношение к адмиралу оставалось по-прежнему доброжелательным. (…) Адмирал был человек с большими странностями. Он много читал, еще больше на своем веку видел, но в беседе с ним чувствовалась какая-то хаотичность его взглядов (…), которые он к тому же излагал каким-то путаным, заплетающимся языком. (…) Речь его становилась еще более непонятной, когда он бывал под хмельком, а такое состояние было у него более или менее постоянным. Это могло, конечно, лишь забавлять государя.

Гофмаршал князь В. А. Долгоруков был бесконечно предан государю. Его честность и порядочность во всех отношениях были вне всяких сомнений. Попал он в свиту, так сказать, по наследству, так как приходился de jure пасынком, а de facto сыном гофмаршалу Бенкендорфу. (…)

Командир конвоя, гр. А. Н. Граббе, одним своим видом выдавал себя. Заплывшее жиром лицо, маленькие, хитрые и сладострастные глаза; почти никогда не сходившая с лица улыбка; особая манера говорить – как будто шепотом. Все знали, что Граббе любит поесть и выпить, не меньше поухаживать, и совсем не платонически. Слыхал я, что любимым его чтением были скабрезные романы, и лично наблюдал, как он, при всяком удобном и неудобном случае, переводил речь на пикантные разговоры. У государя он был любимым партнером в игре в кости. Развлечь государя он, конечно, мог. Но едва ли мог оказаться добрым советником в серьезных делах. (…)

Начальник походной канцелярии флигель-адъютант полковник Нарышкин всегда молчал. Когда же его спрашивали, он отвечал двумя-тремя словами. Каковы были его дарования – трудно было судить, но в честности и порядочности его никто не сомневался. (…)

Такова была ближайшая свита государя, с которой он проводил большую часть дня, которая не могла не влиять на его взгляды, решения и распоряжения. (…) Ужель нельзя было найти

10–15 талантливых людей, которые окружили бы государя? (…) Значит, государь или не умел, или не желал окружать себя такими людьми.

Из воспоминаний Романа Романовича фон Раупаха:

В последующие годы, когда храбрейшие легли, ряды стали пополняться сырым, неподготовленным укомплектованием. На улицах и площадях тыловых городов можно было наблюдать, как отяжелевшие бородатые крестьяне обучались строю с палкой на плече, заменявшей в период обучения ружья. Это были не солдаты, а младенцы, и немудрено, что в грозные моменты боя у них не оказывалось необходимого мужества. Распухшая от этих элементов армия быстро стала терять свою боеспособность и обратилась в толпу вооруженных людей, не только не способных к подвигу и борьбе, но лишенных самых примитивных чувств патриотизма и отечества и руководимых единственно животным инстинктом самосохранения. Эта толпа шла воевать потому, что власть ей это приказала и она не смела ее ослушаться, но когда вместе с властью пало и внешнее насилие, тогда других стимулов к продолжению войны не было, и, осознав прежде всего, что теперь никто не смеет заставить их воевать, вооруженный народ в лице миллионов солдат побежал с фронта.

Из воспоминаний о Первой мировой войне Федора Августовича Степуна:

3 января 1917 г.…Тридцатого, не в пример 1914 г., шел дождь. 31-го я ехал на батарею без шинели, в одной кожаной куртке и в плаще. Грязь на дороге стояла потопная. Воздух на вкус был совершенно весенний. В темно-шоколадных лужах рябили и искрились солнечные лучи, а дали и леса прятались во влажных туманах. Голова и ноги моей лошади, мокрые от дождя, казались суше и породистее обыкновенного, и я с наслаждением двигался по холмам и лощинам к знакомым Шумлянским высотам. Версты за 3 до штаба дивизии я встретил пленного немца, который сначала хотел было отдать мне честь, но, подумав, решил лишь вытянуться и прошел мимо, «пожирая меня глазами».

Потом на кавалерийских носилках провезли несколько раненых. Бледные и сосредоточенные, они напряженно смотрели на дорогу, очевидно боясь, что их вывернут. Взглянув на них, сразу вспомнил, как меня тащили вверх ногами в рижском

лазарете и как выронили на лестнице, вспомнил, как, выгружая в Пскове, просовывали на носилках между колесами товарного поезда и как я, вспоминая в жару Анну Каренину, боялся и протестовал, вспомнил свои ежедневные путешествия на носилках «на перевязку» из второго этажа в первый в Пскове, в Москве, – и тут и там мимо громадного зеркального окна, из-за которого звал надолго заказанный мир, вспомнил все ужасные соседства по перевязочным столам, все темное отчаянье светлых, чистых, белых, теплых операционных… и стало мне очень скверно на душе, ах как скверно…

На батарее все готовились к встрече Нового года. Иван Владимирович, уже побрившись, подстригал свою ассирийскую бороду. Вася С., милый и дельный двадцатилетний прапорщик, назначенный к нам в батарею за мое отсутствие, во всем до смешного подражающий своему командиру, страдал, как его дразнили, от невозможности постричь отсутствующую бороду. Все, что он мог, он уже сделал – побрил безусую губу. У принаряженного Е-ча ласково светились его большие, грустные глаза. Женя Г-ий был красив, нервен и мрачен: убит, уничтожен газетой (сообщением о роспуске Гос. думы. – *Н. Е.*).

В окоп 3-й батареи был приглашен весь первый дивизион.

Уже третий год встречала батарея Новый год на позиции. Из тех, что вышли из Иркутска, в первом дивизионе осталось всего только 4 офицера, во втором – ни души…

Как-никак, начались тосты, всякие, разные, и под Рождество обойденный молчанием тост Е-ча «за свободную Россию» был на этот раз покрыт громким «ура».

«Пошлемте телеграмму (председателю Думы. – *Н. Е.*) Родзянке, Андреев едет в Петроград и передаст прямо в руки», – предложил Женя Г-ий. «Пошлемте, пошлемте», – не слишком, впрочем, убедительно отозвалось несколько голосов.

Закуски, гусь, яблочный крем были давно уже съедены. Водка, ви́на были также уже уничтожены. Было, вероятно, около двух часов ночи. Е-ч и Женя Г-ий удалились в «дортуар». Я прошел к ним и застал их за составлением телеграммы Родзянке. Женя Г-ий, типичный русский студент, несколько раз сидевший по всем участкам, подлинная русская «больная совесть», хотел текста более радикального. Е-ч, гораздо более зрелый и по существу и по воспитанию более дипломатически ориентированный человек, настаивал на форме более мягкой.

Я принял сторону Жени, и мы втроем набросали приблизительно такой текст: «Мы, офицеры первого дивизиона, собравшиеся на позиции для встречи Нового года, в тяжелую минуту, переживаемую нашей родиной, в минуту, слившую

воедино народ и армию, шлем вам, председателю Государственной думы, как представителю всей Руси, свой привет. Готовые здесь на фронте исполнить наш долг до конца, мы ждем от Государственной думы, что она в решительную минуту *действенно встанет во главе всех живых сил России* и осуществит внутри страны тот строй и те начала, без которых все наши усилия здесь тщетны».

Составив эту телеграмму, мы вышли в столовую, и я прочел ее нашей публике. (Подчеркиваю, что все ответственные люди были абсолютно трезвы, «выпивши» были только несколько молодых офицеров.)

Первым должен был подписаться подполковник Счастьев, георгиевский кавалер, очень интересующийся политикой человек и, конечно, левый, правых теперь нет.

Прослушав телеграмму, он, однако, отказался ее подписать, сказав, что с содержанием он согласен, но с отправлением нет, так как это может иметь неприятные последствия. (…)

Атмосфера становилась несколько напряженной. (…)

Шел уже пятый час утра. Вася С. мертвецом лежал в дортуаре. Сотоварищ Жени Г-го по тюрьмам и участкам вольноопределяющийся Б. и еще кто-то из молодых ходили по очереди в чудный, лунный лес облегчаться от винной перегрузки. Женя, грустный и недовольный собою, сидел, обнявшись со мною, под елкой и временами вскидывался то на того, то на другого отдельными замечаниями: «Е-ч, к черту политику, не будьте дипломатом» или «да, Василий Александрович (полковник Счастьев), наши пути расходятся: после войны я опять в тюрьму, а вы будете командовать дивизионом». (…) Покрывая всех своим могучим басом, раскатисто громил Россию «знаток народа»: «А я вам говорю, вы не можете поручиться, повернете ли вы завтра пушки на Петроград, потому что, имея дело с русским мужиком, вы вообще ни за что поручиться не можете! Спросите-ка вы наших развращенных либерализмом солдат, пойдут ли они за 100 р. в стражники?» – Пойдут, с… д…, все как один пойдут».

«Вы не смеете так говорить», – снова вспыхнул и вскинулся Г-ий, поддержанный Е-м.

«Нет, уж позвольте мне это лучше знать», – продолжал громыхать и жестикулировать «знаток народа». «В качестве агронома (это его постоянный припев) я-то уж вплотную подошел к нашему мужичку. Пятнадцать лет, слава Богу, выбивал я у него соху, навязывая плуг, пятнадцать лет я с ним косил и сеял. Нет в нем ни культуры, ни воли, нет для него и слова, а все почему – потому нет у него привычки и уважения к труду. Разве

не Русь православная выдумала, что „дело не медведь, в лес не убежит“? Разве не Русь православная говорит, что „работа дураков любит“? Разве не крестьянство наше подменило слово „труд“ словами „хозяйство“ и „страда“? Не слыхал я, что ли, как хвастают наши мужички: „я сам себе хозяин, хошу страдаю, хошу – нет, а хошу и вверх пупом ляжу!“ Да что взять с нашего мужика, посмотрите на нашу интеллигенцию: развращенная, исковерканная, слякотная», – и понес, и понес своим резвым, но неподкованным умом по заезженным потугинским большакам, пока совершенно неожиданно не остановился у славянофильского шлагбаума: «А все-таки она, Русь-матушка, всем народам народ». Схватил балалайку и заиграл «записанную» песню.

Из воспоминаний Романа Романовича фон Раупаха:

Косность и страх называть вещи своими именами исключали всякую возможность устранения даже самых вопиющих недугов, и вместо действенного лечения их создалась пагубная склонность к околпачиванию. Сидели в грязной луже собственной бездарности, легкомыслия, полной бессистемности, а себя и других уверяли, что все это вовсе не лужа, а прекрасное вольтеровское кресло, и в этом самоублажении дошли до ребяческого утверждения, что немцы победили нас не в честном бою, а тем, что выдумали удушающие газы, а потом придумали еще и большевиков, которым продали Россию.

Революция

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

В начале января Трепов, находя невозможным руководить правительством, пока Протопопов оставался министром внутренних дел, подал в отставку, которая была принята императором. Сессия Думы была отсрочена до конца февраля, и председателем Совета министров был назначен князь Голицын. (…) Будучи честным и благонамеренным, но не имея никакого административного опыта и никаких точек соприкосновения с Думой, он не обладал необходимой энергией или силой характера для того, чтобы овладеть положением, которое с каждым днем становилось все более и более угрожающим. Революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том, придет ли она сверху или снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты и император и императрица или только последняя. Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком продовольствия, могло вспыхнуть ежеминутно. (…)

У меня не было никакого повода просить об аудиенции, но я не хотел быть свидетелем развития событий, не сделав последнего усилия спасти императора, вопреки ему самому. (…) 12 января, в назначенный наконец мне день, я выехал в Царское в специальном поезде в сопровождении одного из камергеров Его Величества и был по прибытии проведен в одну из больших приемных. (…) Когда я выглянул в окно, я увидел императора, вышедшего из дворца и быстро шагающего по снегу, как это он часто делал в промежутке между аудиенциями. Минут десять спустя я был проведен к нему. Во всех предыдущих случаях Его Величество принимал меня без особых формальностей в своем кабинете и, пригласив меня сесть, протягивал свой портсигар и предлагал курить. Поэтому я был неприятно удивлен, когда был на этот раз введен в комнату для аудиенции и нашел Его Величество ожидающим меня здесь, стоя посреди комнаты. Я тотчас понял, что он угадал цель моей аудиенции и что он нарочито придал ей строго официальный характер, давая мне понять, что я не могу касаться вопросов, не входящих в компетенцию посла. (…) Поговорив о важности союзной конференции, которая должна была вскоре состояться в Петрограде, Его Величество выразил надежду, что это будет

последняя конференция, которую мы будем иметь до окончательной мирной конференции. Я ответил, что усматриваю лишь немного шансов в пользу того, что она окажется предшественницей мирной конференции, так как политическое положение в России не дает мне смелости ожидать сколько-нибудь крупных результатов от ее заседания. В самом деле, я не могу не задавать себе вопроса, следует ли при настоящих условиях подвергать жизнь столь многих выдающихся людей опасности испытать судьбу, постигшую лорда Китченера при его роковом путешествии (5 июня 1916 года военный министр Великобритании Китченер выехал с визитом в Россию из Скапа-Флоу на крейсере «Хэмпшир». Около Оркнейских островов корабль подорвался на мине и Китченер погиб. – *Н. Е.*).

Из воспоминаний Михаила Владимировича Родзянко:

Мне невольно вспоминается одна из аудиенций, во время которой больше, чем когда-либо, можно было понять императора Николая II. (…) После одного из докладов, помню, государь имел особенно утомленный вид.

«Я утомил Вас, Ваше Величество?»

«Да, я не выспался сегодня – ходил на глухарей… Хорошо в лесу было».

Государь подошел к окну (была ранняя весна). Он стоял молча и глядел в окно. Я тоже стоял в почтительном отдалении. Потом государь повернулся ко мне:

«Почему это так, Михаил Владимирович? Был я в лесу сегодня… Тихо там, и все забываешь, все эти дрязги, суету людскую… Так хорошо было на душе…»

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

Его Величество спросил, почему я придерживаюсь столь пессимистических взглядов на перспективы конференции, на что я ответил, что, даже если нам удастся установить более тесное взаимодействие между союзными правительствами, у нас нет гарантий, что нынешнее российское правительство останется на своем посту, а его преемники будут уважать обещания, данные их предшественниками. (…) Одной только координации усилий между нашими правительствами будет недостаточно для победы, если в каждой из союзных стран не будет солидарности между всеми классами общества. Мы в Англии признали этот факт, и, чтобы обеспечить сотрудничество рабочего класса, мистер Ллойд

Джордж включил представителей партии труда (лейбористов) в наш малый военный кабинет. (Малый военный кабинет – кабинет, состоявший всего из пяти министров, вместо 23, непосредственно обсуждавших вопросы ведения войны. Он был создан сразу после того, как премьер-министром стал Ллойд Джордж… К подобной же мере прибег Черчилль во время Второй мировой войны.) В России ситуация обстоит по-другому, и, боюсь, Его Величество не видит, как важно, чтобы мы выступали единым фронтом не только как союзники, но и каждая страна как народ в целом. «Но я и мой народ, – перебил император, – едины в своем стремлении выиграть войну». «Да, – ответил я, – но не в оценке компетентности людей, которым Ваше Величество доверяет ведение войны. Желает ли Ваше Величество, – спросил я, – чтобы я говорил как обычно откровенно?»

Из воспоминаний Михаила Владимировича Родзянко:

Я перешел к докладу: «Из моего второго рапорта Вы, Ваше Величество, могли усмотреть, что я считаю положение в государстве более опасным и критическим, чем когда-либо. Настроение во всей стране такое, что можно ожидать самых серьезных потрясений. Партий уже нет, и вся Россия в один голос требует перемены правительства и назначения ответственного премьера, облеченного доверием народа. (…) Постоянная смена министров вызывает сперва растерянность, а потом равнодушие у всех служащих, сверху донизу. (…) Вы удалили из правительства всех лиц, пользовавшихся доверием Думы и общественных кругов, и заменили их недостойными и неспособными. Вспомните, Ваше Величество, Поливанова, Сазонова, графа Игнатьева, Самарина, Щербатова, Наумова – всех тех, которые были преданными слугами Вашими и России и кто отстранен без всякой причины и вины (…)». Переходя к вопросам фронта, я напомнил, что еще в 15-м году умолял Государя не брать на себя командование армией и что сейчас, после новых неудач на румынском фронте, всю ответственность возлагают на государя.

«Не заставляйте, Ваше Величество, – сказал я, – чтобы народ выбирал между Вами и благом родины. До сих пор понятие царь и родина были неразрывны, а в последнее время их начинают разделять».

Государь сжал обеими руками голову, потом сказал:

«Неужели я 22 года старался, чтобы все было лучше, и 22 года ошибался?»

Минута была очень трудная. Преодолев себя, я ответил:

«Да, Ваше Величество, 22 года Вы стояли на неверном пути».

(…) Государь простился ласково и не выказал ни гнева, ни даже неудовольствия.

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

…и я завел речь о том, что между ним (Николаем II. – Н. Е.) и его народом возник барьер и если Россия по-прежнему едина, то она едина в неприятии его теперешней политики. Народ, который столь чудесным образом сплотился вокруг своего монарха в начале войны, теперь увидел, как сотни тысяч жизней принесены в жертву из-за нехватки оружия и снарядов; как некомпетентность администрации привела к повсеместной нехватке продовольствия «и к почти полной остановке железных дорог», добавил, к моему удивлению, сам император. (…) По моим сведениям, Дума была бы удовлетворена, если бы Его Величество назначил председателем Совета министров человека, который будет пользоваться доверием народа и которому будет позволено выбирать своих коллег. (…) Император…выпрямился и сказал: «Я сам выбираю своих министров и никому не позволяю влиять на мой выбор». (…) На что я осмелился заметить, что в последнее время Его Величество так часто менял своих министров, что послы зачастую не знают, останутся ли те министры, с которыми они имеют дело сегодня, на своих постах завтра. (…) «Как же тогда, – продолжил я, – Ваше Величество их выбирает?» «Навожу справки, – ответил Его Величество, – о деловых качествах тех, кого я считаю наиболее подходящими для руководства различными министерствами». «Справкам Вашего Величества, – возразил я, – боюсь, не всегда сопутствует успех. Взять, к примеру, господина Протопопова. (…) Пока он остается на посту министра внутренних дел, сотрудничество между Думой и правительством, являющееся необходимым условием победы, невозможно». «Я выбрал господина Протопопова, – перебил меня император, – чтобы им угодить, и вот мне награда!» «Но, сэр, – сказал я, – Дума и ее председатель Родзянко не могут доверять человеку, который изменил своей партии ради официальной должности, который имел беседу с германским агентом в Стокгольме и подозревается в том, что ищет путей для заключения мира с Германией». – «Господин Протопопов не симпатизирует Германии, и слухи относительно его стокгольмской беседы сильно преувеличены». – «Мне неизвестно, – ответил я, – что обсуждалось во время этой беседы. Но, даже допуская, что выдвинутые в этой связи обвинения в его адрес сильно преувеличены, не стоит забывать,

что он намеренно солгал, заявив прессе, что общался с германским агентом по специальной просьбе русского посланника в Стокгольме». Император не пытался это отрицать.

Из воспоминаний Михаила Владимировича Родзянко:

1 января, как всегда, во дворце был прием. Я знал, что увижу там Протопопова, и решил не подавать ему руки. Войдя, я просил церемониймейстера барона Корфа и Толстого предупредить Протопопова, чтобы он ко мне не подходил. Не передали ли они ему или Протопопов не обратил на это внимание, но я заметил, что он следит за мной глазами и, по-видимому, хочет подойти. Чтобы избежать инцидента, я перешел на другое место и стал спиной к той группе, в которой был Протопопов. Тем не менее Пртопопов пошел напролом, приблизился вплотную и с радостным приветствием протянул руку. Я ему ответил:

«Нигде и никогда».

Смущенный министр внутренних дел, не зная, как выйти из положения, дружески взял меня за локоть и сказал:

«Родной мой, ведь мы можем столковаться».

Он был мне противен.

«Оставьте меня, Вы мне гадки», – сказал я.

Это происшествие появилось в газетах. Писали также, что Протопопов намерен вызвать меня на дуэль, но никакого вызова не последовало. 7 января на докладе у государя я прежде всего принес свои извинения, что позволил себе во дворце так поступить с гостем государя. На это царь сказал:

«Да, это было нехорошо – во дворце».

Я заметил, что Протопопов, вероятно, не очень оскорбился, так как не прислал вызова.

«Как, он не прислал вызова?» – удивился царь.

«Нет, Ваше Величество… Так как Протопопов не умеет защищать своей чести, то в следующий раз я побью его палкой».

Государь засмеялся.

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

Осознает ли Его Величество, спросил я, опасность ситуации, и знает ли он, что на революционном языке заговорили не только в Петрограде, но и по всей России? Император ответил, что ему хорошо известно, что люди позволяют себе такие разговоры, но я совершаю ошибку, относясь к этому слишком серьезно. (…) «Ваше Величество, – сказал я, – должны помнить, что народ и армия составляют одно целое и в случае революции лишь малая часть

армии будет готова встать на защиту династии. Как посол я прекрасно понимаю, что не должен говорить таких вещей Вашему Величеству, и мне потребовалось все мое мужество, чтобы сказать то, что я сказал (…)».

Император был, очевидно, тронут теплотой, которую я вложил в свой призыв, и, пожав мне на прощание руку, сказал: «Благодарю Вас, сэр Джордж». (…) Но минутное впечатление, которое мне, возможно, удалось произвести на императора, не было достаточно сильным, чтобы противостоять влиянию императрицы. (…) Протопопов, на плечи которого упала мантия Распутина, стал еще более влиятельным, чем раньше. Его рассудок окончательно помутился, и на аудиенциях у императрицы он передавал ей предупреждения и послания, полученные во время бесед с духом Распутина.

Из воспоминаний Владимира Николаевича Коковцова:

Внешний вид государя настолько поразил меня, что я не мог не спросить его о состоянии его здоровья. За целый год, что я не видел его, он стал просто неузнаваем: лицо страшно исхудало, осунулось и было испещрено мелкими морщинами. Глаза, обычно такие бархатные, темно-коричневого оттенка, совершенно выцвели и как-то беспомощно передвигались с предмета на предмет вместо обычного пристального направления на того, с кем государь разговаривал. Белки имели ярко выраженный желтый оттенок, а темные зрачки стали совсем выцветшими, серыми, почти безжизненными.

«Ваше Величество, – осмелился спросить я, – что с Вами? Вы так устали, так переменились с прошлого января, когда я видел Вас в последний раз, что я позволю себе сказать Вам, что Вам необходимо подумать о своем здоровье. Те, кто видят Вас часто, очевидно, не замечают Вашей перемены, но она такая глубокая, что, очевидно, в Вас таится какой-нибудь серьезный недуг».

Выражение лица государя стало какое-то беспомощное. Принужденная, грустная улыбка не сходила с его лица, он сказал мне только: «Я совсем здоров и бодр, мне приходится только очень много сидеть без движения, а я так привык регулярно двигаться. Повторяю Вам, Владимир Николаевич, что я совершенно здоров. Вы просто давно не видели меня, да я, может быть, неважно спал эту ночь. Вот пройдусь по парку и снова приду в лучший вид».

Пинетон, граф де Шамбрен Шарль (10 февраля 1875,

Вашингтон – 6 ноября 1952, Париж) – французский дипломат, писатель. Из книги «Письма к Марии»:

Вышел император – по-простому, в серой казацкой черкеске; несмотря на опухлость, черты его усталого лица сохраняли былую привлекательность. Он задавал банальные вопросы, не слишком интересуясь ответами… Двор казался весьма озабоченным. Граф Фредерикс, которому на взгляд только чешуя из орденов не давала рассыпаться в прах, опирался на трость, перевязанную голубой лентой; большой церемониймейстер барон Корф был красен, как помидор; выстроившиеся вдоль стены высшие сановники казались героями произведений Кокто. Что же касается лакеев, сияющих галунами, то они разговаривали между собой без всякого стеснения. Какой контраст с тем бесстрастным видом, безупречною выправкой, le bon chic, который отличал их еще на прошлой неделе! Какая-то поломка случилась в механизме некогда отлаженной машины, и оттого разладились все ее шестеренки и пружинки, вплоть до дворцовой прислуги… Прежде чем покинуть этот золоченый зал, где он только что выступал в роли фигуранта, царь окинул своих слуг строгим взглядом, сжимая кулак… Увы! В этой вызывающей позе он больше походил на самозаводящийся автомат, чем на истинного самодержца, готового сломить чье угодно сопротивление.

Монжелас-Мордвинов Анатолий Александрович – флигель-адъютант, полковник, входил в ближайшее окружение царя. Из воспоминаний:

Во вторник 21 февраля 1917 года, вечером, находясь у себя дома, в Гатчинском дворце, я получил уведомление от командующего императорской главной квартирой графа Фредерикса, что, согласно Высочайшему повелению, я назначен сопровождать Государя в путешествии в Ставку для несения дежурства при Его императорском Величестве. Отбытие императорского поезда из Царского Села было назначено около трех часов дня в среду, 22 февраля.

Это уведомление явилось несколько неожиданным. Я накануне только что вернулся из Царского Села с дежурства по военно-походной канцелярии, и тогда еще не было никаких разговоров об отъезде. Внутреннее политическое положение было в те дни особенно бурно и сложно, ввиду чего Государь все рождественские праздники, весь январь и большую часть февраля находился в Царском Селе и медлил с отбытием в Ставку.

Отчасти Государя удерживала и болезнь Наследника

и великих княжон, заболевших корью, положение которых вызывало большую тревогу.

Из письма Александры Федоровны Николаю II:

22 февраля 1917 г. Мой драгоценный! С тоской и глубокой тревогой я отпустила тебя одного, без нашего милого, нежного Бэби. Какое ужасное время мы переживаем! Еще тяжелее переносить его в разлуке – нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым, измученным. Бог послал тебе воистину тяжелый крест. Ты мужествен и терпелив – я всей душой чувствую и страдаю с тобой, гораздо больше, чем могу выразить словами. Что я могу сделать? Только молиться и молиться! Наш дорогой Друг в ином мире тоже молится за тебя – так Он еще ближе к нам. Но все же как хочется услышать Его утешающий и ободряющий голос! Бог поможет, я верю, и ниспошлет великую награду за все, что ты терпишь. Но как долго еще ждать! Кажется, дела поправляются. Только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Ты никогда не упускал случая показать любовь и доброту – дай им теперь почувствовать твой кулак. Они сами просят об этом – сколь многие недавно говорили мне: «нам нужен кнут!» Это странно, но такова славянская натура – величайшая твердость, жестокость даже – и горячая любовь… Они должны научиться бояться тебя – любви одной мало…

Из письма Николая II Александре Федоровне от 26 февраля 1917 года:

Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом Пресвятой Девы. Если это случится еще раз, скажу об этом Федорову.

Из воспоминаний Мориса Палеолога:

С русской стороны время больше не работает на нас….Все правительственные пружины, все колеса административной машины портятся одно за другим… Царь…не любит своей власти. Если он ревниво защищает свои самодержавные прерогативы, то это исключительно по причинам мистическим. Он никогда

не забывает, что получил власть от самого Бога, и постоянно думает об отчете, который он должен будет отдать в долине Иосафата.

Из письма Александры Федоровны Николаю II:

Стачки и беспорядки в городе более чем вызывающи. Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение. (…) Завтра воскресенье и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы…

Из воспоминаний Дмитрия Николаевича Дубенского:

По телефону узнал, что сегодня, 24-го февраля, в Петрограде были волнения на Выборгской стороне. Толпы рабочих требовали хлеба, и было несколько столкновений с полицией, но все это сравнительно скоро успокоилось. В Петрограде многие не верят в искренность этих требований, выражающую общее недовольство правительством. Передали также, что назавтра ожидаются гораздо большие волнения и беспорядки. Войска получили приказ оставаться в казармах и быть готовыми к немедленному выступлению по требованию властей…

Уже с утра, 25 февраля, в Ставке стало известно, что волнения в Петрограде приняли широкие размеры. Толпы появились уже на Невском и у Николаевского вокзала, а в рабочих районах, как и вчера, народ требовал хлеба и стремился производить насилия над полицией. Были вызваны войска, занявшие площади, некоторые улицы. Государственная дума, с Родзянко во главе, предъявляла правительству новые настойчивые требования о реорганизации власти. Все эти тревожные сведения достигли Могилева отрывочно, и определенных сообщений о мероприятиях, принятых властями для подавления беспорядков в столице, не было.

Телеграмма председателя Думы Н. В. Родзянко Николаю II:

Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано, транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Части войск стреляют друг в друга. На улицах – беспорядочная стрельба. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство… Всякое промедление смерти подобно.

Телеграмма Николая II генералу С. С. Хабалову:

Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии.

Мельник-Боткина Татьяна Евгеньевна – дочь лейб-медика Николая II Е. С. Боткина. Из воспоминаний:

На улице творилось что-то невероятное: пьяные солдаты без ремней и расстегнутые, с винтовками и без, бегали взад и вперед и тащили все, что могли, из всех магазинов. Кто бежал с куском сукна, кто с сапогами, некоторые, уже и так совершенно пьяные, тащили бутылки вина и водки, другие все замотались пестрыми шелковыми лентами… По улицам гарцевали нижние чины конвоя Его Величества, надушенные, напомаженные, с красными бантами, все моментально забывшие то исключительное положение, которое они занимали при дворе, ту ласку и внимание, которое им оказывали Их Величества… Целые дни проводили мы у окон столовой, наблюдая за происходящим на улице… Всюду солдаты. Не те прежние солдаты, хорошо одетые, спокойные и веселые, а какие-то другие… растерзанные, без ремней, с красными, возбужденными лицами, на которых читалось страшное выражение пьяного, зверского наслаждения.

Телеграмма Александры Федоровны Николаю II:

Уступки неизбежны. Уличные бои продолжаются. Многие части перешли на сторону врага. *Аликс.*

Из дневника Николая II:

27 февраля 1917 г. Понедельник. В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское Село поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

Телеграмма Николая II Александре Федоровне 28 февраля 1917 года:

Выехали сегодня утром, в пять часов. Постоянно мыслями с тобой. Погода превосходная. Ожидаем, что у тебя все хорошо. Многочисленные войска отозваны с фронта.

Из дневника Николая II:

28 февраля 1917 г. Вторник. Лег спать в 3½, так как долго говорили с Н. И. Ивановым, которого посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехали Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час.

1 марта 1917 г. Среда. Ночью повернули с М‹алой› Вишеры назад, так как Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь. Видел Рузского. Он, Данилов и Саввич обедали. Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помоги нам Господь!

Из воспоминаний Дмитрия Николаевича Дубенского:

1 марта все ждали прибытия главнокомандующего Северным фронтом генерал-адъютанта Николая Владимировича Рузского. Через несколько минут он появился на платформе в сопровождении начальника штаба фронта Юрия Никифоровича Данилова и своего адъютанта графа Шереметьева. Рузский шел согбенный, седой, старый, в резиновых галошах. (…) Лицо у него бледное, болезненное, и глаза из-под очков смотрели неприветливо. Небольшой с сильной проседью брюнет генерал Данилов, известный в армии и штабах под именем «черный», следовал за главнокомандующим. Они вошли в вагон свиты. (…) Граф Фредерикс, когда все немного успокоились и восклицания вроде того, что «Ваше Высокопревосходительство должны помочь, к Вам направился Его Величество, когда узнал о событиях в Петрограде», прекратились, обратился к Рузскому примерно со следующими словами: «Николай Владимирович, Вы знаете, что Его Величество согласен на ответственное перед Думой министерство. Государь едет в Царское. Там находится Императрица и вся семья, наследник болен корью, а в столице восстание. Когда стало известно, что уже проехать прямо в Царское нельзя, Его Величество в М‹алой› Вишере приказал следовать в Псков к Вам, и Вы должны помочь Государю наладить дела».

«Теперь уже поздно, – сказал Рузский. – Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной думой и давать те реформы, которые требует страна. Меня не слушали. Голос хлыста Распутина имел большее значение. Им управлялась Россия. Потом появился Протопопов и сформировано ничтожное министерство князя Голицына…» И т. д., и т. д. с яростью и злобой говорил генерал-адъютант Рузский. (…)

«Но однако, что же делать. Вы видите, что мы стоим над пропастью. На вас только и надежда», – спросили разом несколько человек Рузского.

Ввек не забуду ответа генерал-адъютанта.

«Теперь надо сдаться на милость победителя», – сказал он.

Из воспоминаний великого князя Павла Александровича:

24 февраля началась революция. Я следил за ходом событий и был в курсе всех дел. 28-го февраля меня вызвала во дворец Александра Федоровна.

«Поезжайте немедленно на фронт, – заявила она, – постарайтесь привезти преданных нам людей. Надо спасти во что бы то ни стало трон. Он в опасности».

Я отказался, ссылаясь на то, что мои обязанности как начальника гвардии касаются только хозяйственной части. В душе же я был убежден, что звать войска бесполезно. Все равно присоединятся к революционерам. 1 марта я вторично был вызван во дворец, но пойти туда отказался. В это время у меня в квартире готовился манифест о полной конституции русскому народу. Его должен был подписать Николай Александрович Романов. Заручившись подписями Кирилла Владимировича и Михаила Александровича и подписавшись под этим манифестом сам, я отправил манифест в Гос. думу и вручил его под расписку Милюкову. А потом уже я отправился во дворец. Первые вопросы, заданные мне тогда Александрой Федоровной, были такие:

«Где мой муж? Жив ли он? И что нужно сделать для улажения беспорядков?»

Я передал Александре Федоровне манифест, и она его одобрила.

Из письма Александры Федоровны Николаю II от 2 марта 1917 года:

Павел, получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с гвардией, старается работать теперь

изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест относительно конституции после войны и т. д.

Проект Манифеста, подготовленный великими князьями:

В твердом намерении переустроить государственное управление в империи на началах широкого народного представительства мы предполагали приурочить введение нового государственного строя ко дню окончания войны. Бывшее правительство наше, считая нежелательным установление ответственности министров перед отечеством в лице законодательных учреждений, находило возможным отложить этот акт на неопределенное время. События последних дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательных учреждениях, не могло предвидеть возникших волнений и их властно предупредить. Велика наша скорбь, что в те дни, когда на поле брани решаются судьбы России, внутренняя смута постигла столицу и отвлекла от работ на оборону, столь необходимых для победоносного окончания войны. Не без происков коварного врага посеяна смута, и Россию постигло такое тяжелое испытание, но, крепко уповая на помощь промысла Божия, мы твердо уверены, что русский народ во имя блага своей родины сломит смуту и не даст восторжествовать вражеским происка м. Осеняя себя крестным знамением, мы предоставляем государству российскому конституционный строй и повелеваем продолжить прерванные указом нашим занятия Государственного совета и Государственной думы, поручая председателю Государственной думы немедленно составить временный кабинет и в согласии с нами озаботиться созывом законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта Основных Законов Российской империи. Да послужит новый государственный строй к вящему преуспеянию, славе и счастию дорогой нам России. Дан в Царском Селе марта в 1-й день в лето от Рождества Христова 1917, царствования же нашего 23-е. Великий князь Михаил Александрович. Великий князь Кирилл Владимирович. Великий князь Павел Александрович.

Из письма Александры Федоровны Николаю II:

2 марта 1917. Мое сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения,

и мы ничего не знаем о тебе, а ты не знаешь ничего о нас. Теперь я посылаю к тебе Соловьева и Грамотина, даю каждому по письму и надеюсь, что по крайней мере хоть одно дойдет до тебя. Я хотела послать аэроплан, но все куда-то исчезли. Молодые люди расскажут тебе обо всем, так что мне нечего говорить тебе о положении дел. Все отвратительно, и события развиваются с непомерной быстротой. Но я твердо верю – и ничто не поколеблет этой веры – все будет хорошо… Ясно, что они хотят не допустить тебя увидеться со мною, прежде чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сделать? Это величайшая низость и подлость, не слыханная в истории, чтобы задерживать своего государя… Может быть, ты появишься перед войсками в других местах и сплотишь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ни в каком случае ты не обязан их исполнять, потому что они добыты недостойным образом… Твое маленькое семейство достойно твоего отца. Я постепенно рассказала о твоем положении старшим – раньше они были очень больны… Притворяться перед ними было очень мучительно. Бэби я сказала лишь половину, у него 36,1. Он очень веселый. Только все в отчаянии, что ты не едешь… Лили – ангел, неотлучна, спит в спальне. Мария со мной, мы обе в наших халатах и с повязанными головами.

Из дневника Николая II:

2 марта 1917 г. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ часам пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения Родины и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!

Шульгин Василий Витальевич (13 (25) января 1878, Киев – 15 февраля, 1976, Владимир) – русский политический деятель.

Русский националист, монархист. Депутат II, III и IV Дум. Лидер фракции националистов в Думе. Участник Первой мировой войны. Активный участник белого движения. Эмигрировал в Югославию. В 1944 арестован в Белграде. Провел во Владимирской тюрьме 12 лет. С 1956 года жил во Владимире. Снялся в фильмах «Операция „Трест“» и «Перед судом истории». Из воспоминаний:

Эта мысль об отречении государя была у всех, но как-то об этом мало говорили. (…) Мысль об отречении созревала в умах и сердцах как-то сама по себе. Она росла из ненависти к монарху, не говоря о всех прочих чувствах, которыми день и ночь хлестала нам в лицо революционная толпа. На третий день революции вопрос о том, может ли царствовать дальше государь, которому безнаказанно брошены в лицо все оскорбления, был уже очевидно решен в глубине души каждого из нас.

Обрывчатые разговоры были то с тем, то с другим. Но я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался Комитетом Государственной думы как таковым. Он был решен в последнюю минуту.

В ту ночь он вспыхивал несколько раз, (…) кажется, в четвертом часу ночи приехал Гучков. Он был сильно расстроен. Только что рядом с ним в автомобиле убили князя Вяземского. Из каких-то казарм обстреляли «офицера».

И тут, собственно, это и решилось. (…) Гучков сказал приблизительно следующее: «Надо принять какое-то решение. Положение ухудшается с каждой минутой. Вяземского убили только потому, что он офицер… Идучи сюда, я видел много офицеров в разных комнатах Государственной думы: они просто спрятались сюда… Они боятся за свою жизнь… Они умоляют спасти их, (…) нынешнему государю царствовать больше нельзя… Высочайшее повеление от его лица – уже не повеление: его не исполнят».

Из воспоминаний Анатолия Александровича Монжеласа-Мордвинова:

Прошло несколько минут, когда я увидел приближающиеся огни локомотива. Поезд шел быстро и состоял не более как из одного-двух вагонов. Он еще не остановился окончательно, как я вошел на заднюю площадку последнего классного вагона, открыл дверь и очутился в обширном темном купе, слабо освещенном лишь мерцавшим огарком свечи. Я с трудом рассмотрел в темноте две стоявшие у дальней стены фигуры, догадываясь, кто из них должен быть Гучков, кто – Шульгин. (…)

Оба были очень подавлены, волновались, руки их дрожали, когда они здоровались со мною, и оба имели не столько усталый, сколько рассеянный вид.

«Что делается в Петрограде?» – спросил я их.

Ответил Шульгин. Гучков все время молчал и как в вагоне, так и идя до императорского поезда держал голову низко опущенной.

Из воспоминаний Василия Витальевича Шульгина:

С нас сняли верхнее платье. Мы вошли в вагон.

(…) В дверях появился государь… Он был в серой черкеске… Я не ожидал увидеть его таким…

Лицо?

Оно было спокойно…

Мы поклонились. Государь поздоровался с нами, подав руку. Движение это было скорее дружелюбно…

– А Николай Владимирович?

Кто-то сказал, что генерал Рузский просил доложить, что он немного опоздает.

– Так мы начнем без него.

Говорил Гучков. (…) Государь сидел, опершись слегка о шелковую стену, и смотрел перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и непроницаемо.

Я не спускал с него глаз. Он сильно изменился… Похудел… Но не в этом было дело… А дело было в том, что вокруг голубых глаз кожа была коричневая и вся разрисованная белыми черточками морщин. И в это мгновение я почувствовал, что эта коричневая кожа с морщинками, что это маска, что это не настоящее лицо государя и что настоящее, может быть, редко кто видел, может быть, иные никогда, ни разу не видели…

Гучков говорил о том, что происходит в Петрограде. Он немного овладел собой… Он говорил (у него была эта привычка), слегка прикрывая лоб рукой, как бы для того, чтобы сосредоточиться. Он не смотрел на государя, а говорил, как бы обращаясь к какому-то внутреннему лицу, в нем же, Гучкове, сидящему…

Государь смотрел прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо. Единственное, что, мне казалось, можно было угадать в его лице: «Эта длинная речь – лишняя»…

В это время вошел генерал Рузский. Он поклонился государю и, не прерывая речи Гучкова, занял место между Фредериксом и мною.

Гучков…подошел к тому, что единственным выходом

из положения было бы отречение от престола.

Генерал Рузский прошептал мне: «Это дело решенное… Вчера был трудный день… Буря была…»

– И, помолясь Богу… – говорил Гучков.

При этих словах по лицу Государя впервые пробежало что-то… Он посмотрел на Гучкова с таким видом, который как бы выражал: «Этого можно было бы и не говорить…»

Гучков окончил. Государь ответил. После взволнованных слов Александра Ивановича голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой – гвардейский:

– Я принял решение отречься от престола… До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына, Алексея… Но к этому времени я переменил решение в пользу брата Михаила… Надеюсь, вы поймете чувства отца.

Манифест об отречении:

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь героической нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы, и в согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном, мы передаем наследие наше Великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь ему вместе с представителями народа вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России. *Псков. 2 марта 1917 года, 15 часов. Николай.*

Манифест об отречении Михаила Александровича:

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную власть, если такова будет воля Великого Народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословление Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа. *Михаил. 3 марта 1917 г. Петроград.*

Конец

Из дневника Николая II:

3 марта 1917. Пятница. Спал долго и крепко, проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8. 20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9½ перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выбора через шесть месяцев Учредительного собрания. Бог знает кто надоумил его написать подобную гадость. В Петрограде беспорядки прекратились, – лишь бы так продолжалось дальше.

4 марта 1917. Суббота.…К 12 часам поехал на платформу встречать дорогую мать, прибывшую из Киева. Повез ее к себе и завтракал с нею и с нашими. Долго сидели и разговаривали… К 8 часам поехал к обеду Мама́ и просидел с нею до 11 часов…

8 марта 1917. Среда.…В 10.30 я простился со всеми чинами штаба и управления. Дома прощался с офицерами и казаками конвоя и сводного полка – сердце у меня чуть не разорвалось. В 12 часов приехал к Мама́ в вагон… и остался сидеть с ней до 4.30.

Из дневника вдовствующей императрицы Марии Федоровны:

4 марта 1917….В 12 часов прибыли в Ставку, в Могилев, в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции… После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию; затем – чтобы спасти страну – предложил образовать новое правительство и…отречься от престола в пользу своего сына (невероятно!). Но Ники, естественно, не мог расстаться со своим сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он наконец сдался, подписал манифест. Ники был неслыханно спокоен и величествен в этом ужасно унизительном положении. Меня как будто оглушили. Я ничего не могу понять! Возвратилась в 4 часа, разговаривали с Граббе. Он был в отчаянии и плакал. Ники пришел в 8 час. ко мне на ужин. Также был Мордвинов. Бедняга Ники открыл мне свое бедное, кровоточащее

сердце, и мы оба плакали.

Из показаний Дмитрия Николаевича Дубенского Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства:

Это такой фаталист, что я не могу себе представить. Он ко всему всегда ровно, как будто равнодушно относился, сегодня как вчера. Вот маленькая подробность: когда случилось отречение, я был совершенно расстроен, я стоял у окна и просто не мог удержаться от того, чтобы, простите, не заплакать. Все-таки я старый человек. Мимо моего окна идет Государь с Лейхтенбергским, посмотрел на меня весело, кивнул и отдал честь. Это было через полчаса после того, как он послал телеграмму с отречением в ожидании Шульгина. (…) Он отказался от Российского престола просто, как сдал эскадрон. Вот такое у меня было оскорбленное чувство, но когда я его провожал, когда он от матери шел, тут нельзя было быть спокойным. Я поражался, какая у него выдержка. У него одеревенело лицо, он всем кланялся, он протянул мне руку, и я эту руку поцеловал.

Из письма вдовствующей императрицы Марии Федоровны великой княгине Ольге Константиновне:

Сердце переполнено горем и отчаянием. (…) Я благодарна Богу, что была у Ники в эти 5 ужасных дней в Могилеве, когда он был так одинок и покинут всеми… Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым с огромным достоинством и неслыханным спокойствием. Только дважды, когда мы были одни, он не выдержал, и я одна только знаю, как он страдал и какое отчаяние было в его душе!

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

Когда весть об отречении впервые достигла дворца, императрица отказалась ей верить и была совершенно ошеломлена, когда великий князь Павел Александрович сказал ей, что это совершившийся факт. Но когда первое оцепенение прошло, то она выказала удивительное достоинство и мужество. «Я теперь только сестра милосердия», – сказала она, и однажды, когда, как казалось, грозило произойти столкновение между восставшими войсками и дворцовой стражей, она вышла вместе с одной из своих дочерей и умоляла офицеров прийти к соглашению с восставшими во избежание кровопролития. Все ее

дети находились в постели, будучи больны корью, которая у цесаревича и великой княгини Марии приняла довольно серьезный оборот, так что все ее время уходило на то, чтобы от одного больного переходить к другому.

Из воспоминаний великого князя Павла Александровича:

3 марта я опять был вызван во дворец. У меня в руках был свежий номер «Известий» с манифестом об отречении. Я прочел его Александре Федоровне. Об отречении Александра Федоровна ничего не знала. Когда я закончил чтение, она воскликнула: «Не верю, все это враки. Газетные выдумки. Я верю в Бога и в армию. Они нас еще не покинули».

Мне пришлось разъяснить опальной царице, что не только вся армия, но и Бог присоединился к революционерам.

Послание Святейшего Синода:

Божией милостью Святейшего правительствующего Синода
Верным чадам Православной Российской Церкви
Благодать вам и мир да умножится (2 Петр. 1, 2).

Свершилась Воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу Великую Родину счастьем и славой на ее новом пути.

Возлюбленные чада святой Православной Церкви.

Временное правительство вступило в управление страной в тяжкую историческую минуту. Враг еще стоит на нашей земле, и славной армии предстоят в ближайшем будущем великие усилия. В такое время все верные сыны Родины должны проникнуться общим воодушевлением.

Ради миллионов лучших жизней, сложенных на поле брани, ради бесчисленных денежных средств, затраченных Россиею на защиту от врага, ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо Родины, доверьтесь Временному правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы.

Святейший Синод усердно молит Всемилостивого Господа, да благословит Он труды и начинания Временного правительства,

да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного устроения. *10 марта 1917 г.*

Розанов Василий Васильевич (20 апреля (2 мая) 1856, Ветлуга – 5 февраля 1919, Сергиев Посад) – русский религиозный философ, литературный критик, публицист. Из книги «Апокалипсис нашего времени»:

Попам лишь непонятно, что церковь разбилась еще ужаснее, чем царство. Царь выше духовенства. Он не ломался, не лгал. Но, видя, что народ и солдатчина так ужасно отреклись от него, так предали (ради гнусной распутинской истории), и тоже – дворянство (Родзянко), как и всегда фальшивое «представительство», и тоже – и «господа купцы», – написал просто, что в сущности он отрекается от такого подлого народа. И стал в ‹Царском› колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно. (…)

Но Церковь? Этот-то Андрей Уфимский? Да и все. Раньше их было «32 иерея» с желанием «свободной церкви», «на канонах поставленной». Но теперь все 33333…2…2…2…2 иерея и подиерея и сверх иерея подскочили под социалиста…и стали вопить, глаголать и сочинять, что «церковь Христова и всегда была в сущности социалистической» и что особенно она уже никогда не была монархической, а вот только Петр Великий «принудил нас лгать».

Из книги Николая Алексеевича Соколова «Убийство царской семьи»:

В числе других людей наиболее близкими к Царю до его отречения от Престола были: начальник походной канцелярии Нарышкин, начальник конвоя граф Граббе, флигель-адъютант герцог Н. Н. Лейхтенбергский, флигель-адъютант Н. П. Саблин, заведовавший делами Государыни граф Апраксин. Перед отъездом Царя в Тобольск ему была дана возможность взять с собой несколько человек по выбору. Он выбрал Нарышкина. Когда последнему было объявлено желание Государя, он попросил 24 часа на размышление. Государь не стал ждать конца его размышлений и выбрал И. Л. Татищева. Прибыв во дворец 22 марта, Государь ждал, что к нему не замедлят явиться Мордвинов и герцог Лейхтенбергский. Они не ехали. Он справился о них у камердинера Волкова. Тот пошел к обер-

гофмаршалу графу Бенкендорфу. «Доложи, – сказал Бенкендорф, – не приехали и не приедут». В показании Волкова значится: «Государь не подал никакого виду и только сказал: „Хорошо“. А Мордвинов был одним из самых любимых флигель-адъютантов. Когда в дни переворота к дворцу стали стягивать войска и пришел Гвардейский экипаж, в составе которого находился Саблин, я видел почти всех офицеров экипажа. Но Саблин не явился и больше не показался царской семье». Граф Апраксин был во дворце, когда генерал Лавр Корнилов арестовал Государыню. Он остался в числе добровольно арестованных, но через несколько дней ушел. Граф Граббе тайно скрылся, бежал, не только от своей службы, но и от семьи. (…) Эрсберг: «Ни разу к ним не явился свитский генерал Нарышкин. Убежал от них начальник конвоя граф Граббе. Ушел Апраксин. Ни разу к ним не пришел старший офицер Гвардейского экипажа Николай Павлович Саблин». Старый дядька Наследника Цесаревича боцман Деревенко, тот самый, среди детей которого протекли первые годы жизни Наследника, кто носил его на руках во время болезни, в первые же дни переворота проявил злобу к нему и оказался большевиком и вором. (…) Я особо полагаю себя обязанным отметить высокую степень личного благородства и глубочайшую преданность Русскому Царю и его семье двух лиц: швейцарца Жильяра и преподавателя английского языка детям англичанина Гиббса. Неоднократно подвергая жизнь свою риску, Жильяр всецело жертвовал собой для семьи, хотя ему как иностранцу ничего не стоило уйти от нее в первую же минуту. В момент ареста Государыни Гиббс не был во дворце. Потом его уже не впустили. Он настойчиво стал требовать пропуска и подал письменное заявление, чтобы ему позволили учить детей. (…) Пять революционных министров не сломили воли упорного англичанина. Он соединился с семьей, но уже в Сибири.

Из воспоминаний Александра Федоровича Керенского:

Когда Николай II был всемогущ, я сделал все, что мог, чтобы содействовать его падению, но к поверженному врагу я не испытывал чувства мщения. Напротив, я хотел внушить ему, что революция… великодушна и гуманна к своим врагам, и не только на словах, но и на деле….Встречу с царем я ожидал с чувством некоторого волнения, опасаясь, оказавшись лицом к лицу с ним, не сдержать своих чувств.

Стоило мне, подходя к царю, окинуть взглядом всю сцену, и мое настроение полностью изменилось. Вся семья в полной растерянности стояла вокруг маленького столика у окна

прилегающей комнаты. Из этой группы отделился невысокий человек в военной форме и нерешительно, со слабой улыбкой на лице направился ко мне. Это был Николай II….Он не знал, как я себя поведу. Следует ли ему встретить меня в качестве хозяина или подождать, пока я заговорю?…Я быстро подошел к Николаю II, с улыбкой протянул ему руку… Он крепко пожал мою руку, улыбнулся, почувствовав, видимо, облегчение, и тут же повел меня к семье… Александра Федоровна, надменная, чопорная и величавая, нехотя, словно по принуждению, протянула свою руку. В этом проявилось различие в характере и темпераменте мужа и жены. Я с первого взгляда понял, что Александра Федоровна, умная и привлекательная женщина, хоть и сломленная сейчас… обладала железной волей. В те несколько секунд мне стала ясна трагедия, которая в течение многих лет разыгрывалась за дворцовыми стенами.

Полагаю, что опыт большевистского режима уже заставил многих изменить свои суждения о личной ответственности Николая II за все преступления в период его правления. Склад ума и обстоятельства жизни царя обусловили его полную оторванность от народа. Я уходил от него взволнованный и возбужденный. Одного взгляда на бывшую царицу было достаточно, чтобы распознать ее сущность… Но Николай, с его ясными голубыми глазами, прекрасными манерами и благородной внешностью представлял для меня загадку. Или он просто умело пользовался обаянием, унаследованным от своего деда Александра II? Или был всего лишь опытным актером и искусным лицемером? Или безобидным простаком, под каблуком у собственной жены, которым вертят все остальные? Представлялось непостижимым, что этот вялый сдержанный человек, платье на котором казалось с чужого плеча, был царем всея России, царем Польским, Финляндским и т. д., и т. п. и правил огромной империей 25 лет! Я ушел, полный желания разрешить загадку этого странного, испуганного и при этом обезоруживающе обаятельного человека.

Из дневника Мориса Палеолога:

Император все еще необычайно индифферентен и спокоен. Со спокойным, беззаботным видом он проводит день за перелистыванием газет, за курением папирос, за комбинированием пасьянсов или играет с детьми. Он как будто испытывает известное удовольствие от того, что его освободили наконец от бремени власти.

Из воспоминаний Александра Федоровича Керенского:

Меня однажды поучал французский сенатор, старик консерватор, воспитанный в якобинской традиции Французской революции: «Вы совершили ужасную психологическую ошибку, не разделавшись с Николаем II, как мы с Людовиком XVI. В первую очередь следовало сразу же дать свободный выход веками копившейся ненависти. Главное, надо было направить жажду мести и крови на бывших государей. Вы этого не сделали, и гром грянул над вашими же головами.

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (16 (28) марта 1868, Нижний Новгород – 18 июня 1936, Горки, Московская обл.) – русский писатель. Основоположник социалистического реализма. Из книги «Несвоевременные мысли»:

Матрос подвозит Александру Федоровну. Она похудевшая, осунувшаяся, вся в черном. Медленно, с помощью дочерей, выходит из каталки и идет, сильно прихрамывая на левую ногу.

– Вишь, заболела, – замечает кто-то из толпы. – Обезножела.

– Гришку бы ей сюда, – хихикает кто-то. – Живо бы выздоровела.

Звучит общий хохот.

Хохотать над больным и несчастным человеком – занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом.

Из воспоминаний Александра Федоровича Керенского:

В каждую из своих редких и кратких поездок в Царское Село я стремился постичь характер бывшего царя. Я понял, что его ничто и никто не интересует, кроме сына и, быть может, дочерей. Такое безразличие ко всему внешнему миру казалось почти неестественным. Наблюдая за выражением его лица, я увидел, как мне казалось, что за улыбкой и благожелательным взглядом красивых глаз скрывается холодная, застывшая маска полного одиночества и отрешенности. Он не захотел бороться за власть, и она просто-напросто выпала у него из рук. Он сбросил эту власть, как когда-то сбрасывал парадную форму, меняя ее на домашнее платье. Он заново начинал жизнь – жизнь простого, не обремененного государственными заботами гражданина. Уход в частную жизнь не принес ему ничего, кроме облегчения. Старая госпожа Нарышкина передала мне его слова: «Как хорошо,

что не нужно больше присутствовать на этих утомительных приемах и подписывать эти бесконечные документы. Я буду читать, гулять и проводить время с детьми». И это, добавила она, была отнюдь не поза. И действительно, все, кто общался с ним в этом его новом положении пленника, единодушно отмечали, что Николай II постоянно пребывал в хорошем расположении духа и явно получал удовольствие от своего нового образа жизни. Он колол дрова и укладывал их в парке в поленницы. Время от времени занимался садовыми работами, катался на лодке, играл с детьми.

Из дневника Николая II:

Днем работали в лесу, спилили четыре ели. Вечером взялся за чтение «Тартарена из Тараскона».

Из воспоминаний Джорджа Уильяма Бьюкенена:

Керенский предпринял специальные меры для защиты царской семьи, поскольку в какой-то момент экстремисты, требовавшие ее наказания, угрожали захватить ее и заключить в крепость. Во время своей первой речи, которую он произнес в Москве, Керенский заявил, что он не допустит кровопролития и не желает быть Маратом русской революции. Одним из мотивов, по которым он добивался отмены смертной казни, было желание предвосхитить возможные требования расправы над императором. Его Величество, узнав об этом, воскликнул: «Это ошибка. Отмена смертной казни уничтожит дисциплину в армии. Если это делается, чтобы избавить меня от опасности, то передайте ему, что я готов умереть на благо своей страны». Перевод Их Величеств в Тобольск в августе был также продиктован желанием защитить их от опасностей, которым они подверглись бы в результате успешного большевистского восстания. И если бы они оставались в Царском Селе, то они, без всякого сомнения, ненадолго пережили бы Октябрьскую революцию.

Из воспоминаний Александра Федоровича Керенского:

Перед отправкой царской семьи в Тобольск я впервые увидел бывшую царицу только как мать, взволнованную и рыдающую. Ее сын и дочери, казалось, не столь тяжело переживали отъезд, хотя и они были расстроены и в последние минуты крайне возбуждены. Николай был абсолютно спокоен.

Из дневника Николая II:

2 августа 1917. Жара и пыль, как вчера. На всех станциях должны были по просьбе коменданта завешивать окна: глупо и скучно…

4 августа 1917. Перевалили Урал, почувствовали значительную прохладу. Екатеринбург проехали рано утром. Все эти дни часто нагонял нас второй эшелон, со стрелками – встречались как со старыми знакомыми.

8 августа 1917. Пошли вверх по реке Иртыш верст за десять, пристали к правому берегу и вышли погулять. Прошли кустами и, перейдя через ручей, поднялись на высокий берег, откуда открывался такой красивый вид…

Из воспоминаний Татьяны Евгеньевны Мельник-Боткиной:

Из окон моей комнаты был виден весь дом, где помещались Их Величества, и площадка, отведенная для прогулок….Его Величество, в солдатской шинели и защитной фуражке, своей обычной походкой ходил взад и вперед от забора до забора. Великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна в серых макинтошах и пуховых шапочках – синей и красной – быстро шагали рядом с отцом, а Анастасия и Мария, сидя на внутреннем заборе, отгораживающем город и кладовые, разговаривали с караульными солдатами.

Из письма Александры Федоровны к Анне Вырубовой (Танеевой) от 10 декабря 1917 года:

Какая я стала старая, но чувствую себя матерью страны и страдаю как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все прегрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце…

Ники поразителен – такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну, но я поражаюсь, глядя на него… Мирское все проходит; дома и вещи отняты и испорчены, друзья в разлуке… В Боге все, и природа никогда не изменяется. Вокруг вижу много церквей (тянет их посетить) и горы. Волков везет меня в кресле в церковь – только через улицу – из сада прохожу пешком. Некоторые люди кланяются и благословляют, другие не смеют.

Вяжу маленькому теперь чулки, он попросил пару:

его в дырах, а мои слишком толстые и теплые… Как зимой прежде вязала, помнишь? Я своим людям все теперь делаю: у Ники брюки страшно заштопаны, рубашки у дочери в дырах… Анастасия очень толста, как Мария раньше была, – большая, крупная до талии, потом короткие ноги – надеюсь, что растет еще. Ольга худая, Татьяна тоже, волосы у них чудно растут, так что зимой без шали бывают.

Из воспоминаний Пьера Жильяра:

В начале 1918 года после большевистского переворота все мы пребывали в жуткой тоске. У нас было предчувствие, что весь мир нас позабыл-позабросил, предоставив самим себе и милости узурпаторам. Ну возможно ли, чтобы никто не предпринял ни малейшей попытки спасти царскую семью? Где же те, кто еще остался преданным императору? (…)

«Я не отпущу императора одного из Тобольска в Екатеринбург. Его хотят разлучить с семьей, его хотят подтолкнуть к чему-то дурному, заставляя его беспокоиться за жизнь родных… Боже мой, какая ужасная пытка! В первый раз в жизни я не знаю, что делать. Я всегда чувствовала вдохновение каждый раз, когда принимала решение, а теперь не знаю ничего!» – государыня плакала…

Вечером в 10½ часов мы пошли наверх пить чай. Государыня сидела на диване рядом с двумя своими дочерьми. Они так много плакали, что их лица опухли. Все мы скрывали свои мучения и старались казаться спокойными. У всех нас было чувство, что, если кто-нибудь из нас не выдержит, не выдержат и остальные. Государь и государыня были серьезны и сосредоточенны. Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях Своих, потребует этого для спасения страны. Никогда они не проявляли к нам больше доброты и заботливости.

Показания камердинера императора Т. И. Чемодурова во время следствия по делу об убийстве царской семьи:

Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас подвергли тщательному и грубому обыску, обыск производили Б. В. Дидковский и Авдеев – первый комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание

Дидковский ответил: «Прошу не забывать, что вы находитесь под следствием и арестом». В ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны было прямо возмутительное, но Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся семья пила чай – к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в два обед, который присылали уже готовым из местного Совета рабочих депутатов, обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали не на покрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя. Случалось, что на семь обедавших подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только один раз в день, в течение 15–20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда Государь обращался к кому-либо из конвойных с малозначащим вопросом, не имевшим отношения к порядкам, установленным в доме, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле, третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами.

Показания обвиняемого Ф. П. Проскурякова во время следствия по делу об убийстве царской семьи:

Я хорошо знал, что Николай Романов был из одного с нами теста, но его взгляд, его манеры, его походка были вовсе не теми, что у простых смертных. Бывало, на закате солнца он опускал глаза, и тогда в нем чувствовалась врожденная сила. Я часто думал о том, как он нас презирал. И при всем этом Николай Романов великолепно владел собой. Он умел сказать каждому нужное слово приветливым тоном. Голос у него был мягким и ясным. Глаза голубыми. Когда кто-нибудь из наших обормотов, перебрав лишку, делал ему какую-нибудь пакость или хамил, бывший царь отвечал вежливо, тихо, но твердо. Одежда его была латаной и изношенной. Его лакей говорил нам, что и до революции царь любил подолгу носить одну и ту же

одежду и обувь…

Бывшая императрица зато была чванлива и высокомерна. Вот она ни за что не захотела бы разговаривать с нами. Она походила на немецкую генеральшу или классную даму. Она сильно похудела, не брала в рот ни крошки… Для нее готовили макароны и манную кашу. Она вязала шерстяные жилеты, вышивала салфетки для вытирания рук, переделывала мужскую одежду и детское белье…

Показания обвиняемого А. А. Якимова во время следствия по делу об убийстве царской семьи:

Вы спрашиваете меня, почему я пошел караулить Царя. Я не видел в этом ничего худого. (…) Мне думалось и сейчас думается, что хорошая, справедливая жизнь, когда не будет таких бедных и таких богатых, как сейчас, наступит только тогда, когда весь народ поймет, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считал первым капиталистом, который всегда будет держать руку капиталистов, а не рабочих. Поэтому я не хотел Царя и думал, что его надо держать под стражей, вообще в заключении для охраны революции, но до тех пор, пока народ его не рассудит и не поступит с ним по его делам: был он плох перед родиной или нет. И если бы я знал, что его убьют так, как его убили, я бы ни за что не пошел его охранять. Его, по моему мнению, могла судить только вся Россия, потому что он был Царь всей России. А такое дело, какое случилось, я считаю делом нехорошим, несправедливым и жестоким. Убийство же всех остальных из его семьи еще и того хуже. За что же убиты были его дети? А так, я еще должен сказать, что пошел на охрану из-за заработка. Я тогда был все нездоров и больше потому пошел: дело нетрудное… Я никогда, ни одного раза не говорил ни с Царем, ни с кем-либо из его семьи. Я с ним только встречался. Встречи были молчаливые… Однако эти молчаливые встречи с ними не прошли для меня бесследно. У меня создалось в душе впечатление от них ото всех. Царь был уже немолодой. В бороде у него пошла седина… Глаза у него были хорошие, добрые… Вообще он на меня производил впечатление как человек добрый, простой, откровенный, разговорчивый. Так и казалось, что вот-вот он заговорит с тобой, и, как мне казалось, ему охота была поговорить с нами. Царица была, как по ней заметно было, совсем на него непохожая. Взгляд у нее был строгий, фигура и манеры ее были как у женщины гордой, важной.

Мы, бывало, в своей компании разговаривали про них, и все мы думали, что Николай Александрович простой человек, а она

не простая и, как есть, похожа на Царицу. На вид она старше его. У нее в висках была заметна седина, лицо у нее было уже женщины не молодой, а старой. Он перед ней казался моложе. Такая же, видать, как Царица, была Татьяна. У нее вид был такой же строгий и важный, как у матери. А остальные дочери, Ольга, Мария, Анастасия, важности никакой не имели. Заметно по ним было, что были они простые и добрые. Наследник был все время болен, ничего про него сказать вам не могу.

Из дневника Николая II:

14/27 июня 1918….Провели тревожную ночь и бодрствовали одетые… Все это произошло оттого, что на днях мы получили два письма, одно за другим, в которых нам сообщали, чтобы мы приготовились быть похищенными какими-то преданными людьми.

Запись Александры Федоровны в дневнике Николая II:

16 июля 1918. Вторник. Бэби слегка простужен. Все ушли на прогулку на полчаса утром. Татьяна осталась со мной, и мы читали книгу Библию. Как всегда, утром комиссар пришел в наши комнаты. И наконец после недели перерыва опять принесли яйца для Бэби! В 8 часов ужин. Играли в безик с Николаем. В 10.30 в кровать.

Из воспоминаний участника расстрела царской семьи М. А. Медведева (Кудрина) (декабрь 1963 г.):

Относительно вольготная жизнь Романовых (особняк купца Ипатьева даже отдаленно не напоминал тюрьму) в столь тревожное время, когда враг был буквально у ворот города, вызывала понятное возмущение рабочих Екатеринбурга и окрестностей. На собраниях и митингах на заводах Верх-Исетска рабочие прямо говорили: «Чегой-то вы, большевики, с Николаем нянчитесь? Пора кончать, не то разнесем ваш Совет по щепочкам!»

Такие настроения серьезно затрудняли формирование частей Красной Армии, да и сама угроза расправы была нешуточной – рабочие были вооружены, и слово с делом у них не расходилось. Требовали немедленного расстрела Романовых и другие партии. Еще в конце июня эсер Сакович и левый эсер Хотимский (позднее – большевик, чекист, погиб в годы культа личности Сталина, посмертно реабилитирован) на заседании настаивали

на скорейшей ликвидации Романовых и обвиняли большевиков в непоследовательности. Лидер же анархистов Жебенев кричал нам в Совете: «Если вы не уничтожите Николая Кровавого, то это мы сделаем сами!» Не имея санкции ВЦИКа на расстрел, мы не могли ничего сказать в ответ, а позиция оттягивания без объяснения причин еще больше озлобляла рабочих. Дальше откладывать решение участи Романовых в военной обстановке означало еще глубже подрывать доверие народа к нашей партии. Поэтому решить наконец участь царской семьи в Екатеринбурге, Перми и Алапаевске (там жили братья царя) собралась именно большевистская часть областного Совета Урала. От нашего решения практически зависело, поведем ли мы рабочих на оборону города Екатеринбурга или поведут их анархисты и левые эсеры. Третьего пути не было. (…) Обсудив все обстоятельства, мы принимаем решение: (…) этой же ночью уничтожить царскую семью Романовых.

Яков Юровский предлагает сделать снисхождение для мальчика.

«Какого? Наследника? Я – против!» – возражаю я.

«Да нет, Михаил, кухонного мальчика Леню Седнева нужно увести. Поваренка-то за что… Он играл с Алексеем».

«А остальная прислуга?»

«Мы с самого начала предлагали им покинуть Романовых. Часть ушла, а те, кто остался, заявили, что желают разделить участь монарха. Пусть и разделяют».

Постановили: спасти жизнь только Лене Седневу. Затем стали думать, кого выделить на ликвидацию Романовых от Уральской областной Чрезвычайной комиссии. Белобородов спрашивает меня:

«Примешь участие?»

«По указу Николая II я судился и сидел в тюрьме. Безусловно приму!»

«От Красной Армии еще нужен представитель, – говорит Филипп Голощекин. – Предлагаю Петра Захаровича Ермакова, военного комиссара Верх-Исетска».

«Принято. А от тебя, Яков, кто будет участвовать?»

«Я и мой помощник Григорий Петрович Никулин, – отвечает Юровский. – Итак, четверо: Медведев, Ермаков, Никулин и я».

Совещание закончилось. Юровский, Ермаков и я идем вместе в Дом особого назначения, поднялись на второй этаж, в комендантскую комнату, – здесь нас ждал чекист Григорий Петрович Никулин (ныне персональный пенсионер, живет в Москве). Закрыли дверь и долго сидели, не зная, с чего начать. Нужно было как-то скрыть от Романовых, что их ведут

на расстрел. (…) Жарко. Ничего не можем придумать. Может быть, когда уснут, забросать комнаты гранатами? Не годится – грохот на весь город, еще подумают, что чехи ворвались в Екатеринбург. Юровский предложил второй вариант: зарезать всех кинжалами в постелях. Даже распределили, кому кого приканчивать. Ждем, когда уснут. Юровский несколько раз выходит к комнатам царя с царицей, великих княжон, прислуги, но все бодрствуют – кажется, они встревожены уводом поваренка.

Перевалило за полночь, стало прохладнее. Наконец во всех комнатах царской семьи погас свет, видимо, уснули. Юровский вернулся в комендантскую и предложил третий вариант: посреди ночи разбудить Романовых и попросить их спуститься в комнату первого этажа под предлогом, что на дом готовится нападение анархистов и пули при перестрелке могут случайно залететь на второй этаж, где жили Романовы (царь с царицей и Алексеем – в угловой, а дочери – в соседней комнате с окнами на Вознесенский переулок). Реальной угрозы нападения уже не было, так как незадолго перед этим мы с Исаем Родзинским разогнали штаб анархистов в особняке инженера Железнова (бывшее Коммерческое училище) и разоружили анархистские дружины Петра Ивановича Жебенева. Выбрали комнату в нижнем этаже, рядом с кладовой, всего одно зарешеченное окно в сторону Вознесенского переулка (второе от угла дома), обычные полосатые обои, сводчатый потолок, тусклая электролампочка под потолком. Решаем поставить во дворе снаружи дома (двор образован внешним дополнительным забором со стороны проспекта и переулка) грузовик и перед расстрелом завести мотор, чтобы шумом заглушить выстрелы в комнате. Юровский уже предупредил наружную охрану, чтобы не беспокоилась, если услышат выстрелы внутри дома; затем раздали наганы латышам внутренней охраны. (…) Трое латышей отказались участвовать в расстреле. Начальник охраны Павел Спиридонович Медведев вернул их наганы в комендантскую комнату. В отряде осталось семь человек латышей. Далеко за полночь Яков Михайлович проходит в комнаты Боткина и царя, просит одеться, умыться и быть готовыми к спуску в полуподвальное укрытие. Примерно с час Романовы приводят себя в порядок после сна, наконец – около трех часов ночи – они готовы. Юровский предлагает нам взять оставшиеся пять наганов. Петр Ермаков берет два нагана и засовывает их за пояс. По нагану берут Григорий Никулин и Павел Медведев, я отказываюсь, так как у меня и так два пистолета: на поясе в кобуре американский «кольт», а за поясом бельгийский «браунинг» (оба исторических пистолета – «браунинг» № 3899965 и «кольт» калибра 45, правительственная

модель «С» № 78517 – я сохранил до сегодняшнего дня). Оставшийся револьвер берет сначала Юровский (у него в кобуре десятизарядный «маузер»), но затем отдает его Ермакову, и тот затыкает себе за пояс третий наган. Все мы невольно улыбаемся, глядя на его воинственный вид.

Из книги Николая Алексеевича Соколова «Убийство царской семьи»:

Медведев, Якимов и Проскуряков называют этих людей «латышами». В их устах это слово имеет, однако, несколько иной смысл. Главную вооруженную силу большевиков в Сибири составляли латышские отряды и австро-немецкие пленные. Они держались замкнуто, отчужденно от русских красноармейцев. Последние противопоставляли себя им и всех вообще нерусских большевиков называли «латышами». (…) На террасе ипатьевского дома, где был пост № 6, я обнаружил надпись на русском языке: «№ 6. Вергаш карау… 1918. VII / 15» и по-мадьярски «Verhas Andras 1918 VII / 15 eorsegen». Осматривая сады Ипатьева, я нашел здесь обрывок письма на мадьярском языке на имя «Терезочки». (…) В комнате под цифрой II Сергеев обнаружил на южной стене надпись на немецком языке:

Belsazar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht[25].

Это 21-я строфа известного произведения немецкого поэта Гейне «Belsazar» («Валтасар»). (…) В этом же нижнем этаже, в комнате под цифрой X, жил пленный солдат австрийской армии по имени Рудольф Лахер.

Юровский Яков Михайлович (7 (19) июня 1878, Томск – 2 августа 1938, Москва) – чекист, один из главных участников убийства Николая II и его семьи. Из отчета об убийстве:

16.07 была получена телеграмма из Перми на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых. 16-го в шесть часов вечера Филипп Голощекин предписал привезти приказ в исполнение. В 12 часов должна была приехать машина для отвоза трупов.

… Грузовик в 12 часов не пришел, пришел только в полвторого. Это отсрочило приведение приказа в исполнение. Тем временем были сделаны все приготовления, отобрано

12 человек (в т. ч. семь латышей с наганами), которые должны были привести приговор в исполнение. Двое из латышей отказались стрелять в девиц.

Когда приехал автомобиль, все спали. Разбудили Боткина, а он всех остальных. Объяснение было дано такое: «Ввиду того, что в городе неспокойно, необходимо перевести семью Р-х из верхнего этажа в нижний». Одевались полчаса. Внизу была выбрана комната с деревянной оштукатуренной перегородкой (чтобы избежать рикошетов), из комнаты была вынесена вся мебель. Команда была наготове в соседней комнате. Р. ни о чем не догадывались. Комендант отправился за ними лично, один, и свел их по лестнице в нижнюю комнату. Ник. нес на руках А-я, остальные несли подушечки и разные мелкие вещи. Войдя в пустую комнату, А. Ф. спросила: «Что же и стула нет? Разве и сесть нельзя?» Ком. велел внести два стула. Ник. посадил на один А., на другой села А. Ф. Остальным ком. велел встать в ряд. Когда встали – позвали команду. Когда вошла команда, ком. сказал Р-вым, что, ввиду того, что их родственники в Европе продолжают наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил их расстрелять. Николай повернулся спиной к команде, лицом к семье, потом, как бы опомнившись, обернулся к коменданту с вопросом: «Что-что?» Ком. наскоро повторил и приказал команде готовиться. Команде заранее было указано, кому в кого стрелять, и приказано целить прямо в сердце, чтобы избежать большого количества крови и покончить скорее. Николай больше ничего не произнес, опять обернувшись к семье, другие произнесли несколько несвязных восклицаний, все длилось несколько секунд. Затем началась стрельба, продолжавшаяся две-три минуты. Ник. был убит самим ком-м наповал. Затем сразу же умерли А., А. Ф. и люди Р-х (всего было расстреляно 12 человек): Ник., А., А. Ф., 4 дочери – Татьяна, Ольга, Мария и Анастасия, д-р Боткин, лакей Трупп, повар Харитонов, еще повар и фрейлина, фамилию которой ком. забыл.

Цветаева Марина Ивановна (26 сентября (8 октября) 1892, Москва – 31 августа 1941, Елабуга) – русская поэтесса. Из дневника:

Возвращаемся с Алей с каких-то продовольственных мытарств унылыми, унылыми, унылыми проездами пустынных бульваров. Витрина – жалкое окошко часовщика. Среди грошовых мелочей огромный серебряный перстень с гербом. Потом какая-то площадь. Стоим, ждем трамвая. Дождь. И дерзкий мальчиший петушиный выкрик: «Расстрел Николая Романова! Расстрел

Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым!» Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая и тоже (тоже!) слышащих. Рабочие, рваная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаза – куда? Да так, в пустоту. А может, трамвай выколдовывают. Тогда я Але сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил – знает): «Аля, убили русского царя, Николая II. Помолись за упокой его души!» И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный, крест. (Сопутствующая мысль: «Жаль, что не мальчик. Сняла бы шляпу».)

Из дневника Льва Троцкого:

9 апреля ‹1935 г.›. Белая печать когда-то очень горячо дебатировала вопрос, по чьему решению была предана казни царская семья… Либералы склонялись как будто к тому, что уральский исполком, отрезанный от Москвы, действовал самостоятельно. Это не верно. Постановление вынесено было в Москве. Дело происходило в критический период гражданской войны, когда я почти все время проводил на фронте, и мои воспоминания о деле царской семьи имеют отрывочный характер. Расскажу здесь, что помню. В один из коротких наездов в Москву – думаю, что за несколько недель до казни Романовых, – я мимоходом заметил в Политбюро, что ввиду плохого положения на Урале следовало бы ускорить процесс царя. Я предлагал открытый судебный процесс, который должен был развернуть картину всего царствования (крестьянск‹ая› политика, рабочая, национальная, культурная, две войны и пр.); по радио (?) ход процесса должен был передаваться по всей стране; в волостях отчеты о процессе должны были читаться и комментироваться каждый день. Ленин откликнулся в том смысле, что это было бы очень хорошо, если б было осуществимо. Но… времени может не хватить… Прений никаких не вышло, так ‹как› я на своем предложении не настаивал, поглощенный другими делами. Да и в Политбюро нас, помнится, было трое-четверо: Ленин, я, Свердлов… Каменева как будто не было. Ленин в тот период был настроен довольно сумрачно, не очень верил тому, что удастся построить армию… Следующий мой приезд в Москву выпал уже после падения Екатеринбурга. В разговоре со Свердловым я спросил мимоходом: «Да, а где царь?» «Кончено, – ответил он, – расстрелян». «А семья где?» – «И семья с ним». – «Все?» – спросил я, по-видимому, с оттенком удивления. «Все! – ответил Свердлов. – А что?» Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

«А кто решал?» – спросил я. «Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени, особенно в нынешних трудных условиях». Больше я никаких вопросов не задавал, поставив на деле крест. По существу, решение было не только целесообразным, но и необходимым. Суровость расправы показывала всем, что мы будем вести борьбу беспощадно, не останавливаясь ни перед чем. Казнь царской семьи нужна была не просто для того, чтоб запугать, ужаснуть, лишить надежды врага, но и для того, чтобы встряхнуть собственные ряды, показать, что отступления нет, что впереди полная победа или полная гибель. В интеллигентных кругах партии, вероятно, были сомнения и покачивания головами. Но массы рабочих и солдат не сомневались ни минуты: никакого другого решения они не поняли бы и не приняли бы. Это Ленин хорошо чувствовал: способность думать и чувствовать за массу и с массой была ему в высшей мере свойственна, особенно на великих политических поворотах…

Основные даты жизни императора Николая II

1868, 6 (18) мая – родился великий князь Николай Александрович.

1881, 1 (13) марта – Высочайшим манифестом он объявлен наследником Престола Всероссийского.

1890–1894 – любовная связь с балериной Мариинского театра Матильдой Кшесинской.

1890–1891 – кругосветное путешествие.

11 мая 1890 – покушение на цесаревича в японском городе Отсу.

1894, 8 (20) апреля – помолвка в Кобурге (Германия) с принцессой Алисой Гессенской.

20 октября (1 ноября) – смерть отца, императора Александра III, в Ливадийском дворце в Крыму. Вступление на Престол Российской империи.

6 (18) ноября – похороны Александра III в Петербурге.

14 (26) ноября – бракосочетание Николая II и Александры Федоровны (Алисы Гессенской) в Петербурге.

1895, 17(29) января – речь Николая II на собрании представителей земств о бессмысленности надежд на конституционное правление.

3 (15) ноября – рождение великой княжны Ольги Николаевны.

1896, 14 (26) мая – коронование Николая II в московском Кремле.

17 (29) мая – Ходынская катастрофа.

1897, 3 (15) января – денежная реформа министра финансов С. Ю. Витте. Выпуск в обращение золотой монеты.

28 января (9 февраля) – первая Всеобщая перепись населения.

29 мая (10 июня) – рождение великой княжны Татьяны Николаевны.

1898, 4 (16) июня – встреча и беседа с земским статистиком А. А. Клоповым, ставшим постоянным корреспондентом императора до 1916 года.

16 (28) августа – нота русского Министерства иностранных дел с предложением ограничить гонку вооружений.

1899, 14 (26) июня – рождение великой княжны Марии Николаевны.

28 июня (9 августа) – смерть брата, наследника-цесаревича Георгия Александровича, в Аббас-Тумане.

1901 – образовано «Русское лесопромышленное

товарищество» на реке Ялу в Корее. В Корее сталкиваются интересы России и Японии.

14 (27) февраля – министр народного просвещения Н. П. Боголепов убит исключенным из университета за участие в студенческих волнениях П. В. Карповичем.

5 (18) июня – рождение великой княжны Анастасии Николаевны.

1902, 2 (15) апреля – министр внутренних дел Д. С. Сипягин убит эсером С. В. Балмашевым.

1903, 6 (19)–7(20) апреля – Кишиневский погром.

Июль – учреждено наместничество на Дальнем Востоке.

17(30) – 20 июля (2 августа) – Николай II и Александра Федоровна участвуют в церемонии открытия мощей Серафима Саровского.

Сентябрь – учрежден Особый комитет по делам Дальнего Востока.

1904, 27 января (9 февраля) – нападение японских миноносцев на русскую военную эскадру. Начало русско-японской войны.

3(16) июня – финляндский генерал-губернатор Н. И. Бобриков убит сыном бывшего финляндского сенатора Е. Шауманом, застрелившимся после совершённого покушения.

15 (28) июля – министр внутренних дел В. К. Плеве убит эсером Е. С. Сазоновым.

30 июля (12 августа) – рождение цесаревича Алексея Николаевича.

20 декабря (2 января 1905) – падение Порт-Артура.

1905, 9 (22) января – расстрел рабочей демонстрации, шедшей к императору с петицией, составленной священником Г. А. Гапоном и рабочим И. Васимовым.

4 (17) февраля – московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович, убит эсером И. П. Каляевым.

18 февраля (3 марта) – рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о разработке мер для привлечения населения к обсуждению законодательных предложений.

14 (27) – 15 (28) мая – поражение русского флота в Цусимском сражении.

14 (27) июня – восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический».

11 (24) июля – встреча с германским императором Вильгельмом II на яхте вблизи местечка Бьерк. Подписание секретного договора, от исполнения которого Николай II впоследствии отказался.

19–26 июля (1–8 августа) – совещания в Петергофе

с великими князьями, министрами, членами Госсовета о создании законосовещательной Думы. В совещаниях принимал участие историк В. О. Ключевский. Благодаря ему протоколы совещания попали к лидеру партии кадетов П. Н. Милюкову.

23 августа (5 сентября) – С. Ю. Витте подписывает в Портсмуте мирный договор с Японией.

Октябрь – Всероссийская политическая стачка.

8 (21) октября – великий князь Кирилл Владимирович без разрешения главы российского императорского дома женится на принцессе Виктории-Мелите Саксен-Кобургской. Николай II признает этот брак только в 1907 году.

17 (30) октября – манифест «Об усовершенствовании государственного строя».

1 (14) ноября – знакомство с Григорием Распутиным (Новых).

11(24) декабря – опубликование закона о выборах в Государственную думу.

1906, 23 апреля (6 мая) – утверждение новых Основных законов Российской империи.

27 апреля (10 мая) – в Таврическом дворце в Петербурге открывается Первая Государственная дума.

8 (21) июля – Дума распущена.

9–10 (22–23) июля – Выборгское воззвание группы депутатов распущенной Думы с призывом к пассивному сопротивлению.

19 ноября (2 декабря) – Указ о свободном выходе крестьян из общины. Начало Столыпинской аграрной реформы.

1907, 20 февраля (5 марта) – открытие II Государственной думы.

3 (16) июня – Дума распущена. Одновременно приняты новые избирательные законы.

18 (31) августа – подписано англо-русское соглашение.

1 (14) ноября – открытие III Государственной думы.

1911, 1(14) сентября – в Киеве агентом охранки Д. Г. Богровым убит премьер-министр П. А. Столыпин.

15 (28) октября – брат Николая II, великий князь Михаил Александрович, в Вене заключает морганатический брак с Натальей Сергеевной Шереметевской. Николай II запрещает ему въезд в Россию, подписывает указ о передаче в опеку его имущества.

1912, 15 (28) ноября – открытие IV Государственной думы.

1913, 21 февраля (5 марта) – празднование Трехсотлетия Дома Романовых.

1914, 15 (28) июня – в Сараеве сербским националистом убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд.

10 (23) июля – Австро-Венгрия направила Сербии ультиматум.

15 (28) июля – Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Бомбардировка Белграда.

16 (29) июля – Россия начала мобилизацию в приграничных с Австро-Венгрией областях.

17 (30) июля – Россия начала всеобщую мобилизацию.

18 (31) июля – Вильгельм II потребовал от Николая II прекратить всеобщую мобилизацию до 12 часов дня 19 июля (1 августа). В противном случае он угрожал начать войну.

19 июля (1 августа) – Германия объявила России войну.

21 июля (3 августа) – Германия объявила войну Франции.

22 июля (4 августа) – германские войска напали на Бельгию, нарушив ее нейтралитет. Вликобритания объявила войну Германии. Немецкий погром в Петербурге. Разгромлено немецкое посольство.

3 (16) августа – Николай II по ходатайству матери прощает брата, великого князя Михаила Александровича, и разрешает ему въезд в Россию. Михаил Александрович становится командиром Кавказской кавалерийской туземной (Дикой) дивизии.

4 (17) августа – 2 (15) сентября – наступление русских армий в Восточной Пруссии, завершившееся их разгромом.

1915–1916 – усиление влияния Григория Распутина и его сторонников.

1915, 26–29 мая (8–11 июня) – немецкие погромы в Москве.

23 августа (5 сентября) – отставка с поста Верховного Главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Принятие Николаем II обязанностей Верховного Главнокомандующего.

1916 – частая смена министерств, получившая с легкой руки черносотенного депутата Думы, В. М. Пуришкевича, название «министерской чехарды».

1916, 9 (22) февраля – выступление Николая II перед депутатами IV Государственной думы.

22 мая (4 июня) – 31 июля (13 августа) – наступление русских армий на Юго-Западном фронте. «Брусиловский прорыв».

1 (14) декабря – речь П. Н. Милюкова в Думе. Лидер кадетов выступает с резкой критикой правительства и императрицы. Против Милюкова возбуждено дело по обвинению в клевете.

17 (30) декабря – Григорий Распутин убит князем Ф. Ф. Юсуповым, великим князем Дмитрием Павловичем, В. М. Пуришкевичем и доктором С. Лазовертом.

1917, 23 февраля (8 марта) – начало уличных беспорядков в Петрограде.

28 февраля (13 марта) – отъезд Николая II из Ставки в Царское Село.

1 (14) марта – прибытие Николая II в Псков. Создание в Петрограде Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

2 (15) марта – подписание Николаем II отречения в пользу своего брата Михаила Александровича.

3 (16) марта – Михаил Александрович отрекается от престола до «решения Учредительного собрания».

6 (19) марта – решение Временного правительства об аресте Николая II.

31 шюля (13 августа) – отправка царской семьи из Царского Села в Тобольск.

6 (19) августа – прибытие в Тобольск.

1918, 17 (30) апреля – прибытие в Екатеринбург.

Ночь с 3 (16) на 4 (17) шюля – убийство в Екатеринбурге Николая II, Александры Федоровны, их детей и пятерых приближенных.

1981 – канонизация Николая II вместе со всей семьей Русской Зарубежной православной церковью.

17 шюля 1998 – захоронение останков царской семьи в Екатерининском приделе Петропавловского собора Санкт-Петербурга.

2000 – канонизация Николая II и всей его семьи РПЦ.

Библиография

Акира Ёсимура. Покушение. Цесаревич Николай в Японии / Пер. с яп. Т. И. Редько-Добровольской. М.: Муравей, 2002.

Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М.: Вече, 2008.

Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990.

Бок М., фон. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. М.: Вагриус, 2006.

Боханов А. А. Николай II. М.: Молодая гвардия, 1997.

Боханов А. А. Последний царь. М.: Вече, 2006.

Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001.

Бубнов А. Д. В царской ставке. М.: Вече, 2008.

Буранов Ю., Хрусталев В. Гибель императорского дома. М.: Прогресс, 1992.

Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М.: Международные отношения, 1991.

Бьюкенен Дж. Моя миссия в Россию. Воспоминания английского дипломата, 1910–1918 / Пер. с англ. Т. В. Китаиной. М.: Центрполиграф, 2006.

Витте С. Ю. Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960.

Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М.: ТЕРРА, 1991.

Воррес Йен. Последняя великая княгиня. СПб.: Алетейя, 2003.

Гибель царской семьи. М.: ТЕРРА, 1996.

Гиппиус З. Петербургские дневники. 1914–1919. Нью-Йорк; Москва: Телекс, 1990.

Горький М. Несвоевременные мысли. М.: Советский писатель, 1990.

Гурко В. И. Царь и царица. Paris: Возрождение, 1927.

Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Ден Л. Подлинная царица. М.: Терра, 1998.

Дневник императора Николая II, 1890–1906. М.: Полистар, 1991.

Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1992.

Дневники императрицы Марии Федоровны / Пер. Ю. В. Кудриной. М.: Вагриус, 2005.

Жильяр П. При дворе Николая II. Воспоминания наставника царевича Алексея / Пер. с англ. Л. А. Калашниковой. М.: Центрполиграф, 2006.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена: Русь, 1921.

Извольский А. П. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1989.

Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М.: Республика, 1993.

Керенский А. Ф. Трагедия династии Романовых / Пер. с фр. Е. В. Нетесовой. М.: Центрполиграф, 2005.

Кишиневский погром 1903 года. Сборник документов и материалов. Кишинев: Ruxanda, 2000.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого, 1903–1919. М.: Наука, 1991.

Коронационный сборник. Т. 1–2. СПб.: Министерство императорского двора, 1899.

Краснов В. Ходынка (Рассказ не до смерти затоптанного). М.; Л.: Госиздат, 1926.

Крылов В. М., Малеванов Н. А., Травин В. И. Тайный советник императора. СПб.: Петербург-XXI век, 2002.

Куропаткин А. Н. Дневник. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1923.

Кшесинская М. Ф. Воспоминания. М.: Культура, 1992.

Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб.: Logos, 1995.

Маклаков В. Власть и общественность на закате старой России. Париж, 1936.

Мартынов Е. И. Воспоминания о Японской войне командира пехотного полка. Плоцк, 1910.

Мельник-Боткина Т. Воспоминание о царской семье. М.: Анкор, 1993.

Милюков П. Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора. СПб.: Наука, 1992.

Николай II и великие князья. (Родственные письма к последнему царю). Л.; М.: Госиздат, 1925.

Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. М.: Алгоритм, 2003.

Отречение императора Николая II. Л.: Красная газета, 1927.

Падение царского режима. Л.; М.: Госиздат, 1924–1927.

Палеолог М. Дневник посла. М.: Захаров, 2003.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991.

Переписка Вильгельма с Николаем II. М.; Пг.: Мосполиграф, 1923.

Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л.: Госиздат, 1923, 1926, 1927.

Платонов О. Жизнь за царя. СПб.: Воскресеніе, 1996.

Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М.: Алгоритм; Издательство «БСК», 2007.

Пуришкевич В. М. Убийство Распутина. М.: Интербук, 1990.

Раупах Р. Р., фон. Facies Hippocratica (Лик умирающего). СПб.: Алетейя, 2007.

Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М.: Республика, 2000.

Симанович А. Воспоминания личного секретаря Распутина. Ташкент: Узбекистон, 1990.

Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. Минск: Харвест, 2004.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.; СПб.: Алетейя, 1995.

Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000.

Суворин А. С. Дневник. М.: Независимая газета, 1992.

Таубе Г. Н. Последние дни 2-й Тихоокеанской эскадры. СПб.: издатель М. А. Леонов, 2004.

Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991.

Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен. (Конец 1890-х – 1918 гг.). М.: Духовная библиотека, 2002.

Фрейлина Ее Величества Анна Вырубова: Сборник / Сост. А. Кочетов. М.: Орбита, 1993.

Цион С. А. Николай II. Его личность, интимная жизнь и правление. Лондон, 1905.

Шавельский Георгий. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова, 1954.

Шульгин В. Дни. М.: Современник, 1989.

Элпидин М. К. Цесаревич. Его путешествие и покушение на его жизнь. Женева: Elpidine, 1891.

Юсупов Ф. Ф. Мемуары. М.: Захаров, 1998.

Lensch Paul. Die deutsche Sozialdemokratie und der Weltkrieg. Berlin, 1915.

Charles de Chambrun. Lettres a Marie. Petersbourg-Petrograd, 1914–1918. Paris, 1941.

Головин Ф. А. Николай II // Красный архив. 1926. № 6 (19).

Данилов Ю. Н. Мои воспоминания об императоре Николае и великом князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. 1993. Т. XIX.

Дубасов Ф. В. Письмо адмирала Дубасова // Красный архив. 1925. Т. 11.

Ленин В. И. К вопросу о национальностях и «автономизации» // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. М.: Политиздат, 1964.

Ленин В. И. О черносотенстве // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 24. М.: Политиздат, 1961.

Ленин В. И. Письмо А. М. Горькому от 25 января 1913 г. // *Ленин В. И.* ПСС. Т. 48. М.: Политиздат, 1964.

Маркс К. Об освобождении крестьян в России // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 12. М.: Политиздат, 1958.

Никольский Б. В. Из дневника 1905 года // Красный архив. 1934. № 2 (63).

Павел Александрович, вел. кн. О революции // Русская воля. 1917. 11 марта. № 10.

Переписка Николая II и Марии Федоровны // Красная новь. 1927. № 3 (22).

Родзянко М. В. Крушение империи // Гибель монархии. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

Родичев Ф. И. Из воспоминаний // Современные записки. 1933. Т. 53.

Самарин А. Д. Поездка в Барановичи 19–21 июня 1915 года / Публ. гр. А. В. Комаровского // Новый журнал. 1992. № 187.

Солженицын А. И. Размышления о Февральской революции // Москва. 1995. № 2.

Соловьев В. С. Письмо Николаю II // Наше наследие. 1992. № 25.

Толстой Л. Н. Письмо Николаю II // *Толстой Л. Н.* ПСС. М.: ГИХЛ, 1954. Т. 73–74.

Троцкий Л. Дневники // Знамя. 1990. № 8.

Шварц А. Н. Мои воспоминания о Государе. 1 января 1911 // Отечественные архивы. 1993. № 2.

notes

Сноски

1

Георг V (1865–1936) – английский король с 1910 г. Представитель Саксен-Кобург-Готской династии (с июля 1917 переименована в Виндзорскую). Двоюродный брат Николая II.

2

Что это он им объясняет? *(фр.)*

3

Он объясняет им, что они идиоты *(фр.)*.

4

Речь идет о Кишиневском погроме, одном из наиболее известных еврейских погромов в Российской империи (6/19–7/20 апреля 1903 г.). Причиной погрома стали распространяемые газетой «Бессарабец» слухи о ритуальном характере убийства подростка Михаила Рыбаченко, произошедшего в г. Дубоссары.

5

Боксерское восстание (восстание Ихэтуаней) – националистическое антиевропейское движение в Китае в 1899–1902 гг. Ихэтуани («кулак во имя справедливости» – отсюда европейское название: боксеры) выступали против проникновения европейцев в страну, строительства железных дорог, христианства. На Дальнем Востоке ихэтуани подвергли артиллерийскому обстрелу Благовещенск. Европейские государства ввели на территорию Китая войска. Россия приняла активное участие в подавлении Боксерского восстания.

6

Повод к войне *(лат.)*.

7

Флаг и один постовой – престиж России сделает все остальное *(фр.)*.

8

Он не успеет туда доехать, как война закончится *(фр.)*.

9

Болховский, 138-й пехотный полк, один из старейших пехотных полков русской армии. Во время Русско-японской войны командиром полка был Е. И. Мартынов.

10

Речь идет о женитьбе вел. кн. Кирилла Владимировича (1876–1938) на Виктории Мелите Саксен-Кобург-Готской 8 октября 1905 года. Брак был признан Николаем II только в 1907 г.

11

Трепов Дмитрий Федорович (1855–1906) – русский государственный деятель; с 11 января 1905 г. – петербургский генерал-губернатор, с 26 октября – петергофский дворцовый комендант.

12

Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933), князь, русский государственный деятель. В апреле 1905 г. назначен членом Государственного совета, в октябре того же года, в кабинете графа С. Ю. Витте – обер-прокурором Святейшего Синода, на место К. П. Победоносцева.

13

Неописуемый энтузиазм! *(фр.)*

14

«Александрия» – дворцовый парковый ансабль в Петергофе, названный по имени Александры Федоровны, жены Николая I. Резиденция императора. Речь идет о волнениях во флоте и готовящихся покушениях, из-за которых Николай II и его семья не могли покинуть «Александрию».

15

Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934) – русский военный деятель, участник подавления «боксерского восстания» в Китае, русско-японской и Первой мировой войн. 10 сентября 1915 г., после отставки князя Ф. Ф. Юсупова (старшего), вступил в должность командующего Московским военным округом.

16

А! Это ваша дочь *(фр.)*.

17

Вы невеста, не правда ли? Я знаю вашего жениха и поздравляю вас с выбором *(фр.)*.

18

Трепов Владимир Федорович (1860–1918) – лидер крайне правых, член Государственного совета. Брат Д. Ф. Трепова.

19

Трепов Александр Федорович (1862–1928) – министр путей сообщения, с 10 ноября 1916 – председатель Совета министров. После Октябрьской революции – один из лидеров белого движения.

20

Государственный переворот *(фр.)*.

21

Руднев Владимир Михайлович – товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда. Член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию злоупотреблений бывших министров и других должностных лиц. Автор служебной записки о Распутине, в 1920 г. изданной в Париже в виде книги «Правда о Распутине и „темных силах“».

22

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) – русский государственный деятель, с 1913 г. – зам. министра внутренних дел, командир Отдельного корпуса жандармов. В августе 1915 г. отстранен от должности за доклад Николаю II о поведении Распутина. После Октябрьской революции активно сотрудничал с органами ВЧК – ГПУ. Расстрелян на Бутовском полигоне.

23

Парвус Александр Львович (Гельфанд Израиль Лазаревич) (1867–1924) – революционер, деятель российского и германского социал-демократического движения, марксист, предприниматель. Один из авторов теории Советов как новой формы государственного устройства и «перманентной революции». В годы Первой мировой войны активно сотрудничал с германским генштабом. Посредник на переговорах Ленина с германским генштабом о проезде через Германию и о получении финансовой поддержки.

Мимоходом *(фр.)*.

25

Валтасар в ту же ночь был убит своими слугами *(нем.)*.